

*Из Рюриковичей — в министры
путей сообщения
«Чайка русской изящной словесности
«Алхимик от музыки»
Загадки Диего Веласкеса...*

*О жизни и творчестве художника Леонида Феодора
читайте на странице 73.*

Это интересно

<i>Денис Логинов</i>	Князь-машинист 4
<i>Валерия Быкова</i>	Миллиардер за штурвалом 96
<i>Алексей Ренкель</i>	Непотопляемый капитан 107

Судьбы

<i>Людмила Маршезан</i>	«Чайка русской изящной словесности» 18
-------------------------	---

Кремль России

<i>Дмитрий Зелов</i>	Загадки старинной башни 29
----------------------	---

Рассказ

<i>Светлана Савицкая</i>	Одна на два созвездия звезда 34
--------------------------	--

Замечательные современники

<i>Елена Воробьева</i>	Александра Попова: «Театр — это постоянная работа над собой» 46
------------------------	--

Неизвестное об известном

<i>Алла Зубкова</i>	Клод Дебюсси. «Алхимик от музыки» 52
<i>Юрий Осипов</i>	Время Стругацких 120

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Диего Веласкес. «Менины» 65
---------------------	--

Эссе

<i>Виктор Ом</i>	Леонид Феодор. Очень русский художник 73
------------------	---

Житейские истории

<i>Игорь Семенов</i>	Письмо на дальнее пограничье 86
----------------------	--

Славянские древности

<i>Агния Заберина</i>	«В октябре, в октябре частый дождик на дворе...» 127
-----------------------	---

Детектив

<i>Наталья Солдатова</i>	Проделки Элен, или Дама из преисподней 130
--------------------------	---

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актриса театра Стаса Намина
Александра Попова.
Фото Ольги Байчер

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр. 1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.09.2020

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

« В сентябре 1939 года в Нью-Йорке состоялся I Международный конгресс по биофизике и космической биологии, на котором советский ученый Александр Леонидович Чижевский был избран почетным президентом.

Про «люстру Чижевского» знают, наверное, все, а вот самого изобретателя, увы, забыли, хотя ученые всего мира с восхищением отзывались о его трудах и называли «Леонардо да Винчи XX века».

Денис **Логин** «Солнечный гений»

« В силы молодого драматурга не верил никто, включая и его родных. Попытки автора пробить стену безразличия и заинтересовать столичные театры оказались безуспешными. Некоторые главрежи даже распорядились не пускать в свои владения «этого настырного буряты». И только Олег Ефремов смог разглядеть в нем современного Чехова и пытался продвигать к постановке его замечательную раннюю пьесу «Прощание в июне»...

Лишь после трагической смерти Вампилова отношение театров к его творчеству начало меняться. Сегодня все знают пьесы Александра Вампилова: «Прощание в июне», «Утиная охота», «Прошлым летом в Чулимске» и другие.

Юрий **Осип** «Парадокс Александра Вампилова»

« Викторию Токареву можно назвать классиком современной литературы в жанре женской прозы. Ее жизнь похожа на калейдоскоп сменяющих друг друга событий, наполненных людьми, верных своему таланту и призванию. Окончив музыкальное училище, а потом и консерваторию, она неожиданно выбрала иной путь — сценариста и прозаика. Фильмы «Мимино» и «Джентльмены удачи» давно уже стали частью нашей жизни...

Виктория **Токарева** «Я — человек действия!»

« Окончание детектива Наталии **Солдатовой** «Проделки Элен».

Денис Логинов

«Голубая кровь» обычно ассоциируется у нас с блистательными бездельниками, а уж представители высшей аристократии и вовсе славились почти исключительно скандальными происшествиями: неравными браками, проматыванием фамильных состояний, дуэлями, даже убийствами.

В самом лучшем случае, аристократы занимались меценатством и благотворительностью. Это вызывало восхищение и надолго оставалось в памяти. Но чтобы представитель высшего сословия прославился на ниве служения во благо Отечества...

Я не о войне — там было много героических личностей самого аристократического происхождения. Я — об обыденном труде, который, в конце концов, и позволил России перед

КНЯЗЬ- МАШИНИСТ

Первой мировой войной занять одно из первых мест в цивилизованном мире.

Конкретнее — о представителе древнейшего — более тысячи лет! — рода прямых потомков Рюрика, князе Михаиле Ивановиче Хилкове, жизнь которого была поставлена на службу Отечеству в прямом смысле. О том, благодаря кому Россия получила едва ли не самую обширную в мире сеть железных и автомобильных дорог.

И которого практически забыли.

Князь Михаил Иванович Хилков родился 18 декабря 1834 года в родовом имении Синево-Дуброво Бежецкого уезда Тверской губернии. Получил прекрасное домашнее образование: свободно владел французским, английским, немецким, итальянским и японским языками. Наставником Михаила был Эдуард Романович Циммерман — писатель и путешественник.

Затем он поступил в Пажеский корпус, по окончании которого служил в лейб-гвардии егерском полку. В 1857 году, в чине штабс-капитана, оставил военную карьеру и перешел на статскую должность в Министерство иностранных дел.

Пока еще ничего не предвещало резких и неожиданных поворотов в судьбе. Молодой князь делал вполне обычную для богатого аристократа карьеру.

Но судьба распорядилась иначе.

По дипломатической линии в 1857 году Хилков вместе с Циммерманом отправились в США. В Северной Америке они провели два года, изучая работу промышленных

центров западного побережья и Канады.

В Вашингтоне князь встретился с президентом Соединенных Штатов Джеймсом Бьюкененом.

Путешественников особенно интересовало устройство американских железных дорог. Эдуард Циммерман

так описывает их маршрут к Великим озерам:

«В первый раз пришлось нам ехать по железной дороге только что начинающейся, и мы на опыте узнали, как они здесь возникают. Это тем более интересовало нас, что таким образом стала понятнее возможность распространения и быстрого развития железных дорог в Соединенных Штатах».

Передвигаясь по железным дорогам и на речных пароходах, русские путешественники посетили Нью-Йорк, Филадельфию, Ричмонд, Чарльстон, Бостон, Чикаго, Буффало, Детройт, Монреаль.

В 1859 году Хилков и Циммерман вернулись в Россию, а в 1861 году князь вернулся в родовое имение Синево-Дуброво, где был мировым посредником по Бежецкому уезду в связи с отменой крепостного права.

В 60-х годах, когда освобождение крестьян приняло широкий размах, князь безвозмездно раздал большую часть своих земель бывшим крепостным, а сам, будучи крайне либеральных воззрений, уехал в Америку почти без всяких средств, с молодой женой, разделявшей убеждения супруга — Анной Николаевной Неведомской.

Князь Хилков под именем Джона Мэджилла поступил в 1864 году на службу в англо-американскую компанию по сооружению Трансатлантической железной дороги, сначала простым рабочим; спустя четыре года стал заведующим службой подвижного состава и тяги, но уже в Аргентине. Там родились двое его детей,

о чем свидетельствуют записи, сохранившиеся в книге регистрации Евангельской Методистской церкви города Росарио.

У Джона была стремительная карьера: простой рабочий, кочегар, машинист и, наконец, — начальник службы подвижного состава и тяги. Мэджилл осуществил свою американскую мечту. Талант и энергия позволяли ему рассчитывать на дальнейший успех и процветание, но он отказался от этого и — снова неожиданно для всех — переехал в Англию и стал простым слесарем на паровозостроительном заводе в Ливерпуле.

По-видимому, он предпочитал практическое обучение теоретическому, но делал это, мягко говоря, экстравагантно. Связей с Россией почти не поддерживал, так что остается только гадать о том, как складывалась его жизнь и жизнь его растущей (у княжеской четы было уже пятеро детей) семьи. Письма не сохранились, да вряд ли они и были. Если князь что-то и писал, то при переездах личный архив был безвозвратно утерян. Зато деловые записи не просто сохранились — были потом использованы почти стопроцентно.

Вторая половина XIX столетия — время масштабной промышленной революции. Идя в ногу с прогрессом, Россия активно строила железные дороги. Многие ровесники Михаила Ивановича оканчивали Институт инженеров путей сообщения в Петербурге, а затем разъезжались по стране, строя первые железнодорожные линии.

По возвращении на родину Хилков был назначен начальником пути на Курско-Киевской железной дороге, потом служил на Московско-Рязанской дороге. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 был уполномоченным Российского общества Красного Креста при санитарном поезде. Поезд находился под покровительством будущей императрицы Марии Федоровны. Знакомство с «сильными мира сего», помимо высокого профессионализма, содействовало успешному карьерному росту князя.

В этой войне Россия впервые использовала железнодорожные войска, которые применяли «американский метод строительства железных

К

огда в 60-х годах освобождение крестьян приняло широкий размах, князь Хилков безвозмездно раздал большую часть своих земель бывшим крепостным, а сам вместе с молодой женой отправился в Америку. Там он под именем Джона Мэджилла поступил на службу в англо-американскую компанию по сооружению Трансатлантической железной дороги, сначала простым рабочим, а спустя четыре года заведующим службой подвижного состава и тяги, но уже в Аргентине

дорог в военное время». Это был способ укладки рельсов по упрощенным техническим условиям, хорошо зарекомендовавший себя во время гражданской войны Севера и Юга.

В 1880 году во время Ахалтекинского похода в Среднюю Азию генерала Скобелева князь Хилков был от-

командирован, в составе первого резервного железнодорожного батальона, на строительство Закаспийской военной железной дороги. Он участвовал в постройке первого участка от Михайловского поста (Узун-Ада) до Кизил-Арвата протяженностью 232 км.

Строительство Закаспийской военной железной дороги

Дорога прокладывалась в зыбучих песках, через безводную пустыню в условиях боевых действий. При ее постройке также был применен ускоренный «американский» способ укладки пути. После вступления ее в строй Хилков исполнял обязанности начальника службы тяги, а позднее — управляющего Закаспийской железной дороги.

В 1882 году князь с высочайшего соизволения занял в Болгарии пост управляющего министерством общественных работ, путей сообщения, торговли и земледелия.

Беспрецедентное назначение. Удивительный виток карьеры.

Имя князя М.И. Хилкова как грамотного, толкового специалиста и умелого организатора было известно не только в России. Не случайно правительство Болгарии пригласило

его. За три года он многое сумел сделать для развития хозяйства этой страны. Но сентябрьский переворот 1885 года заставил русских покинуть Болгарию.

В 1885 году Хилков возвратился в Россию и снова поступил на Закаспийскую железную дорогу. Через несколько лет он был назначен правительственным директором Привислинских железных дорог, затем занимал должности начальника Самаро-Златоустовской, Оренбургской, Орловско-Грязской и Ливенской дорог. А в январе 1895 года стал министром путей сообщения.

С назначением М.И. Хилкова работа этого ведомства приняла крайне интенсивный характер. Протяженность железных дорог России выросла с 35 до 60 тысяч километров, а их грузооборот удвоился.

Ежегодно сооружалось около 2,5 тысяч километров железнодорожных путей (таких темпов не было даже в советский период) и около 500 километров автомобильных дорог.

В период деятельности Хилкова, в 1898 году, в России были утверждены первые Правила технической эксплуатации (ПТЭ) железных дорог, открытых для общего пользования, а через год на станции Ртищево Рязано-Уральской железной дороги построена первая в России сортировочная горка.

В 1896 году в Москве было открыто высшее инженерное училище для подготовки железнодорожных кадров. В том же году князь-министр был пожалован орденом Святой Анны 1-й степени.

Его предшественник на этом посту, видный государственный деятель Сергей Юльевич Витте, так вспоминал о своем коллеге:

«Как личность, Хилков был совершенно исключительным человеком: с одной стороны, он был человек высшего общества, а с другой стороны — он прошел такую удивительную карьеру. ...он прекрасно знал железнодорожное дело, знал все, что касается паровозов и тракции, он был опытный железнодорожник, вообще был человек чрезвычайно воспитанный, человек высшего общества и, по существу, был хороший человек ... Конечно, Хилков не был государственным человеком и всю свою жизнь он оставался скорее обер-машинистом, нежели министром путей сообщения».

Вроде бы доброжелательно и комплиментарно, но между строк читается жгучая зависть и к высокому происхождению, и к профессиональным успехам, которые на самом деле были просто фантастическими.

За десять лет его руководства протяженность транспортной сети страны удвоилась. При нем были введены в строй все основные линии дороги, при нем же Транссиб превратился в непрерывный трансконтинентальный транспортный путь. По утверждению того же министра финансов Сергея Юльевича Витте, в то время в России не было человека, имевшего столь же бесценный опыт строительства железных дорог в разных странах и в разных климатических условиях.

Михаилу Ивановичу Хилкову довелось побывать на американском континенте и в третий раз. В должности министра путей сообщения Российской империи он совершил продолжительное путешествие по Соединенным штатам в 1896 году. В поездке князя сопровождал старший сын Михаил.

Неизмеримы заслуги Хилкова и в развитии автомобильной отрасли России. Ее история началась 11 сентября 1896 года, когда вышло постановление министра путей сообщения «О порядке и условиях перевозки тяжестей и пассажиров по шоссе ведомства путей сообщения в самодвижущихся экипажах». Князь Хилков был сторонником автомобилизации страны и предрекал новому виду транспорта большое будущее.

В Вернувшись в Россию, Хилков поступил на Закаспийскую железную дорогу, затем занимал должность начальника Самарской, Оренбургской, Орловской и других дорог, а в январе 1895 года его назначили министром путей сообщения. Деятельность Михаила Ивановича на министерском посту была отмечена многочисленными почетными званиями и наградами

В возрасте 60 лет Михаил Иванович научился ездить на автомобиле, а в 67 лет организовал пробег по Военно-Грузинской дороге через Кавказский хребет и сам принял в нем участие.

Автомобильному путешествию князя Хилкова обязан своим рождением известный курорт Гагры. В 1899 году совместно с принцем Алексан-

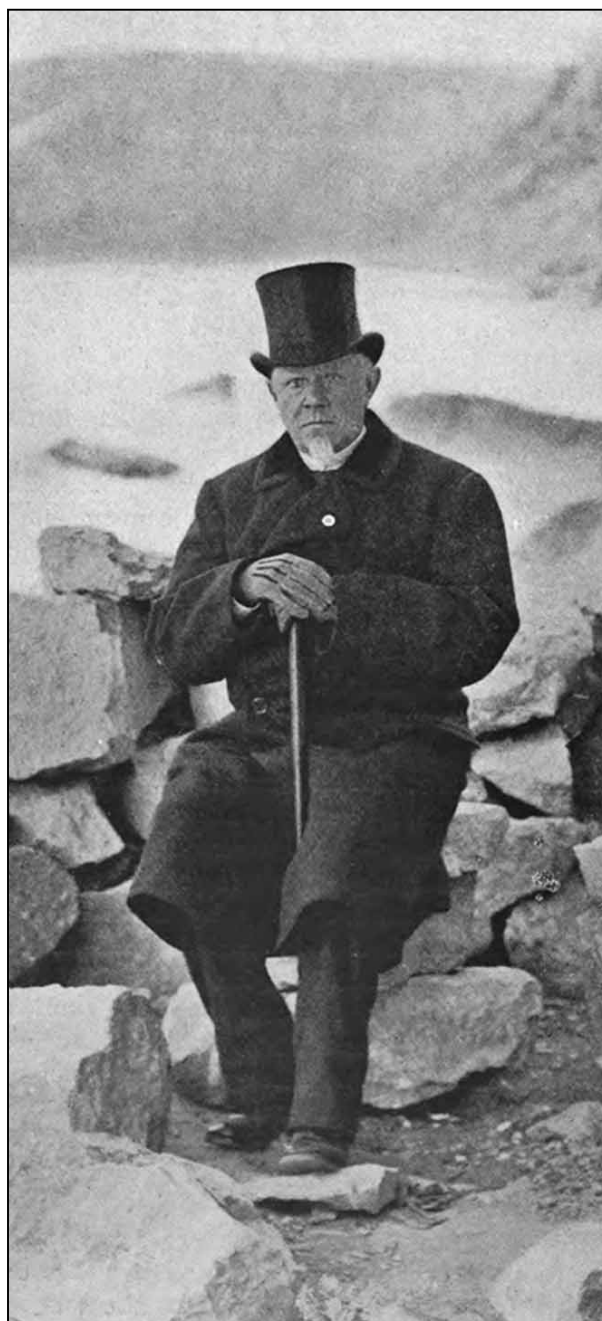
дром Петровичем Ольденбургским (членом Императорского дома Романовых) он отправился в Черноморскую губернию с целью изучения возможностей прокладки железной дороги вдоль моря. По дороге из Новороссийска в Сухуми путешественники остановились в Гаграх — запустевшем уголке побережья, где сохранился лишь древний храм и раз-

валины крепости. Восхищенный красотой и уникальными климатическими условиями бухты, принц Ольденбургский задумал превратить ее в «русскую Ниццу» — популярное место отдыха аристократии. В феврале 1901 года указом императора Николая II на создание курорта была отпущена земля, и началось строительство: проведено электрическое освещение, водопровод, телеграф, построены водолечебница, особняки, гостиница и ресторан.

В горы была проложена дорога, а город украсил парк с экзотическими растениями и животными, привезенными из разных стран мира. Открытие климатической станции состоялось 9 января 1903 года. Этот день считается датой основания Гагринского климатического курорта — первого в истории России крупного курортного проекта на Черноморском побережье.

Для запуска автомобильного движения вдоль Черноморского побережья М.И. Хилков посетил Испанию, где изучал, как в горных районах использовались первые автомобили. В 1902 году он участвовал в испытаниях первого отечественного троллейбуса фирмы Фрезе в Санкт-Петербурге, в результате которых был представлен проект организации междугороднего троллейбусного движения по Черноморскому шоссе.

В 1898 году специальной государственной комиссией было принято решение о развитии поселка Красная Поляна — его расширении по типу городской застройки, органи-

зации императорского заказника. В докладе министра путей сообщения князя М.И. Хилкова «Об устройстве проездных дорог на Кавказском побережье Черного моря» говорилось о строительстве «более широкой и удобной, чем имеющаяся ныне, дороги от Черноморского побережья до Красной Поляны». И уже в следующем году началась про-

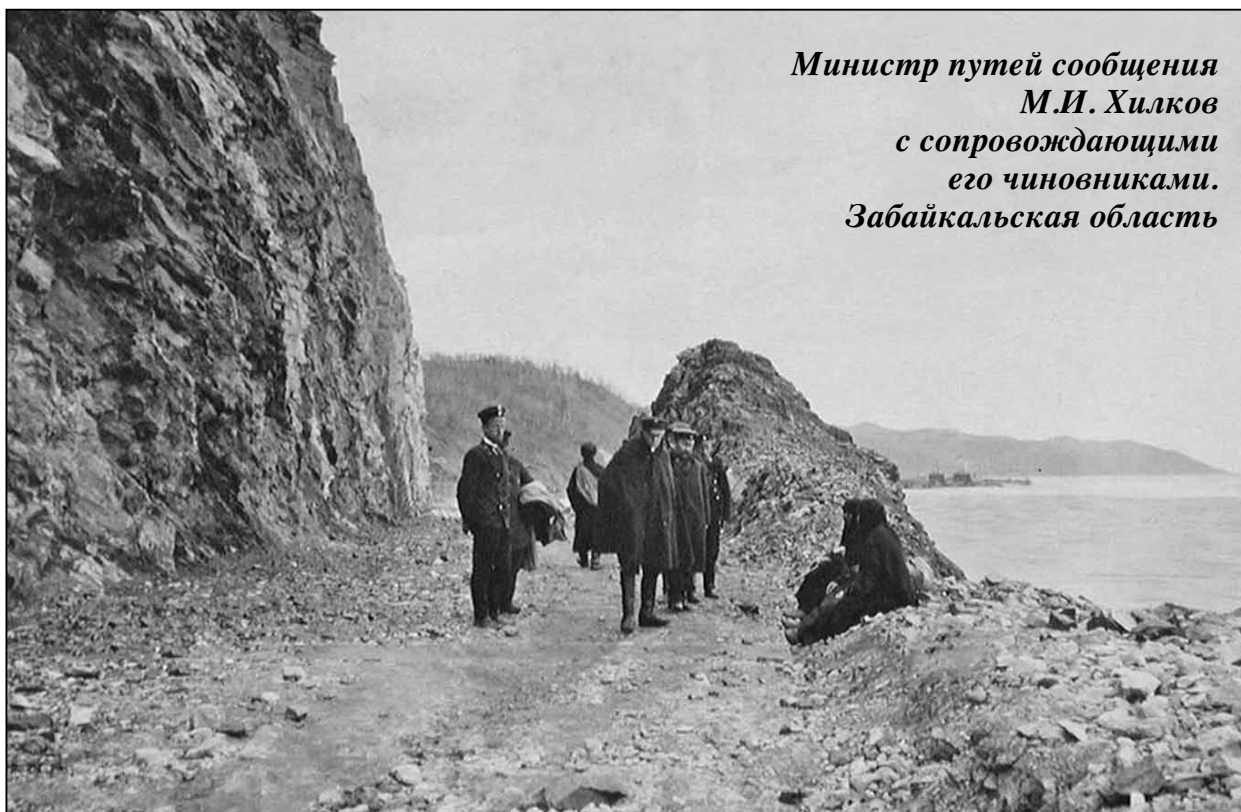
кладка дороги в Красную Поляну со стороны Сочи.

Кто теперь помнит об этом? Считается, что все строительство и благоустройство в районе Сочи началось в двадцать первом веке, к очередной Олимпиаде.

Михаилу Ивановичу Хилкову принадлежит инициатива создания нового здания для Музея института Корпуса инженеров путей сообщения, ныне — Центральный музей железнодорожного транспорта. В 1896 году, в ознаменование 100-летнего юбилея со дня рождения Николая I, министр путей сообщения предложил создать музей для различных моделей, сооружений, снарядов и машин с присвоением ему имени основателя железных дорог в России. В музей были направлены экспонаты железнодорожного и водного

отделов России Всемирной выставки в Париже 1900 года. Как отмечалось в журнале «Вестник путей сообщения», среди прибывших с выставки экспонатов «особого внимания заслуживают следующие предметы: модель «Плезир яхты» императора Петра I, панорама Сибирской железной дороги (доктора Пясецкого), модели ледокола «Байкал», мостов через реки Волхов и Енисей».

В центре внимания князя Хилкова были также вопросы подготовки кадров железнодорожников. Помимо инженерного училища за счет средств министерства содержалось около 180 общеобразовательных школ. Многие делались для улучшения медицинского обслуживания работников дороги, жилищного строительства. Именно Хилкову принадлежит заслуга учрежде-

*Министр путей сообщения
М.И. Хилков
с сопровождающими
его чиновниками.
Забайкальская область*

ния в 1896 году профессионального праздника железнодорожников, который отмечается и ныне.

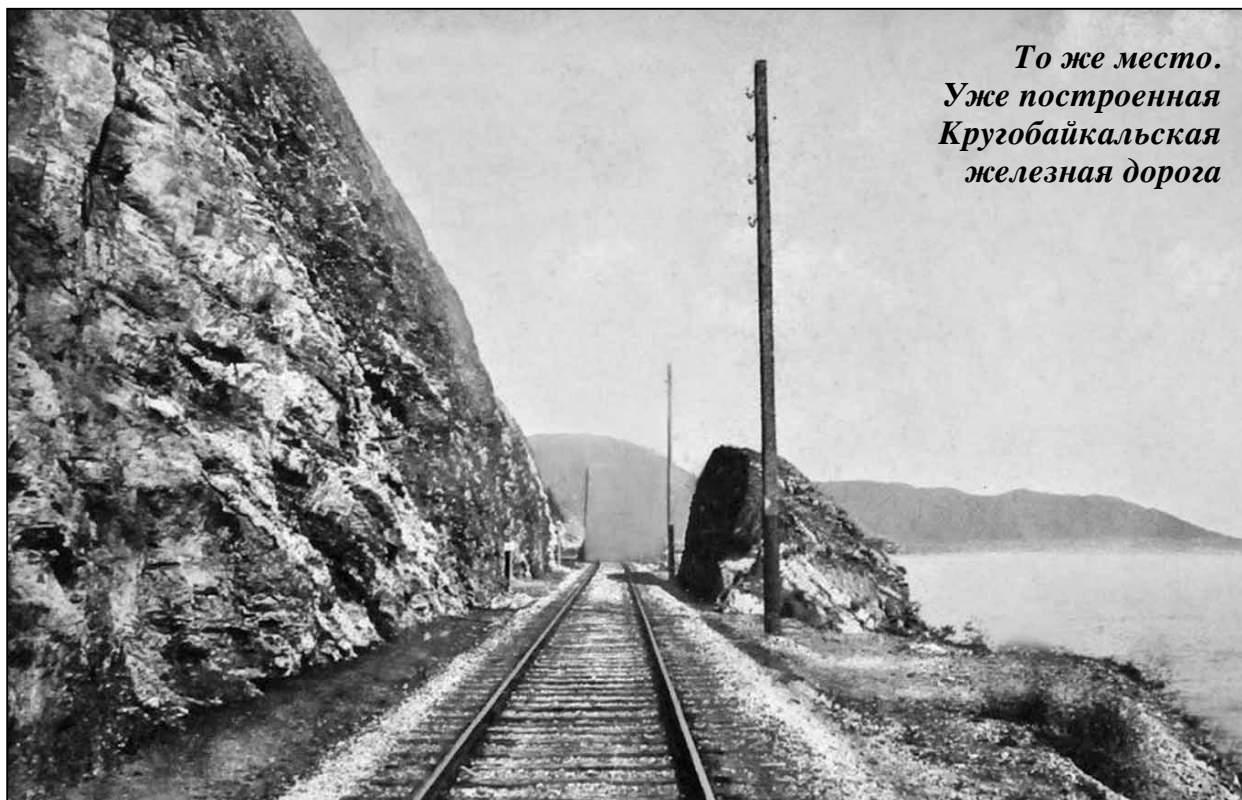
С 1895 года для Хилкова главным делом всей его долгой и героической жизни становится Транссиб. Усилия князя и его коллег были брошены на реализацию самого масштабного транспортного проекта России. Еще на этапе изыскательских работ Комитетом Сибирской дороги было принято решение постройки на Байкале паромной железнодорожной переправы. Этот проект министр курировал лично.

Кроме того, он занимался и финансовыми вопросами. Тарифная политика на железнодорожном транспорте в те годы формировалась в результате соглашений между железной дорогой, промышленностью и торговлей. Эту идею, проводимую

министром финансов С.Ю. Витте, поддерживал и М.И. Хилков. В результате подобных действий тарифы на российских железных дорогах были самыми низкими в мире. Прежде всего, это касалось Транссибирской магистрали.

Подобная политика очень быстро дала результаты. Вдоль железной дороги расселялись многочисленные переселенцы, бурно развивалась промышленность и сельское хозяйство. При этом перевозка растущих объемов продукции уже к 1903 году сделала Транссибирскую магистраль прибыльной, даже при невысоких тарифах на перевозки.

Большое внимание уделялось и транзитным перевозкам. Хилков был уверен, что русская железнодорожная сеть (в первую очередь Транссиб) способна обеспечить быструю

*То же место.
Уже построенная
Кругобайкальская
железная дорога*

доставку товаров из Азии в Западную Европу, минуя длительный окружной морской путь через Суэцкий канал.

Эта идея, высказанная более 100 лет назад, сегодня стала очень актуальной. Именно сейчас ведутся работы по соединению Транскорейской магистрали с Транссибом и рассматривается возможность создания трансконтинентальной железнодорожной магистрали, связывающей Японию с Европейским союзом.

Хилков блестяще организовал работу по сооружению Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), которая прошла от Забайкалья через Северный Китай (Маньчжурию) к Ляодунскому полуострову на Желтом море, где в то время располагались русские порты. Дорогу построили в рекордно короткие сроки. Уже в 1903 году вся КВЖД была сдана в эксплуатацию и имела общую протяженность 2523 километров.

Железная дорога преобразила Маньчжурию, увеличила товарооборот, способствовала быстрому росту Харбина. В полосе КВЖД стали создаваться различные предприятия, в том числе с участием русского капитала.

Но самые грандиозные работы были развернуты на Транссибирской магистрали. Хилков много раз выезжал в Сибирь, где оперативно решал проблемы строительства. Он проехал по железной дороге от Урала до Байкала, посетил Забайкалье. Именно он вбил последний костыль 13 сентября 1904 года, после чего

произошла стыковка Великого Сибирского пути.

«Князь-машинист» — как называли министра Хилкова, намекая на его прошлую работу на американских железных дорогах, — почти год провёл на Байкале. На переправе 70-летний Михаил Иванович лично управлял всей сложной организацией переброски грузов.

Началась Русско-японская война, и на восток скорым ходом полетели воинские эшелоны. Спустя сутки после начала войны министр путей сообщения Хилков прибыл из Петербурга.

Как писала английская «Таймс»: *«Князь Хилков является для Японии более опасным противником, чем военный министр Куропаткин. Он знает, что делать, а самое главное — как делать. Если и есть человек в России, способный более чем кто-либо другой помочь своей стране избежать военной катастрофы, то это именно князь Хилков...»* (Надо заметить, что российская пресса ни словом не обмолвилась обо всех этих событиях.)

Русско-японская война 1904–1905 годов стала вершиной инженерного и управленческого гения Хилкова. К большому удивлению Японии, железная дорога не только была построена, но и смогла обеспечить России саму возможность вести боевые действия на Дальнем Востоке.

Исследование биографии выдающегося государственного деятеля князя Михаила Ивановича Хилкова заставляет задуматься о роли лич-

ности в истории. Ему удалось прожить чрезвычайно деятельную и яркую жизнь. Он был представителем той части русской аристократии, которая стремилась изменить, улучшить, осовременить жизнь в родном отечестве.

бастовки, с которыми Хилкову справиться не удалось. Подтверждением тому была его неудачная попытка в октябре прекратить забастовку. Министр добрался до Москвы, так как центр, руководящий забастовками, был там.

Являясь человеком либеральных воззрений, князь не мыслил своей судьбы вне России и без России. Весь свой опыт, знания и усердие он направил на служение родине. Занимая высокую должность, князь не считал зазорным во время поездок общаться с рядовыми железнодорожниками. Например, в Забайкалье, когда машинист растерялся при преодолении подъема, 65-летний министр занял его место и показал класс вождения состава через перевал.

С началом революции 1905 года на железных дорогах начались за-

Он сам сел на паровоз и хотел повлечь за собою машинистов, но все было напрасно. И, как следствие публичной демонстрации падения авторитета власти, в октябре 1905 года — отставка. В утешение Михаилу Ивановичу присвоили звание статс-секретаря и назначили членом Государственного совета.

Деятельность Михаила Ивановича на министерском посту была отмечена многочисленными почетными званиями и наградами. Он был кавалером отечественных орденов: Святой Анны I степени, Святого Владимира II и III степени, Святого Станислава

II степени, Александра Невского с бриллиантами, а также иностранных орденов: австрийских — Железной короны I степени и Большого креста Франца Иосифа, прусского — Красного орла I степени, французского — Почетного легиона, японского — Восходящего солнца, греческого — Спасителя I степени, итальянского — Святых Маврикия и Лазаря, а также румынского и бухарского.

Высокий государственный пост был доверен человеку, выдающиеся заслуги которого были для современников бесспорны, о чем свидетельствуют многочисленные звания: статс-секретарь, действительный тайный советник, почетный инженер-технолог, почетный член Института путей сообще-

ния, почетный член Императорской академии наук и технологического института, почетный член Российского автомобильного общества, Действительный член русского географического общества. Пожизненный почетный член Московского совета детских приютов. Почетный член общества французских гражданских инженеров.

После отставки с должности министра путей сообщений Хилков возглавлял Российский Красный Крест, в качестве члена комитета при Министерстве внутренних дел занимался оказанием продовольственной и врачебной помощи населению, пострадавшему от неурожая...

Через четыре года после отставки, 8 марта 1909 года, Михаил Иванович скончался в

*Памятник
«Создателям
российских
железных
дорог»
у Казанского
вокзала,
Москва*

Санкт-Петербурге. Никаких капиталов за всю свою наполненную неожиданными поворотами судьбы жизнь он не скопил. После него «не осталось никакого имущества, кроме небольшого родового имения, приносящего ничтожный доход».

В некрологе, опубликованном только в «Вестнике путей сообщения», говорилось, что в отношении со своими подчиненными, а также с публикой М.И. Хилков был всегда добрым, доступным и приветливым человеком. Среди всех, кто его знал, на долгие годы сохранилась

квартиру недавно умершего сына Михаила Ивановича. Возможно, при разграблении квартиры погиб и архив семьи. Но хочется верить, что однажды всплывут неизвестные ранее документы, и мы откроем новые грани личности этого удивительного человека.

Похоронен князь Хилков на фамильном кладбище дворян Неведомских, рядом со своей женой А.Н. Хилковой (Неведомской), на погосте Головское Бежецкого уезда. Там, в поселке Сонково, 2 августа 2016 года были открыты бюст

С началом революции 1905 года на железных дорогах начались забастовки, с которыми Хилкову справиться не удалось, и, как следствие, он вынужден был подать в отставку. После этого он какое-то время возглавлял Российский Красный Крест, а через четыре года после серьезной болезни скончался в Санкт-Петербурге, так и не скопив за всю свою наполненную неожиданными поворотами жизнь никаких капиталов...

память о таких его отличительных чертах, как приветливость и доброжелательность.

При его столь обширной деятельности трудно было найти время для работы над воспоминаниями. А его архив исчез. Лишь однажды на барахолках Петрограда стало появляться изысканное столовое серебро с гербами, им заинтересовались в уголовном розыске. Выяснили, что посуду украшает герб князей Хилковых. А потом нашли разграбленную

М.И. Хилкова и мемориальный обелиск на месте захоронения министра путей сообщения.

А 1 августа 2013 года в Москве был открыт памятник «Создателям российских железных дорог» у Казанского вокзала со статуей князя Хилкова среди фигур знаменитых деятелей железнодорожной отрасли России XIX века.

Удивительно — памятник есть, а памяти — практически не осталось... □

Людмила Маршезан

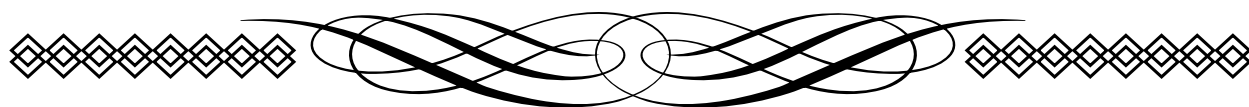
«*Чайка* *русской изящной* *словесности*»

Ларисса — «морская птица» или «чайка», так переводится с греческого это имя. Но многие считают, что это имя произошло от названия древней столицы Фессалии — города Лариса. Это же имя носила и очаровательная фессалийская нимфа, очень любившая искусство, музыку, поэзию... и одиночество. В нимфу страстно был влюблен бог Посейдон. Он постоянно прерывал ее одиночество музыкой своей любви... До сих пор со-

хранилась древняя греческая монета, на реверсе которой изображена прекрасная нимфа Ларисса.

Удивительно то, что лицо Лариссы Андерсен напоминает лицо древнегреческой нимфы... Она была необыкновенно красива: правильный овал лица, огромные синие глаза с веером черных ресниц, темные локоны, грациозная фигурка нимфы... Естественно, что вокруг нее создавалась атмосфера восхищения и влюбленности. Александр Вертинский в 1936 году писал ей: *«Если бы Господь Бог не дал Вам Ваших печальных глаз и Вашей внешности — конечно, я бы никогда в жизни не обратил на Вас такого внимания... Важно, что Вы — печальная девочка с изумительными глазами и руками, с тонкими бедрами и фигурой отрока — пишите такие стихи»*. Но она не только стихи писала, она восхитительно танцевала, отбивала чечетку, выделявала сложные акробатические номера на сцене, ездила верхом, плавала, преподавала йогу, рисовала... Даже Николай Рерих хвалил ее рисунки. (Я — счастливая обладательница одного из них, выполненного черной тушью на желтоватой рисовой бумаге: «Симфония цветущей сакуры».) Некоторые цветы вишни — четкие, другие бледные, но такие же прекрасные, а некоторые уже в изнеможении печально падают вниз... Ларисса некоторое время занималась у знаменитого китайского живописца Линь Сенмяня. Он впервые совместил традиционную китайскую живопись гошуа с элементами западного изобразительного искусства. В своих воспоминаниях Ларисса дает замечательный поэтический образ цветущей вишни. Цветы сакуры «подобны сердцу японского самурая. Если воин видит, что ему предстоит быть отвергнутым или униженным, он не будет ждать этого момента и не будет просить пощады... Он предпочтет умереть, сделав харакири... Так и цветы сакуры. Они умирают в расцвете. Они осыпаются с веток во всем блеске красоты, не дожидаясь увядания...» Ларисса восхищалась Японией, но всегда любила и вспоминала свой «детский рай» — остров Русский...

Ларисса Николаевна Андерсен родилась в Хабаровске 25 февраля 1911 года в семье офицера Николая Михайловича Андерсена, за плечами которого была уже Первая мировая война, ранение, служба при шта-

бе Колчака. В 1920 году он в составе кадетского корпуса был переведен на остров Русский (Владивосток), куда и переехала вся семья. Здесь маленькая Ларисса, «морская птица», влюбилась в бескрайнее море,

в дикие пляжи с белым песком, где были удивительной формы конусообразные перламутровые ракушки. Эта дружба с морем и незабываемый восхитительный мир детства запечатлелись в ее стихах:

*Ведь море было первой сказкой,
И навсегда остался свет,
Меня прозвали «водолазкой»,
Когда мне было восемь лет...*

Позже в эмиграции Лариссу называли «чайкой русской изящной словесности». Но она была очень скромна, хотя природа щедро наделила ее талантами:

*Я виновата перед Богом,
Я как растратчик, как банкрот, —
Я раскидала по дорогам,
Дары божественных щедрот...*

А дорог в ее жизни выпало много...

Счастье и радость Русского острова закончились в октябре 1922 года, когда вся семья Андерсен отправилась в пожизненное эмигрантское плавание. Гигантская волна русской эмиграции выбросила их в Харбине. Первое время они бедствовали. К счастью, отец Лариссы нашел работу на КВЖД. Семья сняла маленький домик, и Лариссе удалось окончить русскую гимназию. Родители мечтали, что девочка после гимназии продолжит учебу и станет юристом. Но, к сожалению, оплатить ее дальнейшее образование было невозможно. И Ларисса начала давать уроки русского языка китайским детям. Ах, этот «великий и могучий» русский язык! Во все времена и во

всех странах ты спасал русских эмигрантов...

Большой радостью для Лариссы были посещения литературной студии «Независимого национального центра культуры христианского, рыцарского, русского богатства». По пятницам проходили чтения, разбор и критика новых стихов. Ларисса выделялась своим поэтическим даром и строгой взыскательностью к слову. Ее охотно печатал журнал «Рубеж»:

*Так пусто, темно и скверно.
Такая глухая ночь.
Сам Бог не может, наверно,
Такому миру помочь...*

В своих воспоминаниях Ларисса с теплотой вспоминает литературные пятницы:

«... Это был независимый мирок, счастливое убежище от тревог о будущем. Мы становились поэтами, писателями, художниками. Нас начали печатать...»

Привычная жизнь русского Харбина была нарушена в 1935 году после продажи Советским Союзом КВЖД Маньчжурии. Тысячи людей потеряли работу, рухнули всякие перспективы на будущее. Многомиллионный «Париж Востока» — Шанхай стал второй эмиграцией для Лариссы и многих ее соотечественников.

Первые годы жизни в Шанхае были невероятно трудными. Здесь Лариссу и спасло умение танцевать. Еще в Харбине она прошла первоначальную подготовку у бывшей балерины императорского театра Марии

Карловны Дроздовой. Заметив природную гибкость ученицы, строгая учительница прибавила к классическим занятиям элементы акробатики. Это помогло Лариссе, когда она стала танцевать и сама ставить свои танцы. Она вспоминала: «Очень давно, в Шанхае, когда я зарабатывала на жизнь танцами, а для души писала стихи, еженедельно посещая наш литературный кружок "Остров"... я поняла, что любое искусство, будь то танец или поэзия, начинаются от

волнения души... Так что желание танцевать — это извечная потребность человека выразить свои чувства. Конечно, как и во всяком искусстве, в танцах также нужна своя техника, но при этом она остается мертва, если нет огня, жара души...»

В этот же период произошла встреча Александра Вертинского с Лариссой Андерсен. Ей 29 лет, ему 51 год. Он был страстно влюблен в нее. 14 марта 1936 года Вертинский написал Андерсен очень откровен-

*Сольный
танец
«Серебряный
блюз».
Харбин, 1958 г.*

ное интимное письмо. Вернее, это не письмо, а водопад чувств: «Конечно, с Вашей точки поведения — Вы правы. Я — хам, я — грубиян, я не понял Вашей тонкой душевной структуры... Но я не виноват, что меня тянет к Вам... Женщина — это скрипка. И когда ее берет в руки нищий — она жалобно пиликает, а когда ее берет в руки Божественный Пабло Саразате — она поет и плачет! Я не верю в Ваш погашенный секс! Я не вторгаюсь в Ва-

ше «старое девичье» одиночество и чудачество. Я верю только в себя, в свою игру, в свой смычок! И Вы запоете.

Вы будете петь и плакать, мой Ангел. Вы будете звучать, как Божественный Страдивариус, на котором до сих пор играли калеки. Я не отвечаю за прошлое, но отвечаю за будущее. И если у Вас хватит мужества отказаться от приличной и скучной лжи себе самой, от давно никому не

нужного траура по никогда не сбывшемуся счастью, то я к Вашим услугам — душой, сердцем и Всем!

А. Вертинский»

Почерк Вертинского нервный и решительный, а получатель этого письма, по всей видимости, читала его тысячи раз и хранила, хранила 70 лет, несмотря на переезды в другие страны и континенты. (Письмо из личного архива Л. Андерсен печатается впервые.)

Ларисса, конечно же, высоко ценила его талант, может быть, ей нравилось и льстило внимание кумира русских эмигрантов, но эта встреча не стала ее женской судьбой, а стала судьбой поэтической. Благодаря Вертинскому вышел первый малень-

вино». Но молодая поэтесса выбрала более скромное и простое название: «По земным лугам». Вертинский откликнулся статьей в газете «Шанхайская заря»: «...Передо мной лежит книга «По земным лугам». Со страниц этого сборника широко раскрытыми глазами на меня глядит простое и строгое, чуть иконописное лицо его автора, которого я знаю лично... Вот этот Божьей Милостью талант и есть стихи Лариссы Андерсен...» В конце статьи Вертинский не удержался от упрека: «Название сборника, как и обложка его, провинциальны и таят в себе нечто вегетариански пресное».

Ларисса в это время была на гастролях в Японии в составе балетной группы. Во время турне по стране

Счастье и радость Русского острова закончились в октябре 1922 года, когда семья Андерсен вынуждена была отправиться в пожизненное эмигрантское плавание, пока не осела в Шанхае, где Лариса, не найдя никакой работы, начала давать уроки русского языка китайским детям

кий сборник стихов Ларисы Андерсен. Александр Вертинский писал ей: «Я хочу поблагодарить Вас за Ваши прекрасные стихи. Они доставили мне совершенно исключительное наслаждение. Я пью их медленными глотками, как драгоценное вино. В них бродит Ваша нежная и терпкая печаль, "le vin triste" — как говорят французы...» Вертинскому очень хотелось, чтобы сборник стихов Лариссы вышел под названием «Печальное

она показала русский танец, цыганочку, выучила японский танец, которым так умилялась публика Токио, Киото, Кобе. «В свободное время нас возили осматривать окрестности, угощали блюдами национальной кухни, много фотографировали, словом, всячески ублажали. Единственным горем было то, что мой любимый рыжий кот, которого я оставила в Шанхае и из-за которого однажды так обиделся на меня Александр

Тамара Калиберова

Несмотря на все обиды и недо-
разумения, Ларисса всю свою дол-
гую жизнь тщательно хранила пись-
ма Вертинского.

Она разрывалась между танцами
и поэзией. Более 15 лет Ларисса бы-
ла звездой дальневосточной эстра-
ды, танцевала в балете и оперетте,
писала стихи и размышляла о поэзии:
«Написать стихотворение — все рав-
но, что составить японский букет.
Больше нужно отбросить, чем оста-
вить. Я думаю, стихи — это как мо-
литва у монахов: если молиться по-
стоянно — то выходит, а если нет —
наступает «сухость души», и стихи

Однажды Ларисса выступала на вечере в Французском клубе и познакомилась там с директором судоходной компании Морисом Шезом. Это была любовь с первого взгляда, завершившаяся свадьбой. Потом началась череда увлекательных путешествий: Африка, Индия, Вьетнам... Но самым «райским уголком» оказался далекий остров Таити. Даже здесь нашлись русские друзья и состоялась встреча с Евгением Евтушенко, запомнившаяся Лариссе на всю жизнь. В 1968 году Евтушенко внес имя Лариссы Андерсен в антологию отечественной поэзии XX столетия «Строфы века»

Вертинский, потерялся...» — писала в своих воспоминаниях Андерсен.

Вертинский отправил ей «Ненужное письмо»:

*Приезжайте. Не бойтесь.
Мы будем друзьями.
Нам обоим пора от любви отдохнуть,
Потому что уже никакими словами,
Никакими слезами ее не вернуть...*

не звучат. А как хорошо, когда они звучат!»

После окончания войны в 1945 го-
ду начался второй «китайский ис-
ход» русской эмиграции, на этот раз
из Шанхая. Часть эмигрантов репа-
трировалась в СССР, часть уехала
в США и другие страны. Ларисса бо-
лела и выехать не могла. Однажды

она выступала на вечере во французском клубе и познакомилась с директором судоходной компании Морисом Шезом. Это была любовь «с первого взгляда». Вскоре состоялась свадьба. Молодожены покинули Шанхай, и началась череда увлекательных путешествий, что было связано с работой мужа: Африка, Индия, Вьетнам... Но самым райским уголком земли, затерянным в «синем и далеком» океане, оказался остров Таити. Даже здесь нашлись русские друзья и интересные встречи. На таитянском ужине Ларисса познакомилась с Евгением Евтушенко. Она вспоминала: *«Нас посадили рядом на полу на циновках с подушками, чтобы мы могли разговаривать по-русски. Две русские души, да еще сибирские, вступили в поединок по поводу поэзии. После ужина он декламировал свои стихи, и французы, чилийцы, таитяне очень внимательно слушали его, не понимая ни слова».*

В 1968 году Евгений Евтушенко внес имя Лариссы Андерсен в антологию отечественной поэзии XX столетия «Строфы века»...

— Все дороги ведут в Париж, — смеясь сказала мне как-то по телефону Ларисса, рассказывая о дружбе с Ириной Одоевцевой, о Париже 70-х годов. Одоевцева называла Лариссу очень поэтично — «дорогая Лира». Она познакомила ее с Зинаидой Шаховской, с Борисом Зайцевым, а самое главное — подтолкнула «дорогую Лиру» снова писать стихи.

*«Надо писать стихи,
Надо прощать грехи...»*

Александр Вертинский

К сожалению, жизнь в Париже длилась недолго. Муж Лариссы вышел на пенсию, и они перебрались в Исенжо, его родные края в Верхоньях Луары. «Yssingeaux» в переводе со старофранцузского означает «пять петухов», которые до сих пор существуют на эмблеме города. Лариссе понравились эти места: сопки потухших вулканов, девственная природа, чудесный сад и «обожаемые кошки», вот только не хватало друзей и моря. Вскоре умер муж, и Ларисса осталась одна. Но судьба в этот трудный для нее период подарила ей замечательную встречу с русской журналисткой из Владивостока — Тamarой Калиберовой. Они были чем-то похожи: родились обе в один и тот же день 25 февраля (с разницей в полвека), одинаковое отчество — Николаевна, обе любили остров Русский, обе талантлив-

вые, чуткие, гостеприимные и обаятельные.

С первой минуты знакомства у Тамары Калиберовой возникла идея издать книгу Лариссы Андерсен. Она много раз ездила в Шанхай, собирала документы и фотографии русской эмиграции, работала с архивами. С большим энтузиазмом и энергией Тамара принялась за разборку «французского чердачного архива» Лариссы. Каждый документ, каждое письмо сопровождалось воспоминаниями и объяснениями. Как опытный реставратор, из мелких осколков цветного стекла Тамара смогла создать богатейший витраж «Русской Атлантиды Китая». Счастье сопутствовало Тамаре в осуществлении ее творческого проекта, на ее пути встречались замечательные люди. Не один раз Тамара преодолевала огромные расстояния между Владивостоком и Парижем. В Исенжо ее сопровождал талантливый фотограф Владимир Базан, который запечатлел элегантную Лариссу в 100-летнем возрасте, сфотографировал ее знаменитый «антикварный» почтовый ящик, который она ни за что не хотела менять, так как птички свили там гнездышко.

В 2006 году вышла книга, которую Ларисса Андерсен посвятила своим друзьям, чья молодость прошла в Китае. Названием книги послужила строчка из стихотворения «Одна на мосту», которое было написано после ее очередной поездки в Россию в 1971 году. Перед ней

встал вопрос: вернуться ли на родину?

*На том берегу — хуторок на поляне
И дедушкин тополь пред ним
на посту...*

*Я помню, я вижу — сквозь слезы,
в тумане,
Но все ж я ушла и стою на мосту.*

Ларисса Андерсен все же вернулась в Россию, не сама, а своими стихами:

*Я думала, Россия — это книжки,
Все то, что мы учили наизусть.
А также борщ, блины, пирог,
коврижки
И тихих песен ласковая грусть.
И купола, и темные иконы.
И светлой Пасхи колокольный
звон.*

*И эти потускневшие погоны,
Что мой отец припрятал у икон...*

29 марта 2012 года в больнице Исенжо Ларисса Николаевна Андерсен в возрасте 101 года закончила свой земной путь. Естественно, Тамара Калиберова срочно прилетела и привезла землю с острова Русский, ведь Ларисса так любила его.

*Я буду умирать, не споря,
Где и как надо хоронить,
Но жаль, что в далеке от моря
Прервется жизненная нить.
По имени «морская птица»,
Я лишь во сне летать могу,
А хорошо бы очутиться
На том знакомом берегу...*

Ларисса никогда не любила прощаться, она любила радостные встречи, и, может быть, для некоторых читателей это и будет первая встреча — встреча с «чайкой русской поэзии» — Лариссой Андерсен.

*Мы смеемся, хотя и плачем,
Рай-то заперт, другого нет.
«А могло бы быть все иначе», —
Протестуя, сказал поэт.
Так и умер, устав томиться.
Он не мог воплотить мечты.
А вокруг щебетали птицы
И бездумно цвели сады.*

P.S. Для каждого человека время летит, идет, течет или тянется по-разному. А для Лариссы Андерсен,

после столетнего юбилея, время превратилось в воспоминания, где все еще были молоды, красивы и писались такие упругие, хрустящие стихи.

Ее можно было слушать часами, вернее, легко переноситься вместе с ней в прошлый век, со всеми подробностями прожитой жизни и забываемыми встречами.

Чаще всего она возвращалась к знакомству с «солнечным мальчиком Женечкой Евтушенко» на гостеприимном острове Таити.

В свою очередь, я рассказала ей, что, будучи подростком, тоже встретила с Евтушенко в Харькове, на площади Поэзии, где он читал свои стихи. Я до сих пор не могу забыть ту атмосферу благоговения и род-

ства душ присутствующих людей, казалось, что все сердца стучат в унисон. Балконы домов, окружающих площадь, были переполнены, и когда голос поэта захрипел от напряжения, ему тут же спустили на веревочке термос с ароматным чаем. Евтушенко пил чай и благодарил харьковчан. Запасливые люди ринулись к поэту, чтобы подписать сборники стихов или пластинки Евтушенко, но у меня ничего не было, поэтому, протиснувшись поближе, я просто стояла рядом и дышала с ним одним воздухом.

Мой наивный рассказ пришелся Лариссе по душе, и она вдруг произнесла: — *«Милочка, у меня к вам просьба. При следующей встрече с Женечкой передайте ему мою книгу и расцелуйте его по русскому обычаю».* *«Помилуйте, Ларисса, где же я могу с ним встретиться?»* — ответила я. *«Не думайте об этом. Для этого мы и живем, чтобы уповать на случай».*

Легко сказать — «не думайте». Но я привыкла помнить о просьбах и обещаниях и, конечно, думала и терзалась, особенно после смерти Лариссы.

И вот... Евтушенко в Париже! Он будет выступать в Посольстве России. Все обеспокоены здоровьем Евгения Александровича, он плохо себя чувствует, но готов читать стихи. Естественно, я сижу в первом ряду рядом с фотографом Борисом Давыдовичем Гесселем, который хочет запечатлеть «исторический» момент, а я хочу только одного — исполнить завещание Лариссы.

Еще не умолкли аплодисменты, когда я стремительно выскочила на сцену и, догнав Евтушенко в кулисах, громко произнесла, как заклинание, имя Лариссы Андерсен. Этого было достаточно, чтобы он остановился и удивленно посмотрел на меня.

— Эта книга вам, от нее... Это ее последняя просьба.

Мне было неловко добавить, что мне еще велено его поцеловать.

Удивительно, как преобразилось его лицо! Усталость и болезненная бледность моментально исчезли, а глаза зажглись молодым любопытством.

Я показала ему фотографии столетней Андерсен, сохранившей до конца необыкновенное очарование и осанку танцовщицы, и, пробормотав: «Это за Лариссу», — отважилась трижды расцеловать «Женечку».

Вот так, совершенно случайно, мне удалось выполнить просьбу Лариссы Андерсен. Оставалось осуществить мою мечту — донести стихи нашей «русской чайки» французскому читателю. И это тоже сбылось: осенью 2017 года прошла презентация французского сборника поэзии Андерсен в ее любимом Исенжо. Это было настоящим событием в маленьком городке.

Если любопытный турист поинтересуется, чем же знаменит Исенжо, можно ответить — Высшей национальной кондитерской школой и... стихами Лариссы Андерсен!

Но я бы поставила стихи на первое место! □

ЗАГАДКИ старинной башни

Полностью увидеть этот некогда весьма мощный по средневековым меркам кремль теперь нельзя. Он давным-давно превратился в фантом. Зато от него вполне хорошо сохранилась одна из башен — Спасская, стоящая на крутом берегу некогда полноводной реки. Речь идет о древнем русском городе Вязьме и его загадочном кремле-призраке.

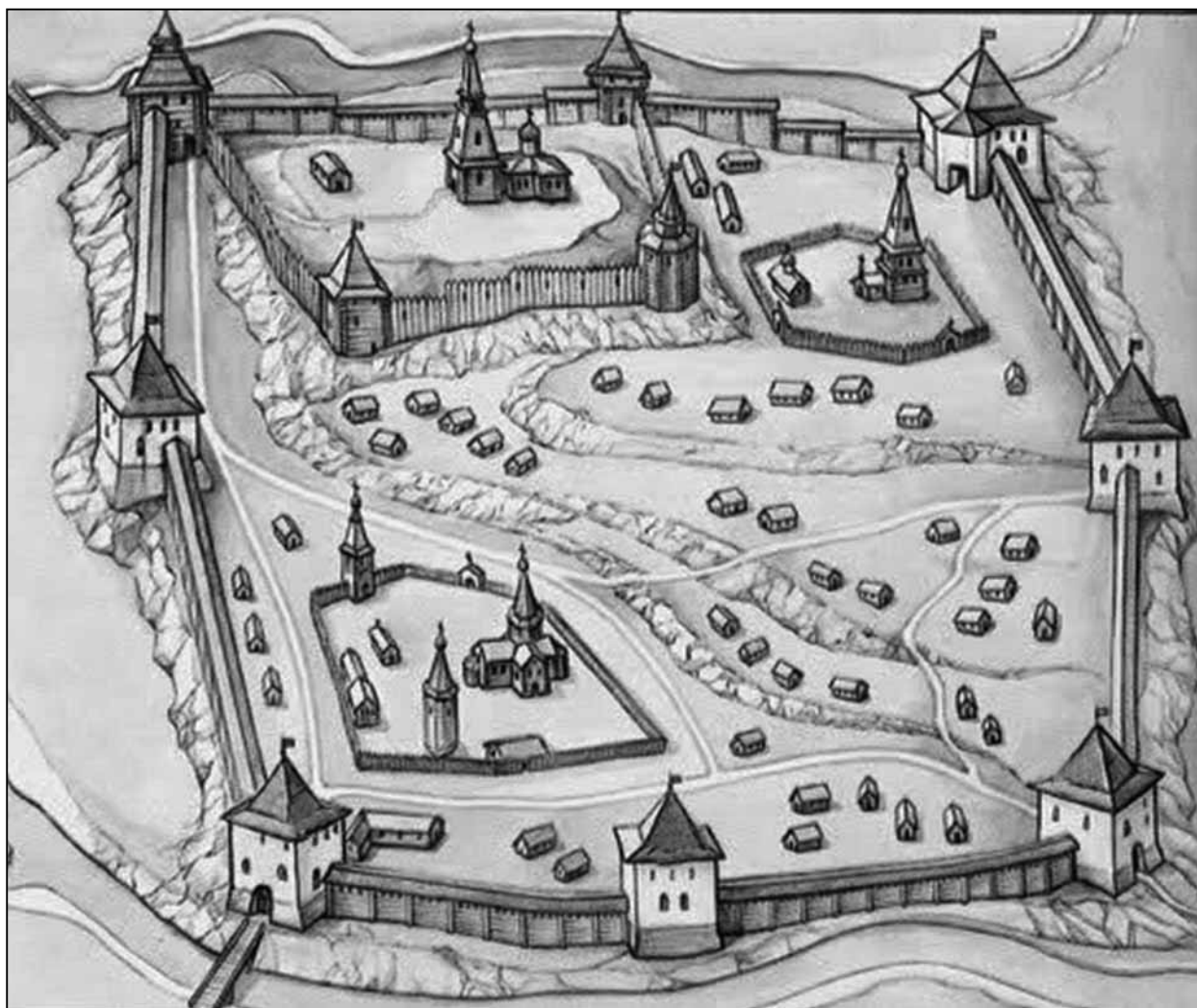
Вязьма, этот совсем небольшой по современным меркам российский город (число его жителей насчитывает в наши дни лишь немногим более 50 тысяч человек), находится аккурат посередине между Москвой и Смоленском. Основанная в далеком 1239 году на древней дороге на Запад, уже одним своим расположением судьба предназначила быть Вязьме неким промежуточным, но весьма важным пунктом следования людей и товаров из Руси в Европу и обратно. Почти весь XV век (с 1403 по 1493 годы) Вязьма находилась в составе Великого княжества Литовского, но затем, в ходе очередной войны между Русью и Литвой, окончательно вернулась в состав Московского государства.

Первый вяземский кремль был, как и в подавляющем большинстве древнерусских городов, деревянным. Время не оставило от той поры никаких материальных свидетельств. Зато доподлинно известно, что в правление первого из династии Романовых, царя Михаила (1613–1645), в 1631–1633 годах была выстроена мощная, по меркам средневековья, древо-земляная вяземская крепость о шести каменных башнях, которую называли Большим Нижним городом. Масштабными земляными работами руководил иноземный мастер Хриштоп Дальгамер, а возведение каменных башен возглавил зодчий Мирон Вельминов с подмастерьем Антипом Константиновым. Стены крепости, общей протяженностью

чуть более километра, стояли на высоком земляном насыпном валу высотой от 8 до 16 м, высота стен при этом составляла 4 метра. Боевой ход сверху защищала двускатная деревянная кровля.

Несмотря на окончание Смутного времени, от которого Вязьма пострадала особенно сильно (в 1615 году от некогда большого и богатого города уцелело всего лишь полторы сотни дворов), поляки и спустя два десятилетия продолжали постоянно досажать русским пределам — вот для защиты от столь беспокойных соседей и была спешно возведена новая крепость. Со стороны одноименной реки, по названию которой Вязьма и получила свое название, стены Большого Нижнего города смыкались с деревянной крепостной стеной с пятью деревянными башнями существовавшего до этого Верхнего Малого города. Так что Вяземскую крепость первой трети XVII столетия стоит рассматривать как каменно-деревянную.

Практически сразу же после возведения Вяземскому кремлю пришлось держать экзамен на прочность. В 1632 году началась очередная война между Московией и Речью Посполитой: последняя все никак не оставляла попыток окончательно добить и уничтожить едва начавшую оправляться от страшной Смуты Русь. В сентябре и октябре 1633 года неугомонные ляхи дважды пытались с наскока взять Вязьму, правда, оба раза безуспешно. Но в апреле

следующего года военное счастье изменило защитникам Вязьмы, а через месяц недалеко от города был подписан Поляновский мир. Несмотря на оставление исконно русских земель, отвоеванных, было, у Речи Посолитой в ходе Смоленской войны 1632–1634 годов, а также выплату Польше огромной контрибуции, согласно условиям заключенного мира, Россия ценой неимоверного напряжения сумела сохранить фактический статус-кво худого мира, к которому стороны пришли в 1618 году после завершения Смуты. Но главное, король польский и великий князь

литовский Владислав IV (1632–1648) наконец-то отказался от своих «законных» прав на незаконно занимаемый, с его точки зрения, московский престол первым из Романовых. (Дело в том, что еще в 1610 году, в критический для России момент Смуты, когда само дальнейшее существование русского государства было под большим вопросом, компрадорская Семибоярщина провозгласила юного наследника польского престола правителем Русского государства, избрав чужеземца и иноверца новым царем Московии. И хотя он никогда Россией реально не правил, тем не

менее, делал неоднократные дипломатические и военные попытки вернуть себе «отобранное» у него Московское царство. Да и титул русского царя, величавшегося как избранный великий князь московский Владислав IV, сохранял за собою вплоть до 1634 года!) В этой важной дипломатической победе, сыгравшей впоследствии огромную роль в развитии и укреплении Московского государства на международной арене, немалая лепта была внесена и героическим сопротивлением врагу защитников Вяземской крепости.

В середине столетия, в годы правления сына первого из Романовых, царя Алексея Михайловича (1645–1676), Вязьма неожиданно для себя даже стала своеобразной столицей Русского государства. Правда, всего лишь на несколько месяцев: с 21 октября 1654 года по 10 февраля 1655 года. Возвращаясь с войском из Смоленска после его успешного отвоевания у Речи Посполитой, Алексей Михайлович из-за разразившей-

ся в столице страшной эпидемии чумы был вынужден надолго самоизолироваться в Вязьме. Спасаясь от морового поветрия, в Вязьму к нему прибыл патриарх Никон и вся царская семья, для которой в городе был построен вместительный деревянный дворец.

А накануне этих событий, перед началом войны за возвращение Смоленска в пределы Отечества, Вяземская крепость была укреплена. Из Малого города к реке был вырыт тайник длиной 34 метра (!), а также обновлены обветшавшие за это время деревянные стены. Обширный городской посад обнесли острожным частоколом массивных бревен. К счастью вязьмичей, эти военные приготовления не понадобились, ибо 23 сентября 1654 года гарнизон Смоленска капитулировал, а город был окончательно присоединен к России.

В течение последующих десятилетий границы российского государства постепенно все более отодвигались на Запад, и Вяземская крепость потеряла свое оборонное значение. Стены и башни ветшали, требовали починки и ремонта, но денег в казне, как всегда, не хватало. Постепенно пришедший в ветхое состояние Вяземский кремль был просто-напросто разобран местными жителями на камень. За исключением одной, находившейся в северо-западной углу крепости Спасской башни. Ее цоколь облицован белым камнем, а стены сложены из боль-

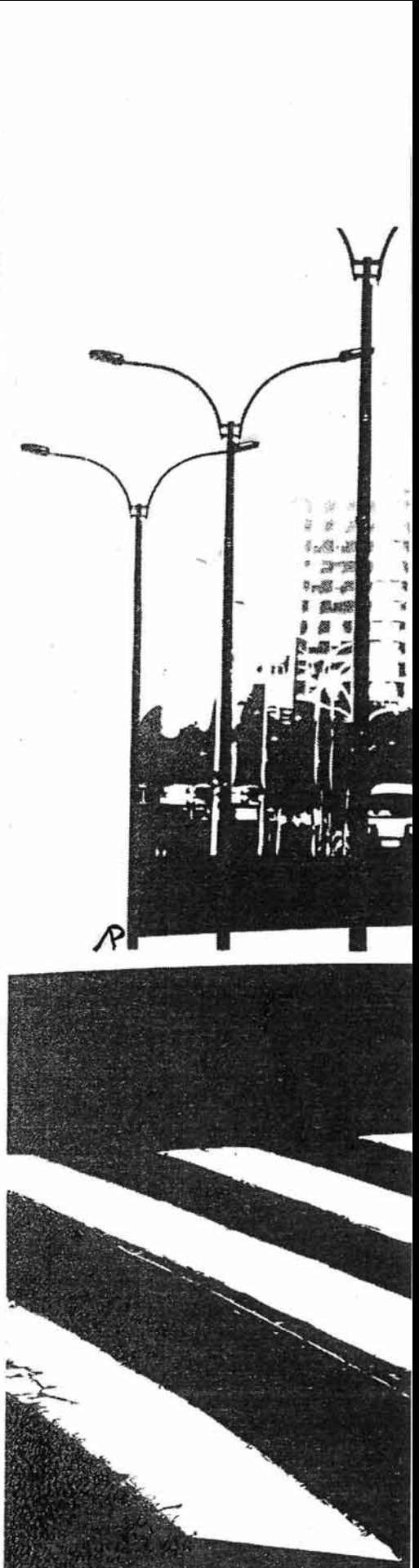

шемерного кирпича. А сохранилась она благодаря тому, что вошла в состав основанного здесь в 1661 году Аркадьевского монастыря. И даже в наши дни эта, словно добротный гриб боровик, поднимающаяся из земли средневековая башня, с 24 бойницами разных форм и размеров и с параметрами: высотой 13,5 метров (без крыши), длиной 18,5 метров и 17 метров в ширину, вызывает уважение перед ее древними строителями.

Сегодня Спасская башня входит в состав Вяземского историко-краеведческого музея. Но экскурсии в башню пока еще не устраиваются, и побывать внутри толстых, много чего видевших стен Белой башни — большая редкость.

В 2019 году Банк России во второй раз за прошедшее десятилетие выпустил памятную десятирублевую монету с изображением города, на сей раз в серии «Древние города России». На реверсе монеты были изображены основные достопримечательности Вязьмы, среди которых отчетливо читается и профиль Спасской башни.

У любой средневековой крепости были свои тайные тропы к ближайшей реке — для пополнения жизненно необходимых запасов живительной влаги. Говорят, один из таких ходов к речке Вязьме начинался как раз именно под Спасской башней. Кто знает, может, так оно и было. Рано или поздно благодаря кропотливому труду историков и археологов мы узнаем и об этом. □

Одна на два созвездия звезда

Колеса разбивали лужи в мелкий туман, больше похожий на соус, суп-пюре и смузи. Казалось, ливень бьет откуда-то снизу, с автострады. Струи мутной дорожной взвеси текли вместе с рассеиваемым воздухом по лобовому стеклу вверх. Полина, захваченная магией иллюзорности, закрылась на заднем сиденье, отгородившись от непрекращающихся споров между мужем, исполняющим роль штурмана, и старшим сыном, уверенно ведущим черный внедорожник в сгущающихся сумерках.

— Поль! Яблоко достань! Ты что, спишь?

Ближе к границе облачность разорвало, и через стекло верхнего люка маятником гипнотизера закачалась звезда. От этого женщине вздремнулось, она почти реально ощутила привкус сладкого кофе на губах. Будто льется он через край белой чашки, а она отпивает по глотку. И так сладко ей! Так сладко!..

— В Бресте часов пять простоим, не меньше! — сделал вывод из показаний навигатора сын Юрий. — На Домачево посвободнее будет...

И повернул машину налево, да так проворно, что Полина невольно открыла глаза. За окном резко мелькнул подсветкой и утонул в густой черной ночи Брестский собор.

Через полчаса Лисецкие мягко уткнулись в хвост пограничной очереди.

Путешественники стали вылезать из машин. Женщины зашуршали пакетиками, чтобы не тратить время зря и перекусить. Комары, рождающиеся где-то в пойме реки Западный Буг, невидимой в темноте, но ощущимой всею влажною парной истомой, пользовались случаем и с остервенением вцеплялись в шеи и руки.

Белорусские пограничники обыскивали тщательно, пересматривая сумки, сумочки, коробки, подарки, книги...

Затем люди занимали свои места в автомобилях. Пересекали границу. И снова оказывались в пробке. Теперь их обыскивали поляки. Искали сигареты. Из всей смены таможенников особенно выделялся один дотошный блондин, что шерстил багажники, заставлял показывать внутренности каждого сиденья...

— Зверь! Чисто зверь! — недовольно ворчали водители.

На высоком фонаре наружного освещения удобно пристроился и не собиравшись улетать аист, величественно и равнодушно разглядывая суетящихся людей.

Муж Валерий шевелил желваками. На висках напряглись жилки. Он ценил работу супруги, которая сшила детские платица, аккуратно уложенные в багажнике. А теперь там все перерыто, смято и потеряло эффектный вид.

Юрий, казавшийся самым спокойным из всех троих, улавливая пульс колонны, методично заводил, несколько метров проезжал, снова глушил мотор. И так два часа. Полина любовалась сыном. Мужем так не любовалась, как им. Юрка рано стал уклонять голову от материнской руки, глывшей русый вихрастый чуб. Но красиво себя одевать позволял. Яркую бело-голубую клетку для летней куртки она специально подбирала под его глаза. Как модельер, Полина часто экспериментировала. А Юрке что надо? Жена за ним, как мать, заботиться не станет. Бросит в стирку — и вперед, не погладив как следует!

Муж не любил клетку, но работа в духовом оркестре требовала особого подхода к имиджу. Поэтому, забыв о своих творческих фантазиях, Полина одевала его во все белое, включая обувь. Каждый день муж находил белоснежные рубашки, и так привык к порядку, что не мыслил себя без этих простых правил. С годами добавилась еще одна деталь — цветные шарфики на горло вместо галстуков. Валерий часто простужался, а шарфики служили хоть какой, а все же защитой. И Полина освоила бесконечное число элегантных способов повязывания этих самых мужских шарфиков...

Очередь продвигалась издевательски медленно.

— Обменяла бы ночь сна на несколько лет жизни! — призналась Полина, стирая со щеки дорожную пыль.

Последние месяцы напряженной работы в ателье, гонка с высокооплачиваемым заказом, проблемы с дочерью, что живет теперь в Польше, сложные переговоры и не кончающийся день... — все это доводило резервы организма до предела.

И вот, наконец, три крайние машины сравнялись с пограничным постом. Несколько неторопливых мужчин в формах цвета хаки и нашивках «Страж границы» в сопровождении собаки начали проверку документов.

Тот дотошный блондин казался не то чтобы злым, но каким-то чрезмерно добросовестным, даже строгим. Наверное, по званию он здесь самый старший. В его безупречной выправке угадывался военный. Непонятно было, сколько ему лет. Стройный, как юноша. Сосредоточенный. Брови у переносицы сердито сдвинуты.

— Идет к нам! — буркнул Валерий, предчувствуя новый, совершенно ненужный осмотр.

Но серый взгляд стража границы, осмотревшего в салоне лицо Полины, как-то странно замер, глаза сделались синее аквамаринов, и он неумовимо изменившимся голосом, но чисто по-русски произнес:

— Ваши документы.

Все трое дружно отдали паспорта, и таможенник направился к следующей машине.

Полина сразу узнала его. Только странным образом время не хотело отдавать его имя. Она откинулась на сиденье и закрыла глаза.

Ей было шестнадцать. Ему — не больше двадцати. Она возвращалась от бабушки в Москву. Он, отслужив срочную в Уральском военном округе, демобилизовался и направлялся домой во Львов. До Москвы ехали на одном поезде. У них были в распоряжении один вечер и одна ночь...

«Муж и жена будут счастливы, если у них глаза одинакового цвета!» — вспомнились его слова. Да. Он так сказал.

А еще они тогда говорили, кажется, о звезде, одной звезде на два созвездия.

«Голова Андромеды — это пупок Пегаса. Представляешь? А называется Альферац!»

— Как же его звали? — одними губами прошептала Полина. — Как же его звали?

— Мечислав! — неожиданно позвал из конторки блондина сослуживец.

Полина улыбнулась. «Спасибо!... Да!... Мечислав. Его звали Слава!» И они целовались. Целовались всю ночь!..»

Семью, ожидавшую своей очереди в черном внедорожнике, пригласили к окошку для идентификации личности без задержки.

Она увидела себя не всю, а только половину, отраженную в темном стекле. Поправила фиалковый кардиган, чуть расслабила хомут воротника шелковой блузки. Второй половиной оказался он, мужчина, внимательно изучающий ее заграничный паспорт, который позволил себе лишь на долю секунды остро и пронзительно заглянуть в глаза женщины. Не позволив выдать волнение, губы спокойно произнесли:

— Пани Полина живет в Москве?

— Да.

— Пан Юрек ее сын?

— Старший.

— Есть еще младший?

— Есть дочь в Люблине. И две внучки.

Оба отдавали себе отчет, что находятся под камерами наблюдения сразу трех государств: России, Беларуси, Польши... но что было еще напряженней — ее семьи.

Мечислав поднял голову, лицо его вспыхнуло каждой веснушкой:

«Я всю жизнь мечтал о внучках! Увы, не сложилось». Он сказал это не вслух. Но она читала мысли в его вздохе, вернее — в кратком выдохе. Телепатия, соединившая их тогда в поезде, вернулась острым ощущением, точно не уходила на многие годы. Точно все время была с ними!

Ее самый лучший на свете муж и самый лучший на свете сын терпеливо стояли в очереди, ждали, когда придет их черед.

Польский таможенник не торопился. Смерил взглядом того и другого. Оценил, как они модно одеты, даже головой качнул. Но это было неважно теперь, когда звезды двух их созвездий, и Альфа, и Бета, и Гамма, и Сигма, снова выстроились так, что позволили быть рядом. И снова не на небе, а здесь, на земле голова Андромеды уткнулась в солнечное сплетение крылатого коня...

Где-то тракторы закапывали польские яблоки. Шумели майданы. Скандировал от счастья Крым. Бурлил истеблишмент Европы, Америки, Польши, Украины, России. Кого-то бойкотировали. Кого-то «банили». На кого-то накладывали санкции...

Полина нервничала, надо же, всегда на людях на каблучках, а сейчас даже не сменила туфли, когда заколдованно вышла из машины, и выглядит теперь, как «бабка в тапках». Не поправила волосы. Не покрасила губы...

А Мечислав старался не показывать своего волнения от вида этих губ. От никуда не исчезнувшей памяти их вкуса. Были в его путаной жизни то губы терпкие, рябиновые, то горькие, незрелые ежевичные, то кислые, красно-смородиновые, а таких малиновых девичьих сладких больше не случилось целовать!

И ее слова, что шептала русская девочка в плацкартном вагоне: «Ты самый ладный, кого я видела! Самый красивый на свете! Буду идти рядом и гордиться! Буду стрелки на брюках отглаживать до самой смерти! Я...»

— У пани фамилия Лисецкая? — удивленно проговорил таможенник, держа в руках ее паспорт, как раньше держал пальчики ее девичьих рук. И мурашки побежали по спине. Точно ее паспорт являлся продолжением ее тела. Души. Сердца. Светоносного потока взгляда.

— Да. У меня муж поляк.

— Поляк? Вот как? — Мечислав открыл третий паспорт: — Пан Валерий Лисецкий? Вон тот? В белых шузах? — Он чуть-чуть насмешничал.

— Да, так, — кивнула Полина.

— Сигареты? Оружие? Наркотики везете?

— Тряпки одни для девчонок. У меня муж не курит, — ответила она и добавила издевательски по-польски: — Золотце. Кладець! Он у нас...

— Что-то вы на фото не похожи!

Полина улыбнулась, наконец, на ее щеках показались ямочки. Блеснули великолепные безупречные зубы. Она убрала шпильку, и волосы рассыпались по плечам, только не желтыми завитками пшеницы, как в молодости, а белым хмелем. Синими васильками на снегу вспыхнули глаза, голос стал шелковым, послушным и ласковым, как тогда в поезде:

— А так?

— Так лучше... — чуть сбился голос у Мечислава, и он проглотил слюну. — Ограничение продуктов видели? Нарушаете? Нет?

— Трошечки (немножко), — тихонько засмеялась она, вернув обоих в свое шестнадцатилетие!

Он снова листал ее паспорт, не видя, что написано на страницах. Она перебирала его светлые пряди волос, мысленно прикасаясь к ним всей своей юностью. Удивительно, но так бывает. И он, и она почти не состарились. Точно время законсервировало их.

Тогда на далеком диком перроне он увидел девчонку и чуть не умер! Она и бровью не повела! А потом нашел ее в плацкарте соседнего вагона, присел рядом и до утра не уходил. До самой Москвы!.. Поцелуи ее ягодами малины брал он всю ночь, как с теплого летнего куста. Сержант осторожно звал ее в свой вагон. А вдруг пойдет? Вдруг захочет большего? Не пошла. Сказала ласково, чтобы не обидеть, что будет ждать его письма, а потом, бросив все, во Львов приедет...

И боль вернулась от ее тихого смеха. Так же вот в вагоне смеялись они тогда, чтобы трех храпящих бабуль не разбудить. Тихонько пели.

Глазами она задавала единственный вопрос: «Ты помнишь?» И он, отрывая взгляд от паспорта, отвечал ей снова и снова: «Помню!! А ты не забыла?»

И она опускала глаза: «Забыла! На тридцать лет забыла, чтобы от боли не умереть! И лишь сейчас, увидев, вспомнила все-все так ярко... до секунды! Почему же ты не написал? Ведь я ждала!!»

Зябко на границе. Ночь. Длинная очередь. Муж и сын, переступая с ноги на ногу, стоят за спиной. Люди топчутся у машин...

Девчонка, оставленная там, на Казанском вокзале, растворяется в воздухе и появляется вновь, обретая плоть. Теревит воротничок, чтобы легче было дышать. Таможенник тянет с главным вопросом той девчонке, воплотившейся в эту красивую женщину: «Любила?» Он так и не задал его

вслух, но почувствовал ответ: «Люблю!» «Всегда?» «Всегда!» — и протянул документы, найдя в себе силы не зажмуриться от боли.

— Следующий! Лисецкий Юрий?

— Да, — напрягся сын — уж как-то странно подозрительно впялил в него глаза дотошливый и вредный страж границы. Юра еще молод, чтобы прочесть во взгляде таможенника: «А ведь ты мог бы быть моим сыном!»

Нарушив регламент, Мечислав вышел из конторки, дал команду товарищу:

— Pierwszy samochód przegapić! Pozostałe przeszukania! (Первую машину пропустить! Остальные на обыск!)

Семья дружно заняла места в машине, и Юрка быстро вырулил под шлагбаум, чтобы «злой блондин» не передумал.

А блондин не отводил взгляда от фиалкового видения.

В ее фигуре, голосе, взгляде, одежде — во всем — восхищало его чувство меры. Эталона. Звезды даже не на два созвездия — на множество созвездий. Он только сейчас понял, что привлекло его тогда и сразило наповал — ее чувство меры.

Навигатор вел автомобиль по ночной дороге через спящую Польшу к городу Радзынь-Подляский. Муж и сын тихо шептались впереди, чтобы не разбудить мать, довольные, как они ловко и быстро прошли крутого таможенника!

Полина не спала. Лежа на заднем сиденье, глядела на звезду, решительно отказывающуюся покидать окошко люка. Щеки ее пылали: это Славка думает о ней. И о том времени, когда они расстались. Перед глазами до сих пор его стройные ноги в военных брюках, заправленных в мягкие берцы. Рукава закатаны на локтях. Руки загорелые. Немного угловатое смуглое лицо, обрамленное светлыми волосами...

Мечислав тоже думал о ней. Как отъехала Полина от границы, попросил напарника о замене, отошел в сторону. Закурил.

Там, на далеком полустанке, название которого он уже не помнил, где пассажирские поезда могли прервать свой стремительный бег всего лишь на три минуты, его, возвращающегося со службы, привлекла девичья песня. Высокий голосок разливался по перрону долгожданным счастьем. Два года он служил Родине честно. Боевая учеба, строевая подготовка, внутренние наряды, караулы, учения, марш-броски. Вокруг только зеленая солдатская форма, запах казармы, сапог, казенного мыла. А тут — аромат светло-русых волос! Он возвращался домой на Украину и мечтал встретить Мечту. И теперь она пела где-то рядом. В голове дембеля перевернулась Вселенная!

Девчонка ладно перебирала точеными ножками по не очень ухоженному перрону. Невесомо взлетали розовые босоножки размером с его ладонь!

Белые носочки. Платьице — с иголочки. Откуда такие платьица берутся? Кто их шьет? И поясок на тонюсенькой талии под цвет акаций белых на волшебном розовом платье. На щеках — румянец. Губки — что ягодки. Глаза — в полнеба!

Как только поезд тронулся, сержант сказал друзьям, что увидел ту, о которой мечтал всю жизнь. Сослуживцы, конечно, посмеялись. А он ушел и уже не вернулся в свой вагон.

— Срочно нужна помощь! — напористо метнулся сержант к девушке, сидящей у окна.

— Какая? — улыбнулась Полинка, поправляя поясок.

— Вот прямо сейчас умираю!

— С голоду? — спросила она и протянула ему плетенку с маком.

А бабки-попутчицы дружно засмеялись. Пригласили весельчака к столу. Нашлись и отварная картошка, и пирожки, и курочка, и огурчики соленые. Проводница принесла чай.

А потом стемнело, и бабки-попутчицы заснули. А молодые люди все говорили и говорили шепотом, сидя рядом на твердой плацкартной полке с колючим синим одеялом. За белыми занавесками с большими квадратными печатями принадлежности к железным дорогам мелькали огни полустанков. Перестукивались колеса.

Он рассказал, что получил благодарность от командования, так как служил честь по чести, а теперь отбывает со службы на гражданку, нашел свою судьбу и теперь никогда не отпустит. И не отдаст никому! Она рассказала, что занимается шитьем и может обшить вот такими платьями весь Советский Союз! И что готова ехать за ним хоть на край света! А потом поставила его перед собой, внимательно оглядела и с серьезным видом заявила:

— Такого, как ты, легко и приятно обшивать! Ты — просто безупречная модель! Самый ладный, кого я видела! Самый красивый на свете! Буду шить для тебя и смотреть, как ты примеряешь новые костюмы. Буду идти рядом и гордиться, как на тебя все-все смотрят. И кепочку вот так наденешь! И вся страна будет тебе завидовать, какие у тебя стрелки ровные на брюках! Знаешь, как я умею их отглаживать? С воском! Да! А еще можно с мылом хозяйственным... И паром! Под марлей.

Наверное, впервые девчонка тогда и дотронулась до парня. Ноги, точно из мрамора, мускулистые, бедра узкие, мужские. Шея мощная. Боже мой! Какая шея! Волосы светлые, слегка вьются. Ресницы и брови темные. А глаза синие. Взгляд дерзкий, веселый, звездный свет в нем искрится. Зубы ровные и белые-белые. На загорелых солдатских щеках — юношеские веснушки рассыпью. Бывает разве такое не во сне? Наяву?

— Нет! Это я не дам тебе ничего шить! Я куплю тебе платье из самого лучшего, самого белого шелка! — воскликнул он, с восхищением глядя на девушку.

— Из белого?

— Только из белого! Сестры двоюродные из Польши привезут! Там бывает, я знаю.

— Из белого ведь только свадебные платья шьют!

— Да! Я хочу видеть тебя в свадебном платье! — серьезно произнес Слава и поцеловал ее прямо в губы. — Ведь ты моя невеста! Ты наденешь его... и пойдешь... босиком... по траве... ко мне!

В чуть-чуть приоткрытое окно в вагон залетали пушинки одуванчиков, как стаи невесомых птиц или ангелов...

Они целовались до самой Москвы, и спать им совершенно не хотелось. А когда поезд неожиданно прибыл к перрону Казанского вокзала, вдруг спохватились. Она быстро-быстро вывела адрес на салфетке. Он поцеловал трофей и вложил в левый карман кителя:

— Ближе к сердцу!

Полину встречал отец, при нем неудобно было прощаться.

— Я напишу! Сразу, как приеду! Напишу! Жди!!! — уверенно крикнул Славка им вслед.

Она обернулась. Отчаянно помахала...

Все. Обрыв воспоминаний... Как чернота — без нее. Как барабан стиральной машины, отжимающий бесконечное белье, — без него...

Прошло тридцать лет. Но то, что она не получит письма от «влюбленного сержанта», Полина поняла через два месяца — так долго письма с Украины не идут. И она запретила себе о нем думать, чтобы не умереть. Так запретила, что вспомнила только теперь.

В ее жизни не случилось белого платья. Для Валеры она стала третьей женой, они расписались без гостей и свидетелей, он предпочел вместо свадьбы поехать в свадебное путешествие.

А Славка приехал во Львов. Друзья и родственники собрались, пили-гуляли. Он немного испачкал свою военную форму, и мать постирала китель. Из кармана салфетку не вытащила, и нежная бумага превратилась в кисель...

— Что вы сделали, мама?! Там же был адрес моей невесты!..

— Знать, не судьба... — ответила та. — Другую найдешь!

Но он таких больше не встретил. Ни на Украине, ни в Польше, куда семья перебралась к родственникам после перестройки. Лица тысяч людей на границе, тысяч женщин, но это лишь пушинки в подушке, а она — не похожее на них затейливое золотое перышко! И сейчас, когда увидел — понял, что потерял!

Мечислав вошел в Интернет, забил имя и быстро нашел фотографию Полины Лисецкой, директора московского ателье. Попросился в друзья. Послал сообщение через бесплатное приложение:

«Поленька! Девочка моя! Хорошая моя! Я чуть не умер!»

Полина удивленно отбила ответ:

«Опять?»

Видя, что она в зоне доступа, мгновенно сориентировался — главное, найти сейчас нужное слово — и начал торопливо писать:

«Мою одежду с адресом в кармане постирали. Я потерял тебя! Но клянусь! Ты — лучшее, что было в моей жизни! Одно твое слово — я приеду, прилечу, приплыву. Приползу! Только скажи! Все брошу. Я твой!! Помни! На наши два созвездия — одна звезда!!»

«Да. Я помню. Голова Андромеды — это пупок Пегаса. И называется Альферац!» — повторила она так удивившие ее в девичестве слова.

На что получила мгновенную реакцию: «Я люблю тебя! Я с ума схожу!»

Полина нервно рассмеялась. Тогда ведь ничего не мешало найти ее. Он знал, что она окончила швейное ПТУ, а в Москве их было не так много. И в каждом из них, хорошо, если одна-две Полины... «Любил бы — нашел!» — пришла следующая мысль, как приговор.

Тридцать лет на ее почтовый ящик приходили не письма, а счета. Счет за свет, за газ, за квартиру, за офис, за ткани, за фурнитуру, за аксессуары, за бархат, за шерсть, за бязь. И куртка сына в синюю клетку, и идеально ровные стрелки на брюках мужа — это лишь следствие аккуратного отношения не к письмам — к счетам!

О белом шелке не думалось. Запрещалось думать. Табу!

И свадебные платья — тоже табу!

Валерий встретился ей совершенно неожиданно, можно сказать, изловил на взлете. На самом взлете...

До этой ночи Мечислав гордился своей жизнью. Считал, что у него самая лучшая машина. Жена. Дом. Положение. Льготы за выслугу лет. Работа. Груши в саду. Но это все было от ума. Сердце билось здесь, где взбрыкивали три точки, говоря о том, что она отвечает на его признание прямо сейчас...

Абонент печатает ответ.

Ответа ждет он.

Ее жизнь — это праздник многочисленных белых воротничков, на котором надо кому-то все время платить по счетам. Ей платить. Ей.

Мечислав, как эпидемия, множился в виртуальном ее рекламном поле, подписывался на инстаграм и «твиттер», обозначился в «вебере» и «вацапе», проявился в месенджере и скайпе, бомбардировал лайками «фейсбук», «Одноклассники», «Вконтакте»...

— Что же ты творишь? — прошептала Полина. — Сумасшедший!..

«Прости!..» — написала она наконец. — «...Я только во сне могу идти к тебе в белом шелковом платье...» — И еще добавила: «...босиком по траве»...

В ответ понеслись от него какие-то сердечки-губки-бантики...

Глубоко вздохнув, еще с минуту колеблясь, дала команду системе, в которой проявился Мечислав: «Очистить чат», «Удалить», «Блокировать», «Сделать аккаунт невидимым для данного абонента», «Запретить доступ»...

Убрала телефон в сумочку.

— Не спишь? — уловил боковым зрением ее движения муж. — Подай водички!

В машину через приоткрытое окно залетали пушинки одуванчиков, как стаи невесомых птиц или ангелов...

— Да, ма, а то что-то в горле пересохло! — попросил сын.

Она подала мужу и сыну по бутылке воды, не поднимая лица, чтобы ни тот ни другой не встревожились, сколько в глазах ее до сих пор переливается молодых звезд. □

Закон есть закон

Всем известно, что по количеству нелепых законов Соединенные Штаты Америки далеко впереди всей планеты. Так, например, в Айове за поцелуи, длящиеся дольше 5 минут, штрафуют. В Айдахо запрещено заниматься рыбной ловлей, сидя верхом на верблюде, а в Теннесси ловить рыбу с помощью лассо. В Чикаго нельзя водить пуделя в театр и угощать домашних животных спиртным и сигаретами. В Алабаме законодательно запрещено носить мороженое в кармане и посыпать солью рельсы железной дороги. В Огайо по воскресеньям вам не продадут кукурузные хлопья. А незамужним барышням во Флориде, решившим прыгнуть с парашютом в воскресенье, придется отказаться от этой затеи, иначе их могут арестовать.

Конечно, большинство подобных законодательных актов были приняты давным-давно и в наше время являются разве что забавным курьезом. Но все же, если вдруг вы окажетесь, скажем, в Айдахо и решите порыбачить, то не делайте это верхом на верблюде. Мало ли что, ведь закон есть закон!

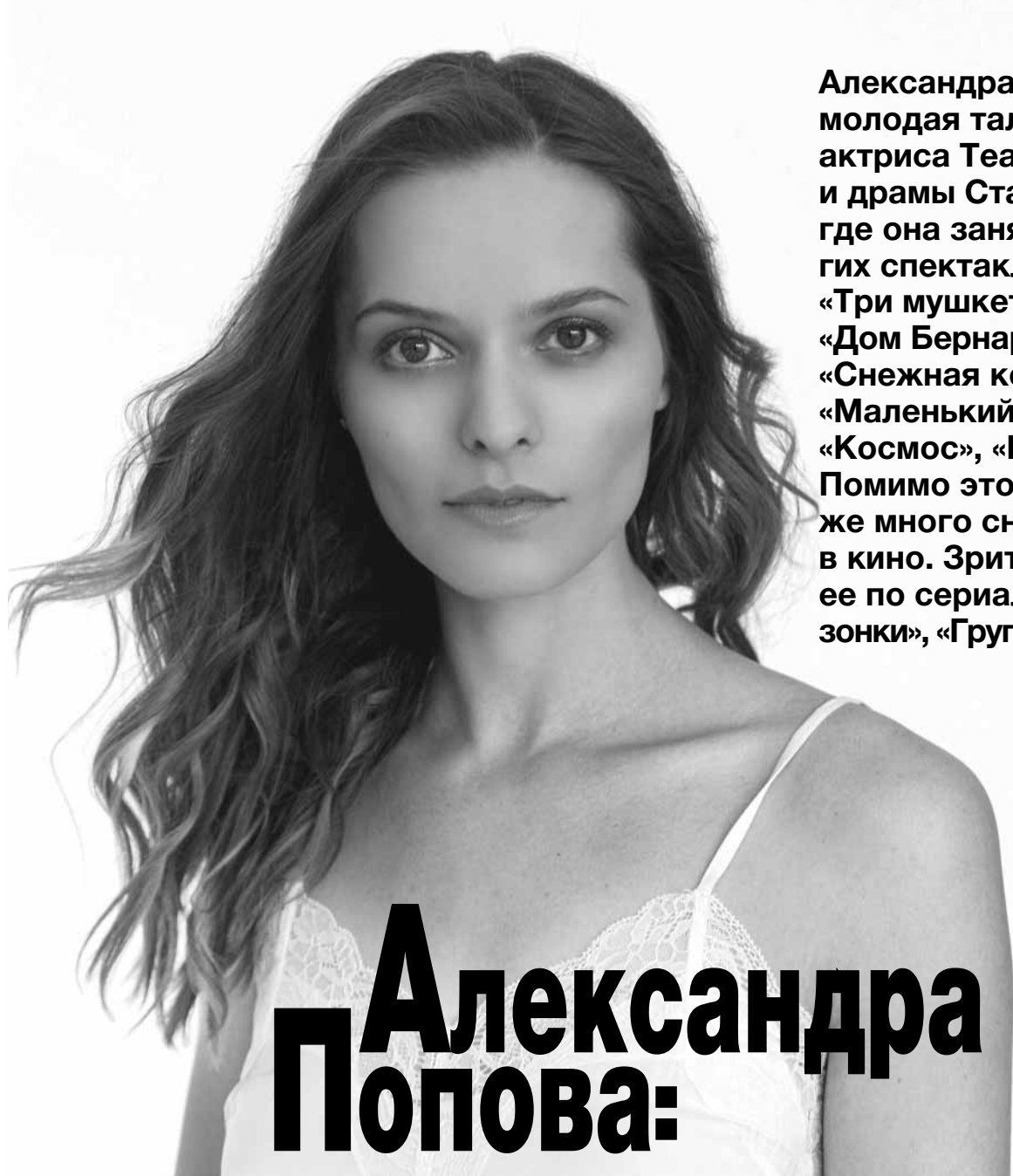
«Потаенное судно» Ефима Никонова

Почти три века назад русский крепостной крестьянин-самоучка подал царю Петру I челобитную «...сделает он к военному случаю на неприятелей угодное судно, которым на море в тихое время будет разбивать корабли, хотя б десять, или двадцать, и для пробы тому судну учинит образец...» А речь шла, ни много ни мало, о первой русской подводной лодке. К удивлению многих, российский самодержец идею поддержал и даже выделил средства на ее осуществление. В 1720-1721 годах Никоновым была выстроена сперва модель, а затем, через пару лет, проведены и испытания полноразмерного судна на реке Неве у Галерного дворца, на которых присутствовал сам Петр I. Первая русская подлодка напоминала по форме большую бочку с окошками, оббитую для надежности железными полосами и медными листами.

Увы, как это часто бывает, первый блин вышел комом: в ходе образцово-показательного погружения четырехместный (а по другим данным даже восьмиместный!) «наutilus» Ефима Никонова при ударе о грунт повредил корпус и дал серьезную течь. Неудачными были и последующие погружения первой русской подводной лодки: вода по-прежнему просачивалась сквозь щели обшивки в «потаенное судно» Никонова, хотя в целом система показала себя весьма жизнеспособной.

Однако после смерти Петра Великого его преемники быстро охладели к затее смекалистого крестьянина: Ефим Никонов был разжалован из мастеров в рядового плотника и сослан с глаз долой подальше от столицы рядовым плотником на Астраханскую верфь.

И все же историческая справедливость восторжествовала, пусть и спустя много-много лет. Уже в наши дни, в Покровском-Рубцово, что недалеко от подмосковной Истры, на родине талантливого самоучки, ему был установлен памятник, а в Сестрорецке, что ныне вошел в состав основанного Петром I «парадиза» — на городской набережной установлена полноразмерная модель того самого «потаенного судна».

Александра Попова — молодая талантливая актриса Театра музыки и драмы Стаса Намина, где она занята во многих спектаклях:

«Три мушкетера», «Дом Бернарды Альба», «Снежная королева», «Маленький принц», «Космос», «Волосы».

Помимо этого она также много снимается в кино. Зрители знают ее по сериалам «Амазонки», «Группа счастья»,

Александра Попова:

Фото
Ольги Байчер

«Театр — это постоянная работа над собой»

«Следаки», «Записки экспедитора Тайной канцелярии» и по фильмам «Страховой случай», «Мастерская», «Фаворитка», «Тайна четырех принцесс».

— Александра, вы служите в Театре музыки и драмы, созданном музыкантом Стасом Наминым в 1999 году. Театр Стаса Намина представляет мюзиклы для детей и взрослых, глубокие драматические спектакли по произведениям российских, европейских и американских драматургов, авангардные и экспериментальные постановки, уникальные авторские проекты. Почему вы пришли именно в этот театр?

го рассказывала мне о нем и попросила сходить с ней вместе на прослушивание.

На первом этапе меня слушал художественный совет, и мне честно пришлось признаться, что я не смотрела репертуар, поэтому мне дали задание сходить на спектакль и уже потом придти на прослушивание у художественного руководителя Стаса Намина.

Я попала как раз на закрытие сезона, на культовый спектакль «Волосы», и он произвел на меня колоссальное впечатление. В этот момент

«Бременские музыканты»

Фото
Театр
Стаса
Намина

— В театр Стаса Намина я попала в 2011 году, сразу после окончания Высшего театрального института имени Щепкина. Интересно, что во время учебы я в этом театре ни разу не была, но моя однокурсница мно-

я поняла, что хочу работать именно в этой труппе.

Какое-то время из-за графика съемок я не могла прийти в указанные даты и, если честно, даже потеряла надежду. Но в итоге все

сложилось. Анастас Алексеевич слушает очень внимательно и быстро понимает, подходит человек для труппы или нет. Так что через 15 минут я уже пошла оформлять документы, позвонила маме и сообщила, что теперь я артистка театра!

— Интересно, а какие ваши роли самые любимые?

— Любимая роль — конечно же, Шейла из мюзикла «Волосы», наверное, именно из-за первого впечатления от этого культового спектакля. Я долго мечтала о ней, но сыграла только через шесть лет после начала работы в театре.

А еще — Принцесса из «Бременских музыкантов», потому что этот мультфильм был одним из самых любимых в детстве. Роль Ирины Ивановны в «Космосе» можно вообще считать отправной точкой моего творчества в театре.

Такие роли, как Адела из «Дома Бернарды» или Королева из «Трех мушкетеров» — очень непростые для меня, но когда они удаются — я счастлива! Нелюбимых ролей нет, в каждой я нахожу для себя что-то полезное или то, что меня вдохновляет.

— Интерес к лицедейству у вас появился в детстве, или кто-то направлял вас на выбор профессии?

— Мне кажется, все решила судьба. Я много лет посвятила музыке и хотела двигаться именно в этом направлении. Интерес к актерской профессии у меня появился в пятнадцать лет. Я смотрела разные передачи о том, как делают кино, и мне всегда было интересно «закулисье». Когда я поступала в театральный институт, я как бы старалась относиться к этому не очень серьезно, чтобы потом не сильно расстраиваться, если не поступлю. И вообще мои документы уже лежали в Российской академии имени Гнесиных на факультете музыкального менеджмента. Перед последним экзаменом в Щепкинское училище я вдруг осознала, что происходит, и, наверное, именно в этот момент поняла, что хочу научиться самому ремеслу

актерской профессии. И все получилось!

Драматическое мастерство мне дала Щепка, вокалу помогло мое музыкальное училище, хотя я училась на факультете фортепиано, но был натренирован слух. А вот с хореографией у меня была беда. Я никогда ею не занималась и не скажу, что являюсь пластичной от природы, поэтому пришлось много работать

— Говорят, что артист должен постоянно учиться, никогда не останавливаться на достигнутом. А у кого вы учитесь как актриса?

— Я прочитала много теоретических трудов по актерскому мастерству, но поняла, что главное — это практика. Я люблю подмечать какие-то вещи, много наблюдаю в театре и на съемочной площадке.

Слева:

Пластический спектакль «S-Qark»

Фото предоставлено Театром Стаса Намина

«Иисус Христос — Суперзвезда»

Фото предоставлено Театром Стаса Намина

и схватывать на лету. Путем многократных повторений, репетиций у зеркала, сомнений и слез в подушку...

Могу сказать, что театр — это постоянная работа над собой.

Я до сих пор репетирую дома вокал, ищу правильный звук для музыкальных ролей.

Мне интересно, как люди «выходят» на ту или иную эмоцию, особенно, если знаю, какие они в жизни.

Конечно, нельзя не упомянуть Юрия Мефодиевича Соломина, Никиту Сергеевича Михалкова, я до сих пор их цитирую в каких-то ситуациях. Марина Петровна Никольская — профессор, педагог по

вокалу в Щепкинском училище, мой учитель не только в профессии, но и в жизни. Вообще, нужно научиться понимать себя, ты — свой главный учитель.

— О чем вы мечтаете?

— В театре очень хочется сыграть роль Марии Магдалины в рок-опере «Иисус Христос — суперзвезда».

Мечтаю поучаствовать в постановках таких мюзиклов, как «Моцарт» или «Чикаго»...

В кино я бы хотела сняться в проекте про 90-е годы, мне очень нравится стилистика того времени.

Наверное, главная мечта — это реализоваться и быть востребован-

ной. Я чувствую в себе потенциал, мне хочется расти и экспериментировать, хочется работать с режиссерами, которые горят своим делом, которые могут увлечь актера и открыть в нем такие грани, о которых он и не догадывался.

— Артист постоянно в пути — гастроли, поездки, а вы любите путешествия?

— Очень люблю путешествовать и стараюсь это делать по мере возможности. Мне нравится соприкасаться с другой культурой, я всегда читаю историческую справку о месте, в котором нахожусь во время поездки. Во время путешествий отвлекаешься от насущных дел, и твой организм настроен только на восприятие всего нового. Еще мне важна компания, я никогда не путешествую одна!

Хотела бы вернуться в США. Я вместе с друзьями за месяц объездила почти все Восточное побережье, и это было потрясающе! Эмоций хватило почти на весь следующий год. А вот путешествия по Западному побережью еще не было, так что, думаю, это будет отличный повод вернуться.

— Какие люди вам импонируют в жизни?

— Мне импонируют люди с внутренним стержнем, со своей позицией. Даже если мы в чем-то расходимся и спорим, я всегда уважаю людей, у которых есть свое мнение.

Также всегда притягивает талант, неважно, в какой области. Общение с талантливыми людьми всегда обогащает.

Импонирует схожее с моим чувство юмора. Я не люблю напыщенных людей, которые относятся к себе слишком серьезно. В современном мире без чувства легкой самоиронии — никуда...

Ну и, конечно, ценю искренность. Сейчас это большая редкость.

рые они приходят. Очень часто зритель даже не понимает, на что он пришел — например, на пластический спектакль вместо драмы.

А потом, с шумом, возмущаясь, он уходит из зала, мешая другим зрителям и расстраивая артистов ... Это неправильно и очень грустно.

Дорогие друзья, приходите в театр! Это живое искусство, которое

Слева:

Военные песни

Фото
Кати
Дружининой

«Записки экспедитора Тайной канцелярии»

Фото
Kino-teatr.ru

— Какой зритель вам представляется идеальным, если так можно выразиться?..

— Я бы хотела видеть в театре открытого зрителя, которого можно увлечь и повести за собой. Конечно, хочется, чтобы люди читали аннотации к спектаклям, на кото-

существует тысячами, трансформируясь в разные формы.

Мы ждем вас уже этой осенью, обновленные и вдохновленные!

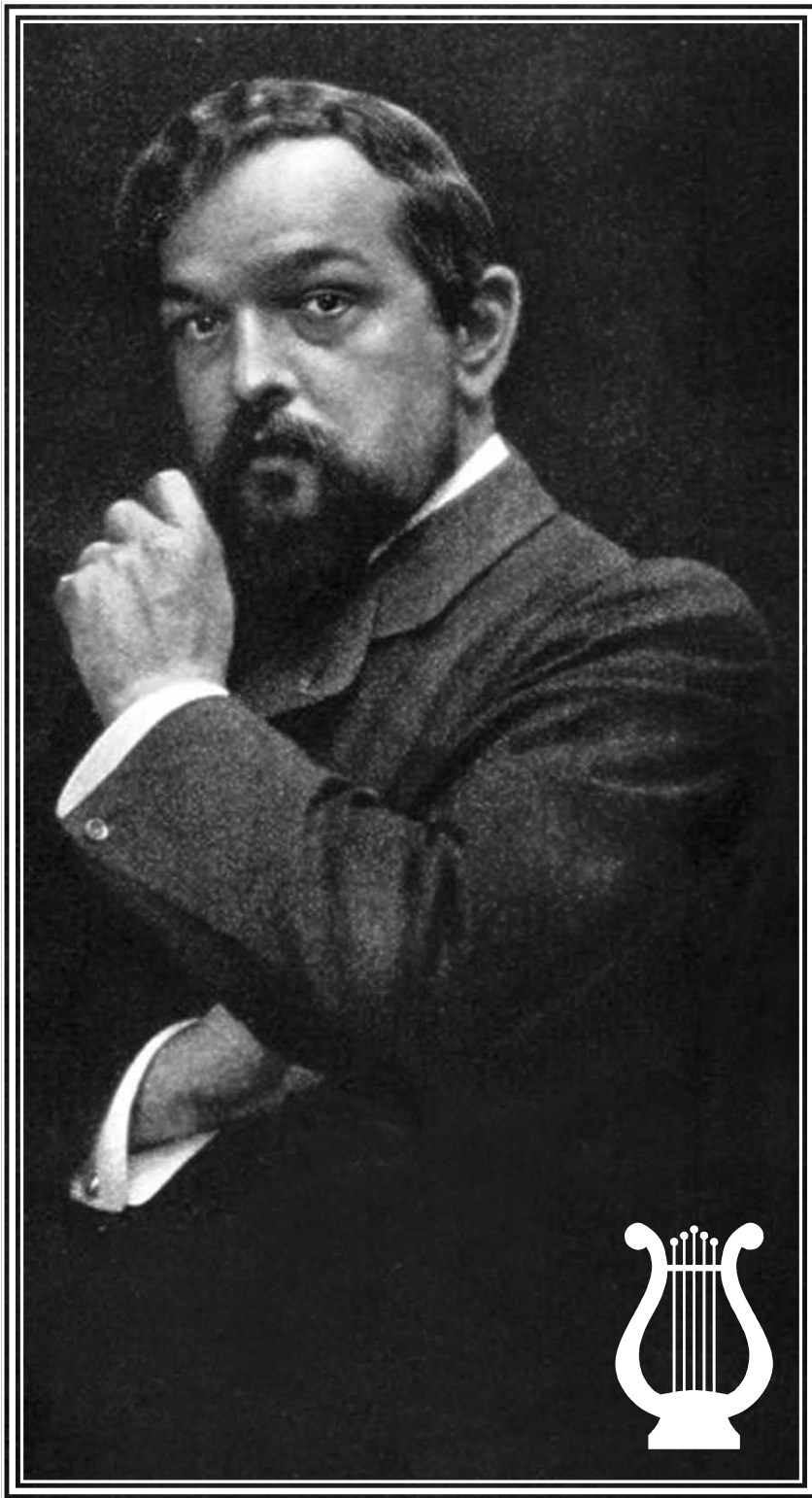
И, конечно же, хочется пожелать всем здоровья. Берегите себя! □

Беседовала **Елена Воробьева**

Алла Зубкова

Клод Дебюсси

«АЛХИМИК ОТ МУЗЫКИ»

Его называют родоначальником и самым ярким представителем импрессионизма в музыке, сам же он, отличавшийся склонностью к мистике, считал себя в некотором роде волшебником и «алхимиком от музыки», способным извлекать из тишины чарующие звуки. Для создания своих произведений ему требовалось очень много времени — оно уходило на бесчисленные наброски, летевшие затем в мусорную корзину. Порой ему нужны были недели на то, чтобы отдать предпочтение одному аккорду перед другим. В личной жизни он, выходец из довольно простой семьи, отличался вкусами и повадками истинного аристократа. Ну а его семейные отношения, бывало, становились темой скандальных переисудов газетных хроник и вызывали резкое осуждение со стороны широкой публики и даже друзей.

Ашиль-Клод Дебюсси появился на свет 22 августа 1862 года в городке Сен-Жермен-ан-Лэ, недалеко от Парижа. Отец будущего композитора

лив, замкнут в себе, погружен в мечты. Уже в это время давали себя знать черты нервной неуравновешенности, легкой возбудимости и

Клод казался окружающим странным ребенком. Способный моментами бурно радоваться, чаще всего он был молчалив, замкнут в себе. Уже тогда проявлялась в нем склонность к депрессивным состояниям, наложившим отпечаток на всю жизнь и творчество Дебюсси

отличался импульсивным и переменчивым нравом. Несмотря на честолюбие и авантюрные наклонности (в молодости он был моряком), ему не удалось сделать карьеру, о которой он мечтал. Выйдя в отставку, он женился на своей любовнице Викторине Манури, а через год у них родился первенец — Ашиль-Клод. Викторина, как и ее супруг, также отличалась неуравновешенностью характера, была вспыльчива, а порой и груба. Лавочка фаянсовой посуды, которую чета Дебюсси арендовала, дохода не приносила. Возвратив ее прежнему владельцу, семейство переехало в Париж. Месье Дебюсси то и дело менял работу. Маленького Клода в школу не отдавали. Мать занималась с ним сама. Интеллектуалкой, она, безусловно, не была, но кое-какие элементарные знания передать сыну все-таки сумела. Сверстникам Клод казался странным ребенком. Способный моментами бурно радоваться, доходить до экзальтации, Клод чаще всего был молча-

склонности к депрессивным состояниям. Эти особенности позднее наложили неизгладимый отпечаток на всю жизнь и творчество Дебюсси. Существование Клода было бы совсем унылым и серым, если бы не его тетя, мадам Ростан. Жизнерадостная, очень эффектная женщина имела богатого «покровителя», который не жалел денег на ее прихоти. Кроме того, летом она могла пользоваться его виллой под Каннами. Туда она несколько лет подряд привозила и своего племянника. Любовник мадам Ростан покровительствовал молодым художникам, которые позднее прославили свои имена как «импрессионисты». Яркие краски их полотен настолько очаровали мальчика, что он даже начал мечтать о карьере художника. Тетка с восхищением наблюдала, как Клод, с его врожденным чувством цвета, коллекционирует пестрых бабочек и оставляет понравившимися ему безделушками свою комнату. Но когда тетя несколько раз свозила его в

мальчика своей матери — мадам Моте де Флервиль — пианистке, которая училась одно время у Шопена и была знакома с Вагнером. Послушав игру маленького Дебюсси, та объявила, что мальчик должен стать музыкантом, и что она будет давать ему уроки, необходимые для подготовки к вступительным экзаменам в Парижскую консерваторию.

Что ж, карьера музыканта-виртуоза, это, пожалуй, не хуже, чем служба моряка, решил старший Де-

В Париже Клода ожидало туманное будущее «свободного музыканта». Материальное положение его было незавидным. Ведь завоевать признание, оставаясь оригинальным и самобытным, очень трудно. Музыка Дебюсси исполняли мало, и успеха она не имела. Приходилось зарабатывать на жизнь частными уроками

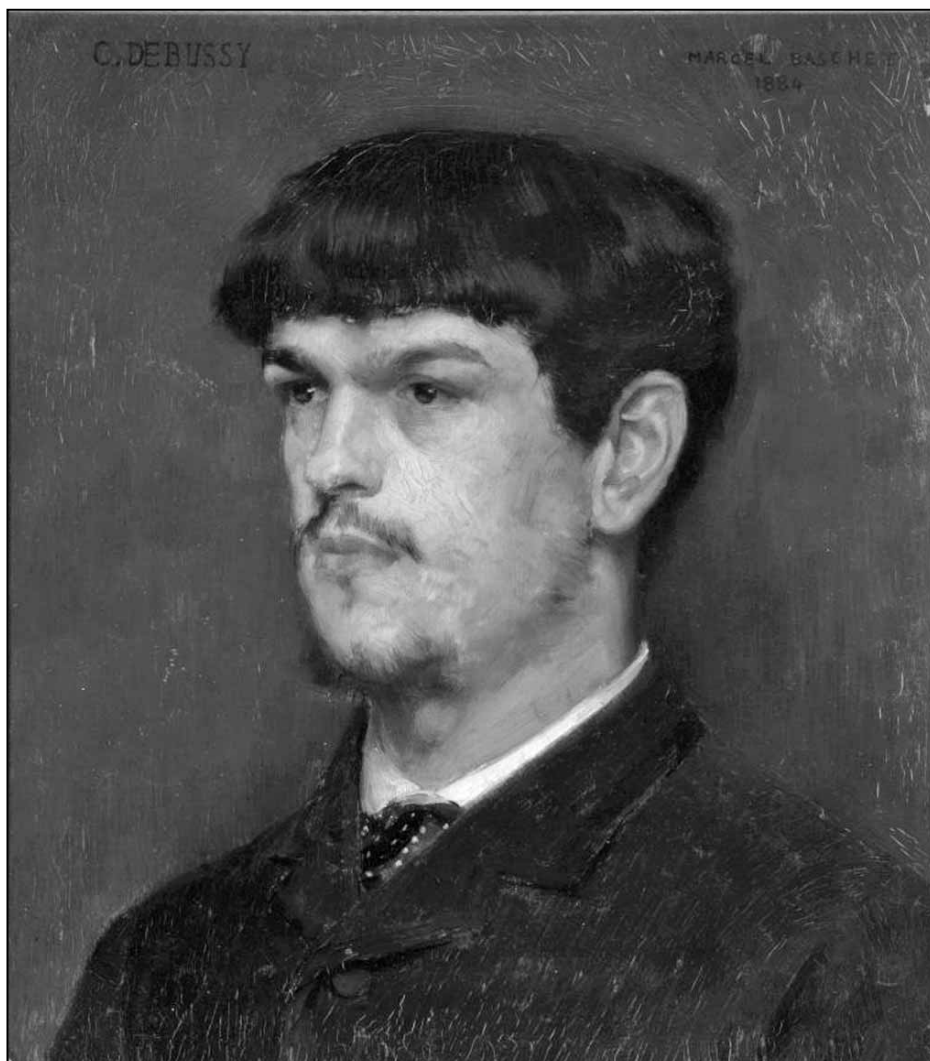
Канны на уроки музыки итальянского маэстро Черутти, мальчик решил, что нет на свете занятия прекраснее, чем музыка. Прошли еще два года в Париже и Каннах. Клод продолжал бренчать на фортепиано и малевать разноцветные картинки, не зная, чему отдать предпочтение. Наконец старший Дебюсси, сам того не желая (он хотел, чтобы сын стал военным моряком), положил конец этим колебаниям. Как-то в разговоре со своим приятелем, второразрядным композитором Шарлем де Сиври, он упомянул об интересе сына к фортепиано, и Сиври предложил показать

Дебюсси, и в течение четырех лет Клод занимался с мадам де Флервиль, поражая ее своими способностями. Осенью 1872 года десяти лет отроду он сдал конкурсные экзамены и стал студентом консерватории. В общей сложности ему предстояло провести в ее стенах более десяти лет (включая курс композиции).

Первые годы Клод как будто оправдывал надежды отца. Он получал похвальные листы. Журналисты называли его «двенадцатилетним чудом» и даже «маленьким Моцартом». Но затем... затем дело застопорилось. Необычайная многогранная музыкаль-

Слева:

**Надежда
Филаретовна
фон Мекк**

**Марсель
Баше.
Портрет
Клода
Дебюсси
в молодые
годы**

ная одаренность Дебюсси встала на пути его карьеры пианиста-виртуоза. Он с гораздо большей охотой тратил время на знакомство с произведениями Баха, Моцарта, Гайдна, Шопена и Шумана, чем на выработку виртуозной техники. Упреки преподавателей и скандалы дома ни к чему не приводили. Взрослевший Клод желал идти своим собственным путем. К этому времени относятся его первые опыты сочинительства. Сначала это были небольшие прелюды и попытки положить на музыку стихи любимых поэтов. Затем появились инструментальные произведения. Стремясь

заработать деньги, которых так не хватало семье, Клод начал давать уроки, которые, однако, приносили мало дохода.

В 1880 году в жизни Дебюсси произошло знаменательное событие. Надежда Филаретовна фон Мекк, имя которой известно всем хоть сколько-нибудь знакомым с биографией Петра Ильича Чайковского, обратилась в Парижскую консерваторию с просьбой рекомендовать ей молодого пианиста для обучения детей и камерного музицирования. Руководство консерватории выбрало Дебюсси, и в начале июля он отправился к месту

своей службы. Правда, на этот раз не в Россию. Фон Мекк путешествовала с детьми по Европе, и Клод, присоединившись к ним, побывал в Швейцарии и Италии. В письмах Мекк к Чайковскому сохранилось немало беглых высказываний о Дебюсси. Некоторые носили довольно лестный характер. Дебюсси великолепно исполнял произведения кумира Надежды Филаретовны, и это не могло не импонировать ей.

Летом 1881 года Клод вновь получил приглашение от Мекк. На этот раз он отправился в Россию — Москву и Петербург. Он добросовестно выполнял свои обязанности, а также знакомился с произведениями русских композиторов. В свободное же время юноша был не прочь развлечься. Старший из сыновей госпожи фон Мекк, гуляка Владимир, познакомил молодого француза с жизнью московской богемы во время совместных питейных походов по модным ресторанам и клубам. С особым восхищением слушал Клод пение цыган.

Третья поездка Дебюсси к Мекк состоялась в 1882 году и оказалась последней. Дело в том, что Клод уже давно испытывал симпатию к одной из дочерей фон Мекк, Соне, которой он давал уроки. Теперь его чувство приобрело настолько серьезный характер, что он решил просить у госпожи Мекк руки девушки. Очевидно, Соня тоже не осталась равнодушной к молодому музыканту. Дело, естественно, окончилось отказом фон Мекк, и Дебюсси было предложено

немедленно уехать. Эта сердечная рана долго не зарубцовывалась.

Все эти годы поездки к госпоже Мекк Клоду приходилось совмещать с занятиями в консерватории, где он посещал класс композиции молодого профессора Гиро. Последний высоко ценил свежие идеи своего ученика, и скоро они с Дебюсси стали большими друзьями. Вместе совершали ночные вылазки на Монмартр — пили, играли на бильярде и вели бесконечные разговоры об искусстве. Примерно в это же время Клод познакомился с талантливой певицей-любительницей Марией Ванье, которая искренне восхищалась молодым композитором. Муж Марии, архитектор, человек состоятельный и хорошо образованный, также благоволил к Дебюсси. Он давал ему ценные советы, снабжал книгами, которые почти не имевший образования Клод жадно глотал. Дебюсси проводил много времени в их гостеприимном доме. Вполне возможно, что после разрыва с Соней фон Мекк, его отношения с Марией перестали быть платоническими.

Последовав совету профессора Гиро, Клод принял участие в конкурсе на Римскую премию, которая давала право лауреату провести три года в столице Италии. Его кантата «Гладиатор» заняла второе место. Он был так близок к победе, что дал уговорить себя друзьям предпринять на следующий год еще одну попытку. «Блудный сын» — кантата на известный библейский сюжет при-

несла ему первую премию. Председатель жюри Шарль Гуно, автор знаменитой оперы «Фауст», обнял Клода со словами: «Дитя мое, вы — гений».

В январе 1885 года Дебюсси отправился в Рим. Жизнь в «Вечном городе» пришлась ему не по нраву. Хотя сама вилла Медичи, где жили лауреаты, была жемчужиной архитектуры Возрождения, Клод чувствовал себя там неуютно. Спать он должен был в большой мрачной комнате вместе с шестью другими студентами, которые не вызывали у него особой симпатии, еда была необыкновенно

его вдохновила одноименная картина Боттичелли, получила высокую оценку комиссии — в ней уже чувствовался своеобразный почерк зрелого мастера.

Весной 1887 года, проведя на вилле Медичи два года вместо положенных трех, Дебюсси приехал в Париж, где его ожидало туманное будущее «свободного музыканта». Материальное положение его было незавидно. Он не хотел жертвовать своими художественными убеждениями, а завоевать признание, оставаясь оригинальным и самобытным,

Репутацию композитора укрепило выдающееся произведение «Море» — подлинный импрессионистский эпос, поражающий своим размахом и яркими красками. Правительство наградило Дебюсси орденом Почетного легиона. Образовавшаяся партия поклонников, так называемые «дебюссисты», молилась на него и подражала своему кумиру в необычном фасоне шляп

дурна. Работа над творческим отчетом — произведением, которое каждый студент ежегодно должен был отсылать в Париж, также продвигалась трудно. Даже посещения римских музеев с их бесценными шедеврами не очень радовали. Клод настолько скучал по родному городу, что умолил начальство отпустить его в Париж. Если бы не уговоры супругов Ванье, он так и не вернулся бы в Рим. Тем не менее, его второй творческий отчет — симфоническая поэма «Весна», на создание которой

очень трудно. Музыку Дебюсси исполняли мало, и успеха она не имела. На жизнь он зарабатывал частными уроками и аранжировкой произведений других композиторов.

В 1889 году Дебюсси встретил женщину, которая надолго стала его преданной подругой. Ее звали Габриэль Дюпон, но приятели Клода называли ее Габи, «Габи с зелеными глазами». Уроженка Нормандии, портниха по профессии, она не имела образования, но отличалась умом, художественной чуткостью

и хорошим вкусом. Ее жизнь с Клодом была далеко не безоблачной. Композитор считал физическую неверность подруге грехом вполне простительным. Как-то у него случился роман с одной дамой из высшего общества, и Габи узнала об этом. Клод писал другу: «Габи — у нее стальные глаза — нашла в моем кармане письмо, не оставляющее никаких сомнений в моем романе... Следствием этого были слезы, драма, настоящий револьвер и записка в «Пти журнал»».

Мир был восстановлен, но композитор по-прежнему давал подруге поводы для ревности. В 1894 году он тайно обручился с певицей

Терезой Роже. Узнав об этом, Габи устроила ему грандиозный скандал, и Клод расторг помолвку. Развязка в отношениях между Дебюсси и Габи стала, однако, неизбежной после знакомства композитора с манекенщицей Розали Тексье. Правда, какое-то время Клода можно было видеть в обществе сразу обеих женщин. Вместе они посещали любимые рестораны и бары Дебюсси на Монмартре. Особенно нравились ему бары Пуссе и Рейнгольдса, где танцевала Мата Хари, а публика самозабвенно отплясывала недавно завезенный из Штатов кэк-уок. Он мог часами потягивать английский эль и грызть сладости, которые обожал. А когда удалялся из бара, за одну руку его держала Габи, за другую — Лили, как стали называть Розали. Этот «брак втроем», разумеется, не мог продолжаться долго, и, в конце концов, Габи ушла. Прощаясь с женщиной, которая делила с ним первые нелегкие годы его самостоятельной жизни, Дебюсси подарил ей партитуру своего лучшего произведения тех лет — «Послеполуденного отдыха фавна» — с трогательной надписью.

Место Габи в квартирке на улице Лондр заняла Лили. По воспоминаниям друзей композитора, это была скромная, хрупкая девушка с приятным и покладистым характером. Дебюсси почти сразу же предложил ей выйти за него замуж, но она отказалась официально оформить их отношения. Лишь после несколько театральной угрозы Клода покончить с

Слева:
*Розали
Тексье*

собой Лили дала согласие на брак. Свадьба состоялась в сентябре 1899 года. Утром торжественного дня Дебюсси должен был дать урок игры на фортепиано, чтобы заплатить за венчание и свадебную церемонию. К этому времени Клод был уже композитором, снискавшим европейскую известность, и, в первую очередь, благодаря уже упоминавшемуся «Послеполуденному отдыху фавна» — безмятежно языческая чувственная му-

зыка этого струнного квартета завораживала слушателей.

Еще в 1892 году Дебюсси прочитал только появившуюся тогда в печати пьесу бельгийского драматурга Мориса Метерлинка «Пеллеас и Мелизанда». (Метерлинк, кстати, автор знаменитой сказки «Синяя птица».) Композитор сразу понял, что пьеса представляет собой идеальное либретто для оперы. Он отправился в Гент и без труда добился от автора

согласия на постановку оперы и необходимые сокращения текста. Клод немедленно приступил к работе, но был настолько придирчив к себе, что остался доволен результатом лишь через девять лет. Оперу начали репетировать в начале 1902 года, но тут возникли проблемы. На роль Мелизанды Метерлинк рекомендовал свою любовницу — певицу Жоржетту Леблан, но композитор предпочел ей англичанку Мэри Гордон. Метерлинк смертельно обиделся. Одно время он даже собирался вызвать Дебюсси на дуэль и стал тренироваться в стрельбе из револьвера. Впрочем, дуэль так и не состоялась. Зато драматург написал полное желчи письмо, опубликованное в газете «Фигаро», где заявил, что

не имеет ничего общего с постановкой и желает спектаклю «полного и незамедлительного провала». На премьере одна часть зрителей неистово аплодировала, а другая — возмущенно шикала. Опера в одну ночь сделала Дебюсси знаменитым. И по сей день она остается уникальным и постоянно возрождающимся шедевром.

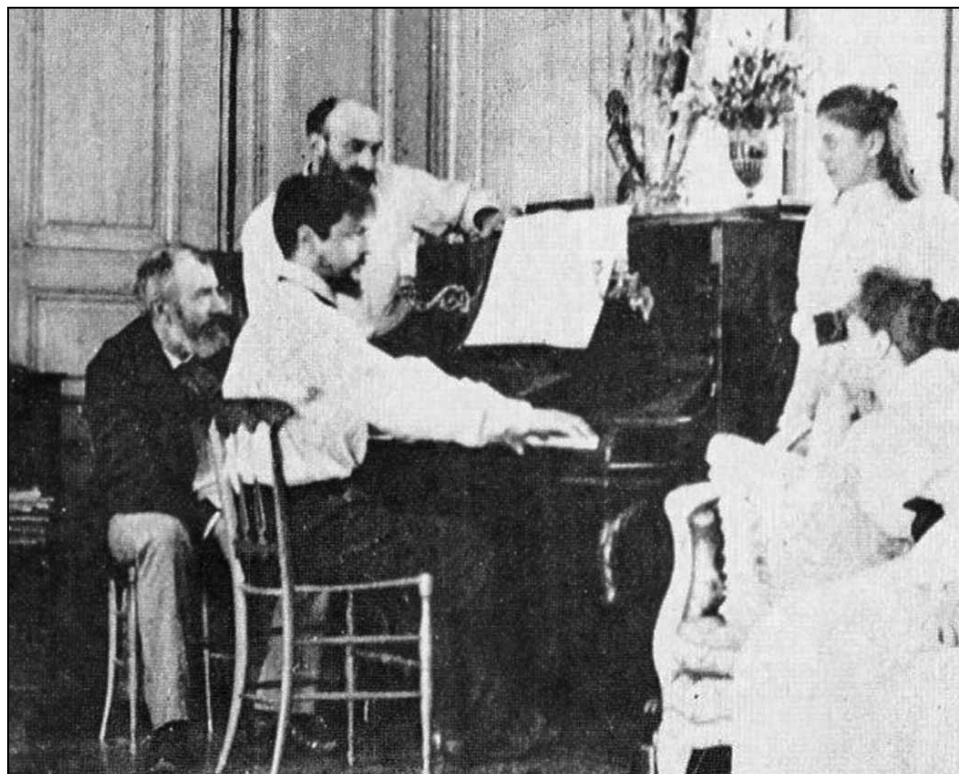
Репутацию композитора еще более укрепило созданное им в это время выдающееся произведение «Море» — подлинный импрессионистский эпос, поражающий своим размахом, силой, яркостью красок. Правительство наградило композитора орденом Почетного легиона. Образовавшаяся партия поклонников, так называемые «дебюссисты», молилась на него и подражала своему кумиру в необычном фасоне шляп. Однако у композитора было и немало критиков. Порой о нем и его музыке распространялись нелепые слухи: что музыка Дебюсси дурно влияет на самочувствие слушателей, что композитор подвержен нервным расстройствам, которые передаются другим.

К сожалению, слава не улучшила финансовое положение композитора. Да и отношения с Лили в тот период уже оставляли желать лучшего. Жена начинала утомлять его, действовала ему на нервы. Кроме того, Клод страстно желал иметь детей, а Лили не могла ему их дать. Он уже не был ей верен.

В 1904 году произошла встреча, которая круто изменила жизнь Де-

Слева:

*Клод
Дебюсси
и Эмма
Бардак*

*Клод
Дебюсси
играет на
фортепиано*

бюсси. Он познакомился с Эммой Бардак, женой преуспевающего банкира. Изящная, обаятельная, хорошая музыкантша и великолепная певица, она сразу же покорила сердце Клода. Любовь к Эмме росла и крепла с каждым днем, он мечтал лишь о соединении с любимой. Лето он провел с Эммой на острове Джерси, а, вернувшись в Париж, сообщил Лили о том, что покидает ее. Охваченная отчаянием женщина пыталась застрелиться. Ранение оказалось очень тяжелым — она была на грани жизни и смерти, но Клод ни разу не навестил ее в больницу. Более того — он оставил без внимания и неоплаченные счета за лекарства. Разразился крупный скандал, каждая заметка в газетах на эту тему лишь подливала масла в огонь. Большинство друзей Дебюсси не

одобряли его поведения, считая, что он поступает с Лили жестоко и несправедливо. Многие коллеги-музыканты также отвернулись от него. Но Дебюсси с присущим ему упорством пытался противостоять всем этим испытаниям.

Получив развод, он и Эмма официально соединили свои судьбы. К этому времени у них уже родилась дочь. Девочке дали имя Клод-Эмма, но в семье ее ласково называли Шушу. По суду Эмма получила от бывшего мужа значительную сумму алиментов, и чета Дебюсси приобрела небольшой особняк недалеко от Булонского леса. Здесь Дебюсси мог, наконец, расслабиться и предаться роскоши, о которой всегда мечтал. Комнаты были отделаны согласно его вкусам и украшены изящными безделушками, столь любимыми им

с детства. Клод всегда был гурманом, ценителем изысканных блюд и выдержанных вин. Кстати, еще в молодости, отвечая на предложенную ему полушуточную анкету, он признался, что предпочитает русскую кухню всем другим. Очевидно, посещения московских ресторанов в обществе Николая фон Мекка не прошли даром.

А еще он всю жизнь любил кошек. Эти животные импонировали ему своей грацией, независимым характером и... ленью. Он завел великолепную серую ангорку и назвал ее

Черпая творческие силы в кругу семьи, вдохновленный первыми шагами Шушу, он вновь включился в работу. Кстати, сочинение музыки всегда было для него сродни магическому действию. Иногда он заводил разговор о своих «самых последних экспериментах в музыкальной алхимии».

Между тем Эмму начало беспокоить состояние его здоровья. В 1909 году у Дебюсси появились симптомы заболевания, которое позднее приобрело форму злокачественного — рака прямой кишки. Пока

Получив развод, Дебюсси женился во второй раз. Клод и Эмма, наконец, смогли соединить свои судьбы. К этому времени у них уже родилась дочь, которую они ласково называли Шушу. Черпая творческие силы в кругу семьи, вдохновленный первыми шагами Шушу, Клод заново включился в работу. Кстати, сочинение музыки всегда было для него сродни магическому действию. Иногда он заводил разговор о своих «самых последних экспериментах в музыкальной алхимии»

Лайн. Теперь Клод работал гораздо меньше, чем прежде.

Увы, новое, ранее незнакомое ощущение достатка и независимости исчезло так же быстро, как и появилось. Дело в том, что алименты выплачивались Эмме лишь в течение нескольких месяцев, а затем ее бывший муж обжаловал решение суда, и в результате Дебюсси вновь оказался в тисках финансовых затруднений.

Сильные боли удавалось купировать умеренными дозами морфия и кокаина.

А 1911 году композитор работал над сочинением музыки к мистерии известного итальянского поэта д'Аннунцио на тему мученичества святого Себастьяна. Роль святого должна была исполнять известная танцовщица Ида Рубинштейн. Однако с постановкой возникли трудности. Парижский архиепископ объявил готовя-

щееся представление оскорбительным для христиан и запретил католикам посещать его. Этот вердикт был вызван в основном двумя причинами: отрицательным отношением церковных властей к творчеству д'Аннунцио и тем, что роль святого в мистерии должна была играть женщина, вдобавок, еврейка. Пьеса фактически провалилась. Большое количество билетов было сдано еще перед представлением. Но даже люди, заняв-

шие свои места в театре Шатле, вскоре стали покидать их, найдя сюжет и музыку чересчур мрачными.

Но это было не единственное разочарование композитора в эти годы. Дебюсси искренне восхищался гастролями в Париже труппы Русского балета под руководством Сергея Дягилева. Именно поэтому он согласился, чтобы ведущий танцор труппы Вацлав Нижинский выступил в качестве хореографа в постановке

«Послеполуденного отдыха фавна» и сам же станцевал главную партию в сезоне 1912 года. К сожалению, Нижинский оказался весьма посредственным хореографом. Критика была почти единодушна — постановка не удалась. Несмотря на первый неудачный опыт сотрудничества, Дягилев уговорил стесненного материальными обстоятельствами Дебюсси принять еще один заказ на балет с хореографией Нижинского. Так были написаны «Игры». Дебюсси с честью справился с поставленной перед ним задачей. Однако не очень удачные декорации и угловатая хореография отвлекали внимание публики от изящного музыкального сопровождения, поэтому отзывом на музыку было лишь сдержанное одобрение.

Дебюсси был теперь знаменит, но болезнь продолжала подтачивать его здоровье, а длительные поездки и частые выступления ради заработка отнюдь не способствовали выздоровлению. В конце 1913 года композитор побывал с концертами в России. Его двухнедельные гастрели имели большой успех. В Москве он увиделся с Софьей фон Мекк. Их встреча вышла довольно грустной. Чтобы как-то развеяться, Клод побродил по городу и в магазине Елисеева, «похожем на азиатский дворец», заказал посылку своей любимой черной икры для отправки во Францию.

В ноябре 1915 года во время медицинского осмотра доктора обнаружили у Дебюсси злокачественную опухоль, но скрыли это от него. В декабре ему была сделана операция,

которая удалась лишь частично. Ему назначили также лечение радием. Тем не менее, композитор продолжал работать и даже выступать с концертами. В том же году он перенес вторую операцию, но она лишь приостановила развитие болезни на несколько месяцев.

Во время суровой зимы 1917–1918 года — последней зимы Первой мировой войны, семья Дебюсси терпела лишения, как и многие другие. Композитор страдал от невыносимых болей. Вскоре недуг окончательно приковал его к постели. В это время немцы приближались к Парижу. Дальнобойные пушки «Большая Берта» обстреливали город. Снаряды взрывались и возле дома Дебюсси, но у него уже не было сил даже спуститься в бомбоубежище. Жена отказалась покидать его. Композитор скончался вечером 25 марта 1918 года во время очередного арт-обстрела.

Только несколько коллег-музыкантов, приехавших с фронта, смогли присутствовать на его похоронах, состоявшихся через три дня на кладбище Пер-Лашез. Там он был похоронен временно. Сам маэстро желал покоиться на кладбище Пасси, которое находил менее печальным, чем остальные. Перенос праха состоялся в 1919 году. В том же году от дифтерии умерла любимая дочь композитора Шушу. Эмма пережила мужа на шестнадцать лет и успела увидеть два пышных монумента, воздвигнутых в его честь в разных концах Парижа. □

Ирина Опимах Диего Веласкес

«Менины»

Эта картина, огромная (318 х 276 см), многофигурная, созданная в 1656 году, — самая знаменитая и, наверное, самая значительная из всего наследия Диего Веласкеса. Однако долгие годы ее никто, кроме членов королевской семьи, не видел, и публике она стала известна только в 1819 году, когда открылся Прадо и король передал картину в музей.

Не раз она могла погибнуть. В 1734 году в старом мадридском дворце Алькасаре, где она украшала кабинет короля, вспыхнул пожар. Тогда в огне сгорели более 500 шедевров живописи. Но «Менины» чудом уцелели!

Спустя два столетия Испанию накрыла Гражданская война, картина снова могла погибнуть, но и на сей раз судьба ее пощадила, сохранив для человечества.

Сегодня о «Менинах» существует огромная литература. Искусствоведы, историки искусства, каждый по-своему, пытаются разгадать загадки, проникнуть в тайны этого полотна, выдвигая самые разные трактовки. Уж слишком оказалось непросто это, на первый взгляд, простое творение великого испанца.

Диего Веласкес (1599–1660) родился в 1599 году в Севилье. В этом прекрасном и одном из самых богатых городов тогдашней Испании прошли его детство и юность. Здесь он учился, здесь, по сути, стал художником, освоив уроки замечательного живописца и теоретика искусства Франсиско Пачеко. Здесь, войдя в круг Пачеко, приобщился к мировой культуре. (Первый его биограф Антонио Паломино писал, что в молодые годы художник «взялся за изучение изящной словесности и в знании языков и философии превосходил многих людей своего времени».) Там же, в Севилье, Диего и женился — на дочери своего учителя Хуана Миранде. А уже в 1623-м он оказался в Мадриде, при дворе испанского короля.

Впервые Веласкес посетил столицу в 1622 году. Тогда ему удалось написать портрет известного поэта Луиса де Гонгоры. Портрет понравился многочисленным почитателям Гонгоры, и о молодом художнике загово-

рили мадридские вельможи, а вскоре могущественный царедворец герцог де Оливарес (тоже выходец из Севильи) уговорил своего патрона Филиппа IV позволить Веласкесу написать его портрет. Эта, к сожалению, не дошедшая до нас работа произвела столь приятное впечатление на короля, что он сразу предложил Диего стать придворным художником. Конечно, он принял это предложение. К тому же бывают такие предложения, от которых, даже если хочешь, отказаться нельзя...

Удивительное дело — между Филиппом, всемогущим королем огромной империи, и Веласкесом, молодым двадцатичетырехлетним художником, отнюдь не отличавшимся высокородностью и богатством, сложились довольно дружеские отношения. Филипп даже распорядился, чтобы впредь его портреты писал только Веласкес. Пачеко отмечал, что «великий монарх был удивительно щедр и благосклонен к Веласкесу. Мастерская художника

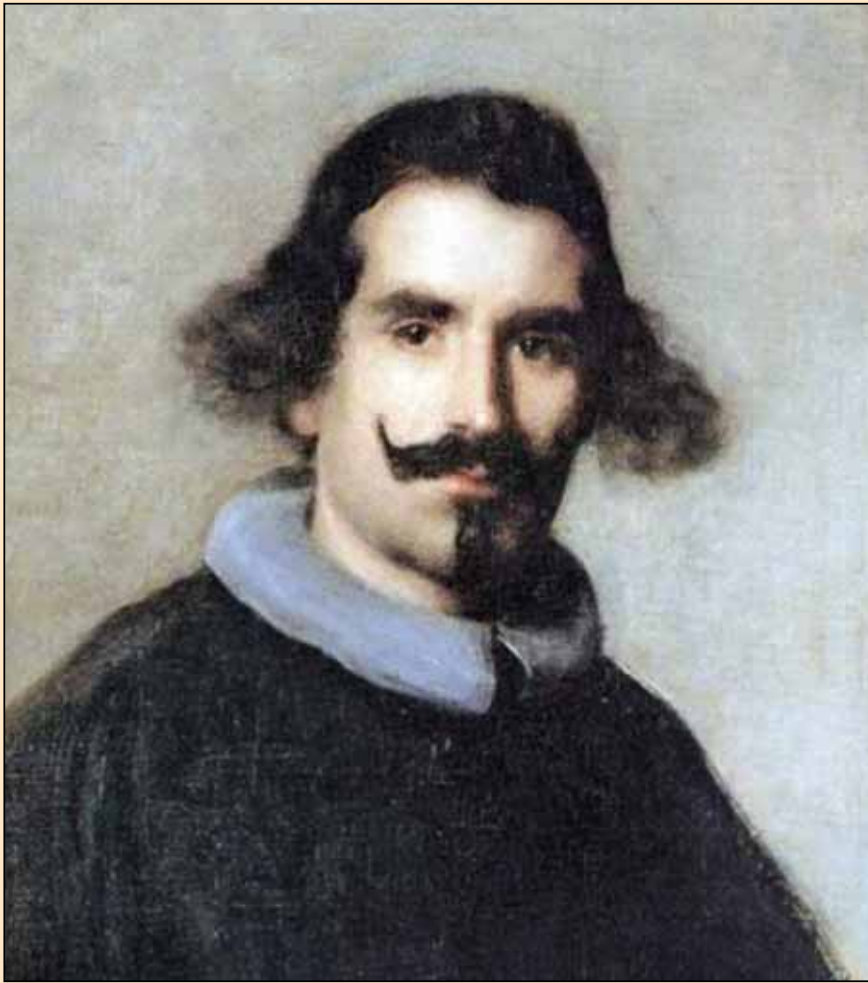

Король Испании Филипп IV и королева Марианна Австрийская

находилась в королевских апартаментах, и там было установлено кресло для Его Величества. Король, имевший у себя ключ от мастерской, приходил сюда почти каждый день, чтобы наблюдать за работой художника».

С тех пор жизнь Веласкеса была неразрывно связана с мадридским двором. Это был мир, где все происходило по раз и навсегда установленным правилам, где каждый знал свое место, где все было чопорно, строго и — ужасно скучно. Непре-

рывные балы, охоты, церемонии, празднества... Интриги и интрижки, тайны и пороки, истовость веры и страшные грехи... Все, и даже коронованные особы, жили в строго ограниченных рамках дозволенного Церковью. Служителям Господа удалось заполучить не только невероятные богатства, но и огромную власть. Все было подчинено вере. А если кто-то осмеливался нарушить установленные правила, на него тут же обрушивалась кара инквизиции. Испанская

*Автопортрет
Диего Веласкеса*

инквизиция, Святая служба... «Мертвящая среда», по точному определению замечательного советского искусствоведа В.Н. Лазарева, в которой удавалось сохранить себя, свою душу очень немногим. И среди этих немногих — великий испанский художник Диего Веласкес. Конечно, он подчинялся чопорному укладу жизни двора, выполнял все правила этикета, принимал участие в бесконечных церемониях, празднествах, охотничьих забавах. Исправно посещал церковные службы. И — работал.

Создавая портреты короля и членов его семейства, изображая его приближенных и его шутов, нищих и аристократов, художник писал портрет эпохи,

в которую ему довелось творить. «Веласкес дает нам представление о людях его времени...» — писал Пабло Пикассо. А время было действительно замечательным. Испания в XVII столетии переживала свой Золотой век, век блестящих свершений и в литературе, и в театре, и в живописи. Сервантес и Лопе де Вега, Кальдерон и Пачеко, Тирсо де Молина, Рибера и Сурбаран — все эти выдающиеся люди, оставившие след в мировой культуре, были современниками Веласкеса, а некоторые — его близкими друзьями.

В последнее десятилетие своей жизни он не раз писал портреты своей любимицы, очаровательной инфанты Маргариты. В 1656 году, когда Ве-

ласкес писал «Менины», у короля Филиппа не было наследников. Его сын умер, шла опасная война с Францией. И король решил объявить инфанту Маргариту наследницей престола.

Эта белокурая принцесса стала главной героиней и одной из последних крупных работ художника — знаменитых «Менин» (1656 г.) Это — настоящий шедевр. Тут все играет на решение главных задач, которые ставит перед собой художник, — совершенство колорита и удивительная композиция с использованием зеркала, расширяющего пространство полотна.

Итак, на картине — сценка из жизни королевского семейства. Тут собраны все герои, которых Веласкес писал многие годы своей службы при дворе: инфанта Маргарита, ее венценосные родители, придворные дамы, карлики-уродцы и даже собака, героиня охотничьих полотен. Действие происходит в мастерской Веласкеса в королевском дворце Алькасаре. Инфанта Маргарита стоит в окружении своих приближенных. Тут, рядом, ее подружки, менины (так называли молодых девушек-аристократок, обязанных прислуживать принцессе и всячески ее опекать). Одна из них, Мария Сармиенто, почтительно присев, подает ей на серебряном подносе кувшинчик с водой, а вторая, Исабель Веласко, устремив взгляд на королевскую чету (мы видим Филиппа IV и Марианну Австрийскую в зеркале, так художник расширяет пространство картины), делает реверанс. За Исабель стоят двое пожилых придворных — донья Марсела де Ульоа, охранительница дам ко-

ролевы (гварда-мухер) и дворянин, выполняющий функцию почетного эскорта, гвардадамас — Диего де Аскона. А в глубине комнаты, в дверях, стоит еще один придворный, дон Хосе Ньето де Веласке, возможно, родственник художника, апосентадор, гофмаршал королевы. Мальчик-карлик Николасито Пертусато ногой пытается растолкать уснувшую собаку. Рядом с ним стоит обожаемая Маргаритой карлица немка Мария Барбола. Она смотрит на короля и королеву, трогая украшение на груди — наверное, это украшение было ей подарено ее монаршими покровителями.

Веласкес показывает нам закрытую от посторонних глаз частную жизнь мадридского двора. Конечно, и тут все было регламентировано, но все-таки люди, даже облаченные огромной властью, остаются людьми, и им тоже не чужды маленькие и большие радости человеческих отношений — любовь, преданность, нежность. И недаром в центре картины — очаровательная инфанта Маргарита, любимица короля, которой он прочил большое будущее. Она — еще совсем маленькая девочка, но уже понимает, что она — принцесса, наследница трона, а потому Маргарита стоит, одетая в роскошное и вполне взрослое платье, так, как положено такой важной особе, — с прямой спинкой, гордо взирая на своих подданных. (Судьба Маргариты сложилась довольно трагически. Спустя 10 лет после написания «Менин» она вышла замуж за Леопольда I, императора Священной Римской империи, короля

*Придворный
карлик
с собакой*

Чехии и Венгрии. Однако ее правление продолжалось совсем недолго — с 1666 по 1673 год. Маргарита умерла совсем молодой, в возрасте 21 года!)

Кроме Маргариты, художник делает еще один акцент — на себе. Он — и это первый и последний раз в его жизни! — пишет автопортрет. И, конечно же, изображает себя у мольберта, с кистью в руке. Пишет себя среди царственных особ. Он — равный им, но при этом занимает особое место: — художник творит свой мир в искусстве, где он — главный, а они — лишь персонажи в поставленном им спектакле.

«Менины» — картина не только о частной жизни королевского семейства, она еще о том, как создается искусство, о том, что такое истинное творчество, умеющее в обыденности открыть и сохранить на века Красоту. Творчество, не зависимое ни от какой власти.

В 1652 году Веласкесу был пожалован чин маршала дворца. Звучит весьма пышно, но на деле оказалось, что на него возложили не очень-то почетные обязанности. Среди них, к примеру, каждодневное стояние позади королевского кресла, пока его величество принимает пищу. Кроме того, он

*Портрет
инфанты
Маргариты*

должен был следить за украшением королевских покоев, а еще заведовал устройством жилья придворных, отоплением дворца, следил, чтобы топлива было достаточно, руководил истопниками, трубочистами, а также был главным над уборщиками, мойщиками и подметальщиками, более того — в его ведении были дворцовые отхожие места. «На старости лет, — пишет автор книги о Веласкесе Александр Якимович, — гений Испании стал маршалом трубочистов и подметальщиков, начальником отхожих мест!» Странный чин, на наш современный взгляд, но он считался го-

раздо более почетным, чем звание художника короля. Ведь живописец — нечто вроде портного или столяра, в общем, ремесленник, человек, работающий руками. Но Веласкес, конечно же, знал себе цену. И понимал ценность искусства. Поэтому и изобразил себя на картине не маршалом, а Художником, Творцом. По сути, на картине именно он — главный! Да, он служит власти, служит королю, но делает это так, как считает нужным, не предавая своих принципов, своих представлений об искусстве и жизни. Вот почему он изобразил себя за мольбертом. Но вот какую

картину он пишет? Это — одна из загадок «Менин». Одни искусствоведы полагают, что Веласкес пишет портрет королевской четы, ведь они отражаются в зеркале и стоят перед глазами художника, другие — что портрет Маргариты. А некоторые ученые уверены — Веласкес пишет «Менины»!

Но нужно ли нам точно знать, какая картина стоит на мольберте? Если Веласкес сам нам этого не сказал, давайте оставим ему это право — не все договаривать до конца.

Летом 1660 года Веласкесу поручили участвовать в организации династического брака инфанты Марии-Терезии и Людовика XIV. Путешествие во Францию оказалось очень сложным для художника. В начале июля он писал другу: «Я вернулся в Мадрид уставшим от ночных переездов и дневных дел». Дело довершила лихорадка и обильные кровопускания, которые практиковала тогдашняя медицина. 6 августа 1660 года художника не стало.

Король очень переживал из-за ухода своего любимого художника, чьи творения многие годы украшали его жизнь. «Менины» Филипп IV особенно любил. Он повесил картину в своем личном кабинете и любовался ею каждый день. Дозволялось ее видеть только самым близким ему людям, тем, кто был вхож в его кабинет. Вот почему о существовании этого шедевра Веласкеса почти никто не знал.

И только в 1819 году, когда в Мадриде открылся Прадо, — дабы «показать миру значение и славу искусства испанского народа», — о «Менинах» стало известно широкой публике.

Эта картина сделала Веласкеса знаменитым во всем мире — спустя более 150 лет после его смерти. Сегодня она — одна из самых известных шедевров в коллекции музея, да и в мировом искусстве тоже.

«Менины» оказали огромное влияние на самых разных художников. Среди них — французы Гюстав Курбе и Эдуард Мане, а также американец Джеймс Эббот Уистлер и, конечно же, испанец Пабло Пикассо, сделавший целую серию, посвященную полотну великого испанского живописца. Спустя три столетия Пикассо создает свои «Менины» — он работает над циклом с августа по декабрь 1957 года на своей вилле на юге Франции. Результат грандиозный — 58 полотен разного размера, на которые художника вдохновил шедевр Веласкеса. Это и огромные монохромные работы, и небольшие цветные... Дерзко и смело переосмысливает Пикассо работы своего предшественника. Эксперимент, новаторство — все это как всегда присутствует в работе уже совсем немолодого, 76-летнего, художника. Но годы для него всегда мало что значили. И он словно соревнуется с Веласкесом, говорит с ним на языке живописи, но уже XX-го века, на языке искусства, пережившего ужасы Первой и Второй мировых войн.

А «Менины» великого испанца Диего Веласкеса продолжают свою жизнь, продолжают вдохновлять самых разных художников и задавать свои загадки ученым-искусствоведом и просто любителям живописи... □

Виктор Ом

Леонид Феоодор

Очень русский художник...

**...О, стонати Русской
земли, помянувшее
первую годину
и первых князей...»**

*«Слово
о полку Игореве»*

**«Самая возможность
появления гениальной
поэмы, возникшей
на заре нашего исто-
рического существо-
вания, есть факт,
утверждающий неис-
черпаемое богатство
народных творческих
сил, а самая поэма
эта является истинным
сокровищем и пред-
метом гордости рус-
ского народа»**

Дмитрий Лихачев

Фото
из архива
Леонида
Феодора

Леонид Феодор действительно очень русский художник!

... Впервые довелось так явственно увидеть в работах художника абсолютно смелое погружение в исторические пласты эпохи, фактически воссоздание давнего («древлего») мира. Но интересно иное — подсобным материалом для этой очень многотрудной работы были не только изо- и фотоматериалы, скульптурные экзерсисы, но и, естественно, — великие тексты...

У этого художника все озвучено шумами, пением птиц, бряцанием оружия и свистом стрел, рассекающих прану. Все выстроено и продумано почти математически точно, и это притом, что работа, по признанию его самого, реализуется почти всегда без точных форэскизов и подготовительных этюдов. Интуитивным подспорьем является прием импровизации, когда работа складывается, наполняется, ритмизируется гармонией цветовых музыкальных фраз, акцентов, аккордов и так далее... Эта изумительная особенность — самое главное, что сокрыто от «поверхностного» взгляда, и, именно это является недюжинной мощью изумительного таланта!

Долгое время русское искусство было подражательным и стремилось соответствовать европейским образцам. И только в начале 20-го столетия, с абсолютно неожиданным взрывным явлением русского авангарда, русские мастера стали уходить от канонических западных об-

разцов и всяческих «школ» изобразительного искусства и бросились на поиски своего истинного лица и своих форм, пытаясь своими выразительными средствами ответить на самые глубинные, фундаментальные вопросы бытия!

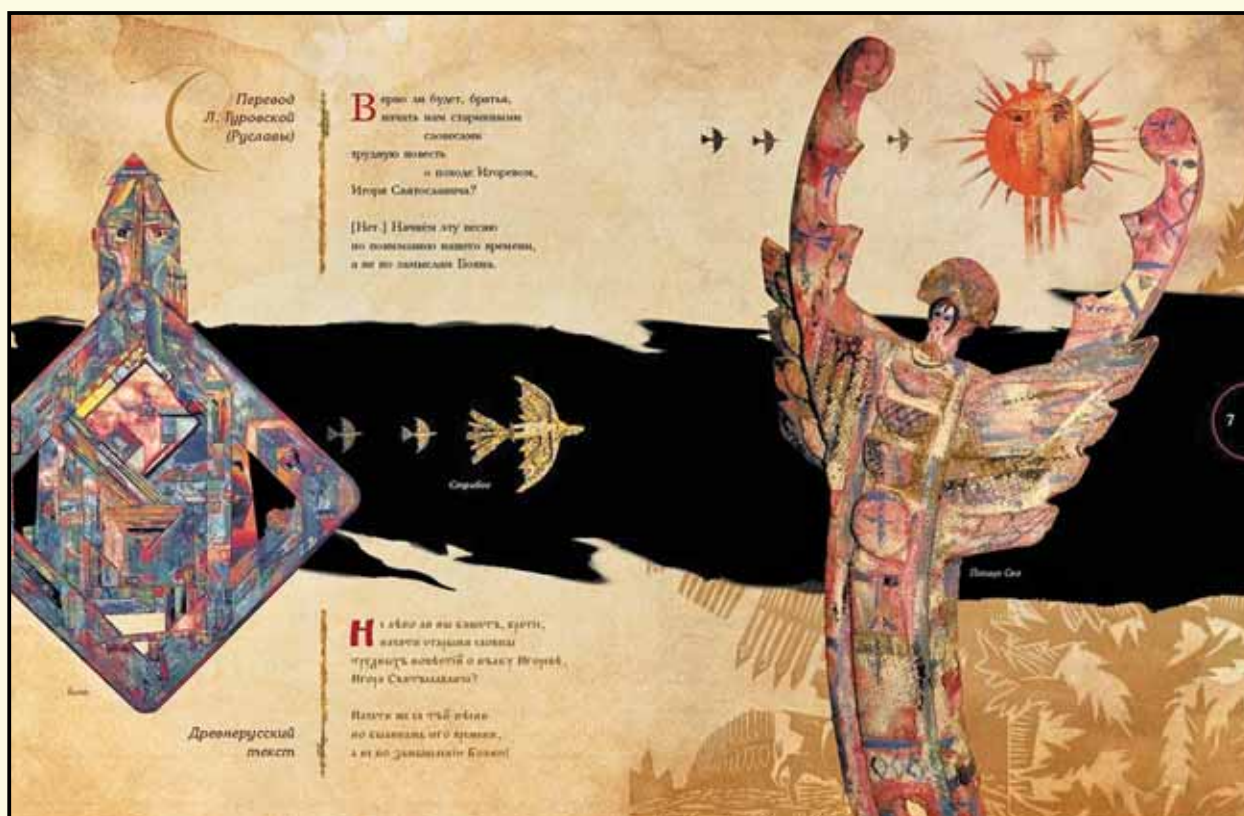
К таким мастерам относится и Леонид Александрович Феодор. Он — очень известный художник, но при

посещении каждой его выставки зрителя все равно ждут новые и неожиданные творческие открытия. Особенно изумляет ошеломляющая способность к импровизациям. А это — самая значительная и характерная черта современного искусства. Вариации, импровизации, многомерность смыслов и комбинаторика. Отсюда и стремление

к циклам работ, сериям, и... даже целым направлениям... Один из моих коллег после просмотра работ Феодора в Интернете, сказал, усмехнувшись: «Да тут, похоже, работал не один человек, а целый концерт. У него в груди реактивный двигатель — вместо сердца!» Я тоже изумляюсь и не понимаю, как удается это «невероятие» обычному с виду

Родился Леонид Александрович Феодор в городе Архангельске, на Русском Севере... Этот суровый край — родина величайшего русского гения Михаила Ломоносова, и не только. Край сильных, крепких и очень надежных людей, а еще, что очень важно, людей чистосердечных и сильных духом! Но в юности Леонид оказался на юге России, где

и вполне нормальному, улыбчивому человеку? Тут вспомнились слова американской писательницы Айн Рейнд: «В жизни нет ничего важнее, чем то, как ты делаешь свою работу. Это самое главное. И твоя сущность проявляется именно в этом. Такова единственная мера ценности человека». Добавить к этому нечего...

учился в ростовском художественном училище имени Грекова. Потом продолжил учебу в московском Полиграфическом институте. Поразительно, но, будучи студентом, он уже точно знал и свои устремления, и будущий творческий путь, так как к тому времени был захвачен шедевром древнерусской литературы, «Словом о полку Игореве».

Так еще в юности началась работа, которую мастер продолжает и сегодня и которая поглощает все его творческие устремления. Он целенаправленно продолжает эту титаническую работу! Как настоящий маг мгновенно погружает зрителя в ту эпоху Руси, когда было написано «ВЕЛИКОЕ СЛОВО»... Какое древнее, но какое живое, жизнедеятель-

но, так как она предназначена для визуального восприятия. В ней — сплав всех талантов мастера. Все его знания, умения и то, что выдано ему самой матушкой-природой, полнозвучно присутствуют в этой книжешедевре... Это не только художественное произведение — от обложки до глубинных смыслов, но и великий нравственно-этический пока-

ное «Слово о полку Игореве»! Захватывающее душу и сознание русского человека сказание о «седых преданиях старины глубокой», легендарное, почти вековое.

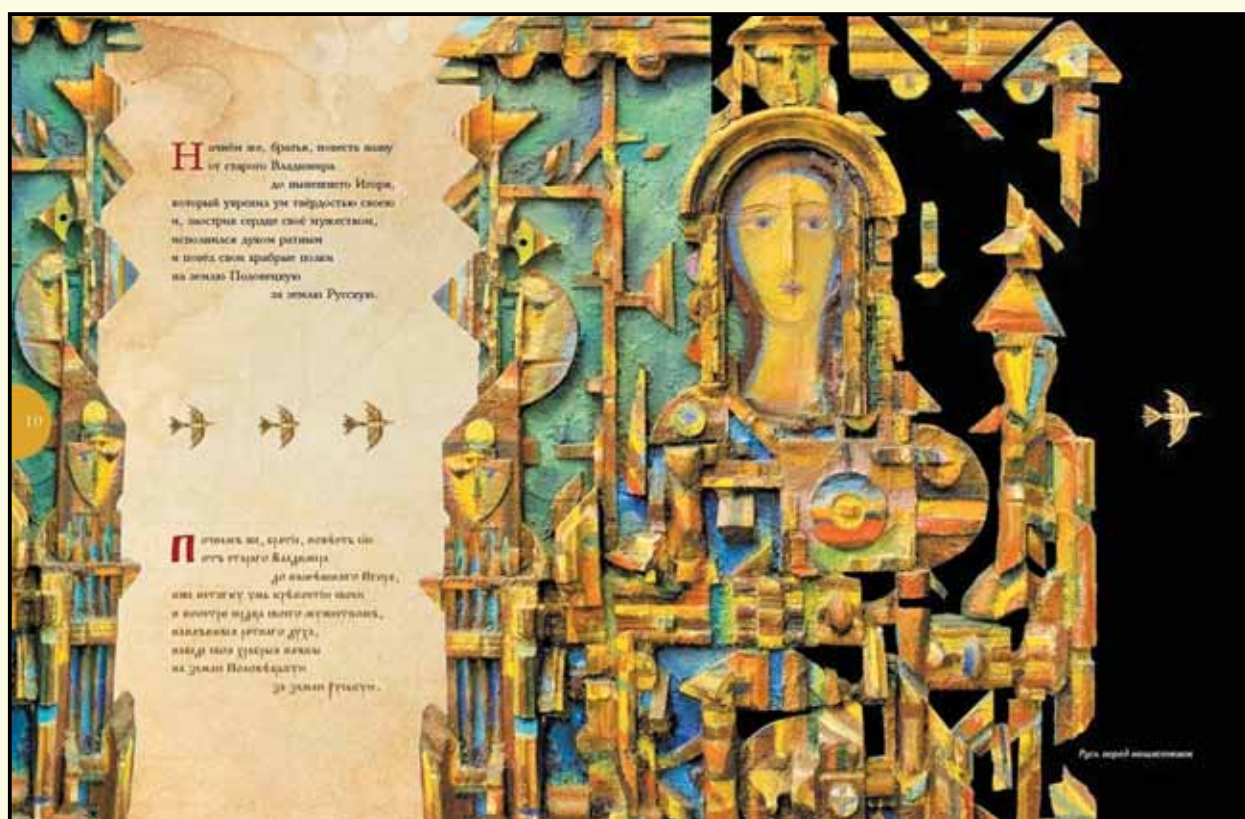
За сорок лет художник создал иллюстрации и выпустил три издания книги «Слова». Последнюю, третью книгу, выпущенную издательством «Русский мир», описать невозмож-

затель состояния умов и исторической памяти наших времен. И — посыл социального диагноза во времена грядущие... Именно это и выявляет в художнике качества мыслителя и философа, тонко понимающего глубинные исторические явления эпох и свое личное отношение к ним не только как художника, но и как гражданина своей страны.

Тогда еще молодому художнику потребовалась не просто смелость, а настоящая мужская и творческая дерзость, чтобы приняться за иллюстрации к «Слову» после выдающихся известных художников, коих не перечислить. И у Леонида хватило уверенности в себе, в своих поисках, чтобы приняться за эту казавшуюся совсем непосильной работу.

было немало открытий, огорчений после экспериментов и радостей удач. Для погружения в прошлые века требовалось очень много знать, чувствовать, понимать и уметь не «растекаться мыслию по древу», как предупреждал неведомый автор «Слова».

Тексты, образы героев, с их устремлениями, проблемами и борьбой,

Ведь одна «тень» фигуры выдающегося художника-графика Фаворского чего стоила! Каково было еще робкому студенту не подпасть под влияние такого мастера! Но Леонид уже знал — он и не станет состязаться с Фаворским, с его виртуозными и неповторимыми гравюрами, а пойдет своим путем! На этом долгом пути, охватившем десятилетия,

атмосфера седой древности, со своими условностями, очарованием и противоречиями, — все это захватывало молодого художника, принуждая его сопереживать, фантазировать и — творить, творить, творить!..

Пришлось много читать, доставать необходимые и редкие книги, много смотреть изоматериалов

с изображениями той далекой эпохи, изучать культуру Древней Руси — костюмы, архитектуру, и даже бытовую обстановку, в которой жили наши предки... Все это потребовало много времени, терпения, постоянных усилий, не только душевных, но и физических, так как нужно было всю свою жизнь «подчинить» этому « главному» делу. Как гово-

кажется, есть все известные выразительные средства и формы визуального искусства — и элементы ассамбляжа, и традиционная масляная живопись, и графические разработки, и очень активно используемые элементы коллажа. А еще рельефная пластика и папье-маше. За всем этим чувствуется очень эмоциональная образность и вы-

рит сам художник: «Моим желанием было вдохнуть в неживую материю жизнь». Говоря так, он имел в виду не только воскрешение образов героев и картин, но и оживление самих материалов, из которых Леонид собирал свои подобиа ассамбляжей. Поражает «палитра» материалов, из которых созданы эти потрясающие работы. Здесь,

разительность истинной народной игрушки, но содержательная наполненность ее — совсем иная...

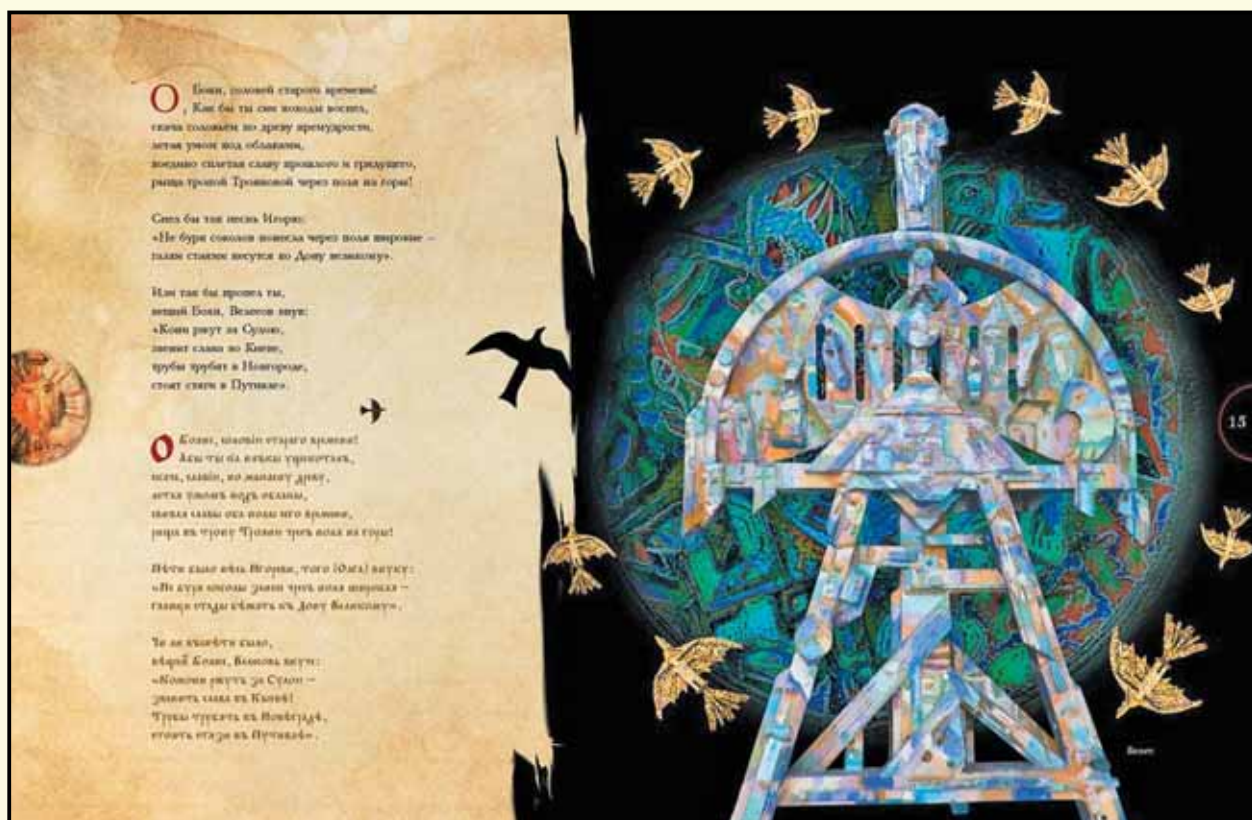
Я не стал что-то сочинять, чтобы прокомментировать созданное Леонидом Александровичем, а подумал, что правильнее будет дать слово мастеру. Мне осталось лишь разделить его пояснения на кратенькие монологи по темам. Что я и сделал:

МОНОЛОГ ПЕРВЫЙ

...Как «Слово» вошло в мою жизнь? В самом начале — извилистой тропинкой детства, между залитых потоками солнечных лучей пушистых головок одуванчиков. И будто бы даже совсем буднично... Потому что «Слово о полку Игореве» мы изучали еще в школе. Уже тогда я почувял

ную причуду, не знаю, как точней и адекватней...

Еще в младенчестве, года в два-три, мне вдруг стал сниться волк. Причем в незабываемом пейзаже. Это была будто бы документально снятая степь с катающимися сухими шарами перекасти-поля, курганами в серебристых ковылях и белыми от знойного солнца извилистыми

где-то в самых потаенных глубинах детского сознания что-то очень волнующее, родное и невыразимо-притягательное. Но разве я мог, тогда мальчишка, представить, что это — на всю жизнь? И что это — моя судьба?!

Но если уж быть документально точным, надо отметить одно необъяснимое обстоятельство... или стран-

колями степных шляхов-дорог... И все это тонуло в бескрайнем просторе степи, с серо-пыльным и будто слюдяным, плывущим от жары, бескрайним горизонтом... и в напевных мелодиях пахуче-травяных жарких южных ветров...

Событие это врезалось в мою память как незабываемое, а позже отразилось в творчестве. Сказоч-

ность, метафоричность, необычность явлений оказались близкими моей душе, но понимание этого пришло гораздо позже.

А вначале были завораживающе-притягательные образы почти сказочных героев — князь Игорь и Буй-Тур Всеволод, битва с половцами и плач Ярославны, мудрый князь Святослав, его сон и «золотое слово, со слезами смешанное». И, наконец, — возвращение из плена князя

Игоря! А еще фантастическое множество мифологических превращений: то в горностая, то в белого гоголя, то в волка, то в сокола, и вновь — в человека. Словом, это был захватывающе-благодатный материал для пытливого детского сознания, всегда восторженно открытого для

невероятных метаморфоз и чудес! Ведь это так перекликалось с русскими сказками. С Иваном-царевичем, Еленой Прекрасной, хитрющей и коварной Бабой-ягой, злодейски-беспощадным Кощеем Бессмертным и Серым Волком. Вот так получилось, что мои первые впечатления и первые изумления были связаны с чарующими сказками и захватывающими образами их героев...

МОНОЛОГ ВТОРОЙ

... Попробую высказать, какой мне видится композиция «Игоревой песни» с позиции художника, а не литератора или ученого-исследователя. Поэма эта всегда представлялась мне как монументальное произведение (не по размерам, конечно, а по своей смысловой и эмоциональной мощи).

Это скорее мозаика или фреска, состоящая из нескольких частей, больших и малых, но объединенных общей идеей, которая подобна незыблемо-мощному

стволу мифического дерева — дуба, разветвляющегося на три-четыре основные ветви. А они, в свою очередь, продолжают свое движение во всех направлениях: вверх — вниз, вправо — влево, вперед и вглубь.

Так и создатель поэмы, выстраивая ее содержание, ведет нас то по пространству, то по времени — «от старого Владимира до нынешнего Игоря». И все эти части подобны лоскутам (видится русское лоскутное одеяло) или мозаике, с маленькими кусочками смальты, из которой и выкладывается изумительно-прекрасное, сказочно-загадочное, величественное панно... Так же возможно говорить и о живописно-пространственном видении всей поэмы создателем «Слова»...

МОНОЛОГ ТРЕТИЙ

А дальше пришла юность и молодость — студенческие годы. Я учился в ростовском художественном училище имени Грекова, а затем в Московском полиграфическом институте.

Это время можно назвать постижением искусства, особенно древнерусской живописи, литературы и архитектуры. Изучение древнерусской культуры, ее открытие отражались на взглядах и задачах моего творчества. Очень многое дали поездки и путешествия по Руси — по родной архангельской земле, по средней по-

лосе России, по Дону, Кубани, Приазовью и Причерноморью.

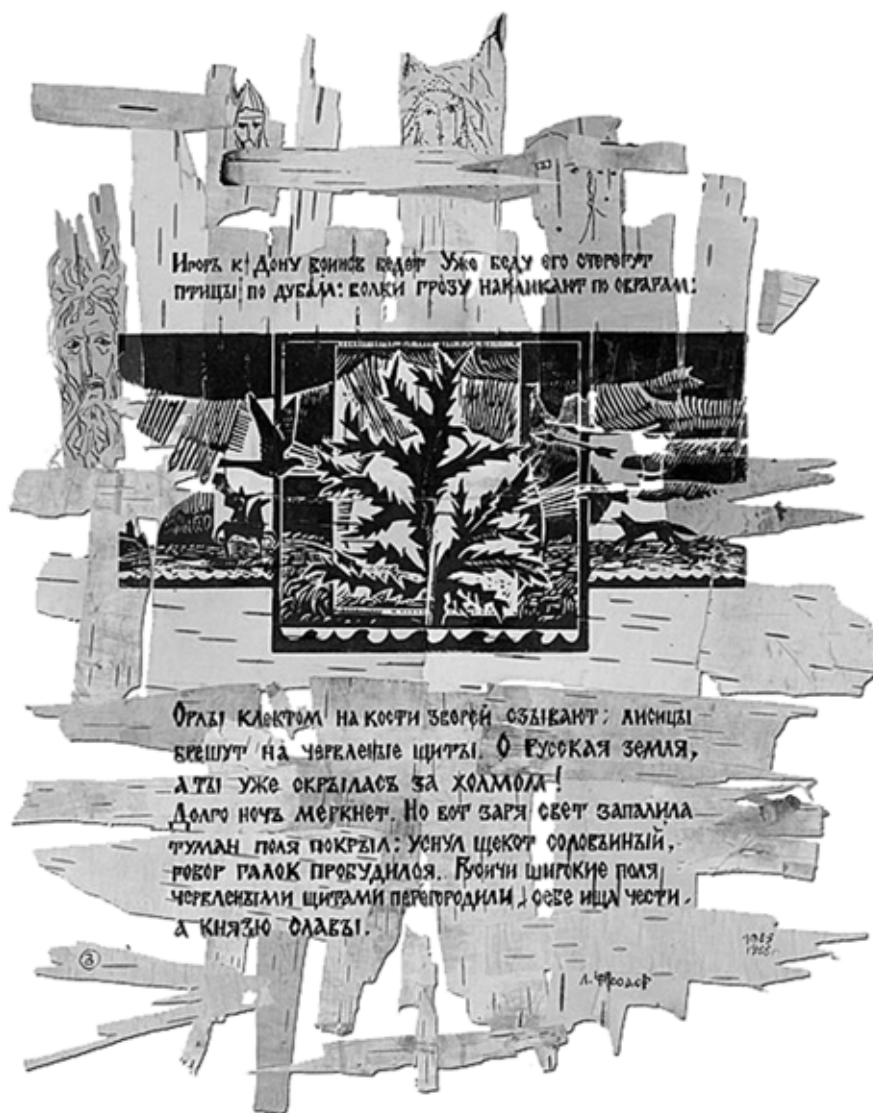
После этих путешествий появилось новое прочтение «Слова». В результате родился цикл гравюр, отпечатанных на предварительно выклеенных берестяных пластинах... В музее Великого Новгорода мне посчастливилось обнаружить русские письма на бересте. Можно представить, сколь благороден и прекрасен этот материал для письма. Мне довелось увидеть и почувствовать его теплоту, гибкость и доступность. Лучшего материала для письма в средней полосе России найти трудно. Особенно в те далекие времена, когда еще не было бумаги.

Все эти годы — студенческие и после завершения учебы в Полиграфе — неоднократные мои подходы к художественному воплощению образов «Слова», так или иначе, сталкивались с необходимостью использования цвета. Дважды я создавал цветные гравюры. В третий раз они были черно-белыми, отпечатанными на берестяных листах (пластинах), но благодаря охристо-золотистым, фиолетовым, коричневым оттенкам бересты они воспринимались как цветные. Будучи в душе живописцем, я не мог смириться с видением поэмы в черно-белом цвете.

Дальнейшая работа над «Словом» продолжилась в живописи, полихромном рельефе и полихромной деревянной скульптуре...

МОНОЛОГ ЧЕТВЕРТЫЙ

Этот этап получился наиболее длительным во времени, и, надеюсь, именно он и позволил мне подойти к самому ответственному и важному в визуально-образном предъявлении моего ви-

дения Игоревой песни, его героев, души и духа земли Русской.

В течение этих двенадцати лет (а это годы с 1988-го по 1999-й) передо мной разворачивалась панорама русской духовной культуры, существовавшей уже много веков и даже тысячелетий.

«Слово» и явилось для меня путеводной нитью в ту Русь — заветную, изначальную! Предо мной предстали герои легенд и сказаний древних славян — Сварог и Перун, Дажьбог и Лада, Стрибог и Велес, Карна и Желя и многие другие персонажи, явленные в «Слове».

Восстали из небытия незаслуженно забытые славянские, русские боги. Я открыл для себя, что они жили в народной памяти, скрываясь в орнаменте, символике, знаке и оставаясь в устной речи моего народа. Многие века они безымянно (или обретая новые имена) жили в русском народном искусстве.

Нить моей памяти потянулась к сакральным корням славянской традиции. Новые задачи и иное видение при иллюстрировании «Слова» пришли позднее. И это стало следующим этапом моего творчества. Для этого нужно было многое пережить, узнать, прочувствовать, осмыслить, открыть для

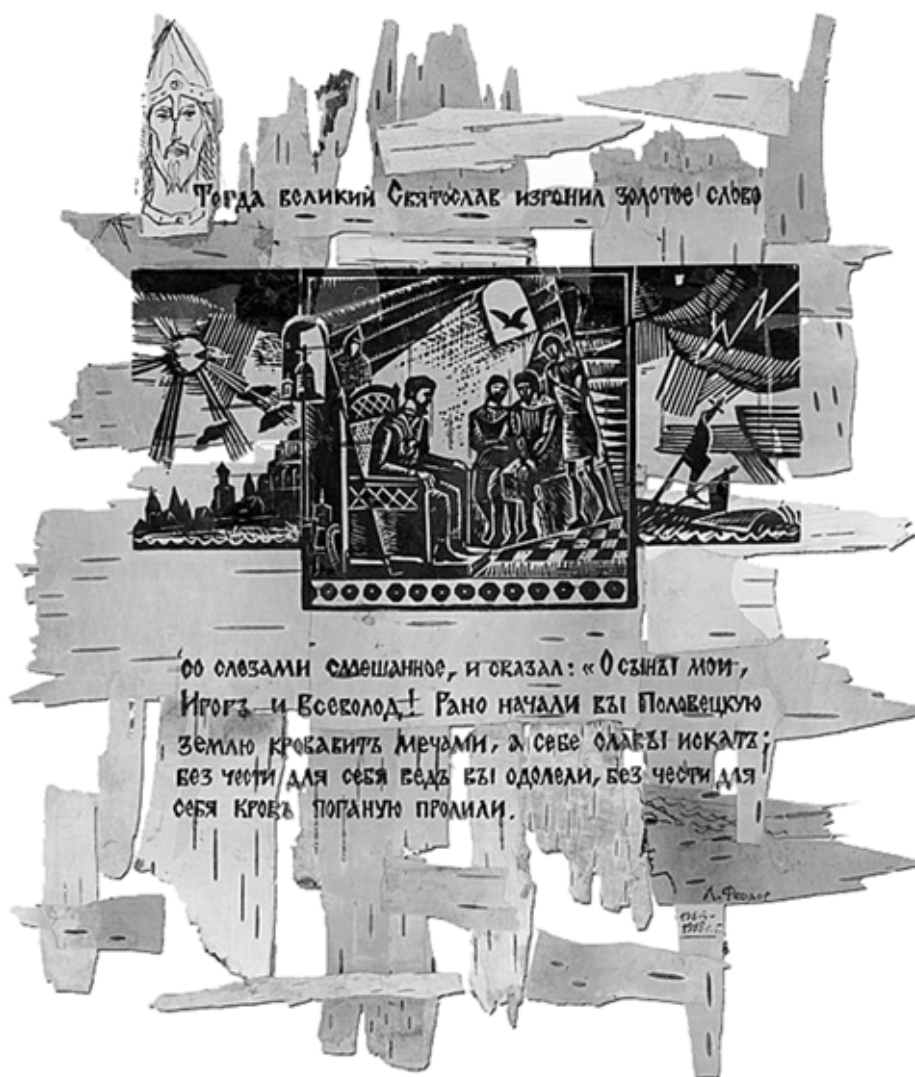
себя. Причем, чем бы я ни занимался, будь то живопись, графика, рельеф или скульптура, никогда образы героев поэмы не покидали меня. Что-то необъяснимое невидимыми нитями накрепко соединило меня с любимым произведением. «Игорева песнь», жила во мне, одухотворяла, и в результате рождались образы, совсем не похожие на то, что я делал ранее.

Трудно говорить о своем творчестве. Однако «Слово» создало меня как личность, как человека. Вместе с ним я рос и как художник-профессионал.

Поэма творила меня, а образы, сотворенные мной, воссоздавали поэму.

Несколько лет назад, в очередной раз перечитывая «Слово», я попробовал читать нараспев, как молитву, и древний текст произвел на меня неизгладимое впечатление. Вот оно, именно так и должно его читать! Песня — молитва-гимн-эпос.

В поэме кроется и наше настоящее. Однако, чтобы понять его, мы должны разобраться со своим прошлым. Мы в прошлом — это не только наши удачи и неудачи, радости и горести, и даже не столько наши отношения друг к другу, хотя и это очень важно. Мы в прошлом, в пер-

вую очередь, — это корневая система, а еще раньше — семя, из которого произросло древо российского этноса русской культуры.

Каким оно было? Какие основы были заложены для его духовного и физического роста?

Все это как человека и художника волновало меня, искало и находило выход в творчестве.

...Творчество Леонида Александровича Федора необходимо знать каждому русскому — как знаем мы Васнецова и Врубеля, Нестерова и Кустодиева, Рериха и Билибина, Фаворского и Сурикова, Глазунова и Клыкова, — ибо он с поразительной устремленностью, настойчивостью и упорством продолжает путь великой традиции русского национального искусства!

Но, как всегда, и наше время, к сожалению, не оказалось исключением. Идеи великой гуманистической традиции искусства сталкиваются с невероятным сопротивлением противоречивых течений и мнений. Отличительная черта пе-

реживаемого нами этапа — мощное, по всему фронту, наступление сатанизма на мировую христианскую культуру, в первую очередь, на культуру русскую, сохранившую живые православные корни.

Особенно это проявилось в последние годы... Тема русского самосознания, вообще, приняла характер социальной болезни. В наше время многие деятели искусства уклоняются от однозначного определения «русский художник».

Странно? Еще как — ведь это происходит в нашей же стране! Но, к сожалению, это факт!

А вот Леонид Федор смело и ответственно говорит о себе, как и должно: «Я — русский художник!»

В этом небольшом эссе я старался привлечь внимание читателя к творчеству блистательного художника Леонида Федора. Что и сделал... Но я не коснулся его очень значимой общественной и социально-

важной работы. Поэтому несколькими штрихами все же обозначу основные направления деятельности этого неумеренного человека!..

Он создал «Евразийский Художественный союз», который уже в полную мощь развернул свою деятельность. Выставочная деятельность «ЕХС» изумляет активностью и актуальностью, ярко выраженными современными подходами к этой многосложной работе.

А еще Леонид Александрович учредил «Музей русской культуры» — это тоже простое предприятие, требующее много сил, знаний и умений.

Леонид Александрович Федор — заслуженный художник РФ, заслуженный деятель искусств РФ, член-корреспондент Международной академии культуры и искусств, он награжден медалями Академии художеств России и имеет много иных наград.

Но все же главное, чем поглощен худож-

ник, где все его помыслы, устремления и желания — это, безусловно, творчество! Ему он отдает самое драгоценное, что есть у человека — время своей жизни!

Завершая рассказ о Леониде Федоре, мне показалось важным, и, главное, в тему, — напомнить слова православного духовного Учителя Иоанна Кронштадского:

«Перестали понимать русские люди, что такое Русь! Она есть подножие Престола Господня. Русский человек должен понять это и поблагодарить Бога за то, что он — русский».

Все творчество художника Леонида Александровича Федора — напоминание об этой истине. □

Письмо на дальнее пограничье

Здравия желаю, Алеша!

Мне часто вспоминается наша забытая богом погранзастава на острове, где под рев буранов мы промерзали с тобой до костей, как, отодрав от щек заледенелый воротник тулупа, согревались спиртом и горячим чаем. Как нескончаемая полярная ночь доводила нас до слепой ярости и безумия, и как мучались мы, пытаюсь уснуть во время слепящего короткого лета, исступленно отмахиваясь от гнуса. А еще хотелось видеть много человеческих лиц, грустных, веселых, злых — разных! А каким праздником было для нас появление вертолета с Большой земли! Помнишь, с каким нетерпением мы ждали отставку, чтобы послать эти вечные снега подальше и безвозвратно уехать к ласковому южному солнцу, поплескаться в теплом море. Я вот дождался, а тебе еще один год.

Теперь докладываю о том, как устроился на «гражданке». Я вернулся в родной город, живу пока с родителями. Первое время, бродя без цели по улицам почти забытого города, я после унылой ледяной пустыни был буквально оглушен и очарован высокими домами, яркими вывесками магазинов и городским шумом. Непривычно было видеть много людей, куда-то спешащих или же медленно прогуливающих. Честно сказать, некоторые смотрели на меня насмешливо. Видимо, в моем взгляде читалась та-

кая дурацкая восторженность вперемешку с пришибленностью, что на-верняка они считали меня завсегдаем особой больницы. Ну да бог им судья.

В какой-то момент вдруг пришло осознание, что я уже не «очарованный странник», а точно такой же горожанин, как и все. В тридцать пять лет, когда еще чувствуешь себя молодым и полным сил, да к тому же неженатым, стать домашним затворником я считал самоубийством. Нужна была работа или какое-либо занятие. Хотелось чего-нибудь эдакого значимого, ни в коем случае не рутинного. Но чего?!

Не раз ловил себя на мысли, что, к сожалению, всего понемногу, но толком ничего не умею делать. Пополнить армии частных охранных предприятий, куда стремятся многие отставники, претило, поскольку, привыкнув командовать, подчиняться каким-либо сосункам мне было бы унижительно. И тут в разговорах с родителями, со старыми друзьями детства неожиданно всплыло и оформилось: школа.

Во-первых, обучение детей — благородная и очень нужная работа, по крайней мере, мне так казалось, во-вторых, нет самодурства начальников, и, в-третьих, по различным причинам учителей в школах не хватает. А опыт воспитания у меня есть: бойцы на нашей заставе были те же дети, только чуточку старше. Правда, некоторые знакомые говорили, что нынешние школьники наглы, безграмотны, ценят прежде всего деньги и совершенно не воспитанны. Предостерегали меня, что я наплачусь с ними, но не убедили. А еще ведь витала и сокровенная мысль: в школе работает много женщин, мне, в конце концов, когда-нибудь надо же жениться!

Учительского опыта у меня не было, поэтому я решил, что не огромная городская, а небольшая сельская школа будет аккурат для меня.

Поездки за город меня не смущали — машину я купил. Выбирал школу очень просто: раскрыл карту области, взгляд мой замер на необычном названии села — Валим, и на следующий день я туда поехал.

В сосновом лесу, на некотором удалении от села, стояло красивое, с узорчатой кирпичной кладкой, одноэтажное здание. Дата «1881 год» была крупно высечена на его фронтоне, скорее всего, это бывшая усадьба помещика. Вокруг все спокойно и даже, можно сказать, как-то умиротворяюще. И внутри здания было уютно. Старинные печи в коридоре высились до потолка, их топки за ненадобностью были замурованы, а вдоль стен тянулись трубы центрального отопления. Они были прикрыты резными деревянными экранами. Я словно бы попал в оранжерею — так много было комнатных растений, здесь даже высокая пальма росла. Наконец в конце коридора увидел нужную табличку и, постучав в дверь, вошел в кабинет директора.

За столом, заваленном папками и разными бумагами, сидела строгая на вид пожилая женщина. Я коротко рассказал о причине своего появления.

— Очень рада, — мило улыбнулась она, — а то уж я испугалась, приняв вас за ревизора, нагрянувшего с внезапной проверкой. Но вам обязательно придется пройти курсы переподготовки. Сейчас все строго — на любой шаг должна быть бумага. Тяжелые времена наступили, — устало продолжила директор. — Посмотрите на мой стол: письма, уставы, приказы, приказы на приказ. Но самое главное — по каждой мелочи нужно сделать отчет и высчитать проценты. Нынче у нас просто какая-то болезненная любовь к статистике. А вот как вы думаете, — вдруг с хитринкой спросила она, — в чем же наше образование занимает первое место, далеко опередив другие страны?!

Я растеряно пожал плечами.

— Женщин, женщин работает в школах почти сто процентов! Не идут мужчины к нам. Поэтому я очень рада, что вы пополните наш коллектив. А еще вас хочу предупредить: не удивляйтесь, у нас работают несколько педагогов пенсионного возраста.

Признаться, я не совсем понял, что она имеет в виду, и недоуменно переспросил.

— Все очень просто, — ответила директор. — В мае мы проводили их на пенсию, а в сентябре, хотя обеим уже под восемьдесят, я уговорила вернуться — некому работать.

Вот такой у нас с ней состоялся разговор. Курсы переподготовки быстро прошли, и я стал учителем физики, химии, географии и физкультуры. Хотя думал, что буду вести только уроки труда, но с удивлением узнал, что нет их сейчас в школе, а есть уроки технологии, учащимся на станках и с инструментами работать нельзя, можно лишь вышивать крестиком, ноликом, беседовать и делать поделки. Честно говоря, видеть одиннадцатиклассников, усердно вылепляющих из пластилина топорных зверюшек, мне было смешно и горько. Не станут они поголовно скульпторами с мировым именем, а развивать мелкую моторику пальцев, как в детском саду, им уже, наверное, поздно. В школе сейчас учат мыслить управленчески, создавая различные проекты. Проблемный подход в образовании — слышится на каждом шагу. Раньше я думал, что, если нет дома хлеба, ты просто идешь в магазин и его покупаешь. Нет, все не так просто! Сформулировав проблему, нужно создать проект для решения этой задачи. А для этого обязательна подробная дорожная карта: сколько надо выделить денежных средств, как выбрать магазин, определить, сколько до него шагов, рассчитать время и, наконец, исследовать, зачем же нужен этот хлеб. Ты — руководитель проекта, управляющий, осталось только набрать штат

усердных исполнителей. Вот только где же найти солдат, если все генералы?! А это еще одна проблема, можно создавать новый проект.

Когда я сам учился в школе, у нас был очень дружный класс. Во многом это была заслуга нашего классного руководителя. Мы часто ходили в пешие походы, ночевали в палатках. Мне кажется, ничего так не сближает, как запах дыма, жар от костра на лице и волчий аппетит после пройденных по лесу километров пятнадцати с рюкзаками. Поэтому, став учителем, я задумал сводить свой класс в поход. Но едва подошел со своим предложением к директору, как та испуганно замахала руками:

— Вы что?! Сейчас совсем другие времена! Помимо письменного разрешения от родителей, необходимо получить еще не одну сотню разрешений и приказов и обязательно согласовать свой маршрут с полицией, ГО и ЧС и губернатором. А еще хочу вам сказать — не пойдут они в поход. Для них гораздо интереснее виртуальные походы и игры в кресле у компьютера, а комаров кормить и спать на голой земле — скажут, увольте.

В общем, я на свою затею махнул рукой. Да и как-то сразу не сложились у меня отношения с учениками. Первый урок, который я давал в школе, был урок географии в восьмом классе. Россия, какая она красивая и необъятная, разнообразная, суровая и ласковая, природа, пришлось очень кстати и мои впечатления о службе на Крайнем Севере. Я увлеченно, слегка волнуясь, рассказывал, не замечая ничего вокруг, словно глухарь на токовище. Но внезапно меня насторожила странная тишина, а, пройдя между рядами, я просто ужаснулся. Оказывается, мои ораторские потуги никому были не нужны, и все ученики развлекались на экранах своих телефонов. От такого унижения мое сердце вскипело злостью. Отобрав несколько телефонов, я пророкотал им о вежливости и об уважении, а также о том, что телефоны они могут забрать в учительской, только извинившись передо мной. Но получилось совсем по-другому: на перемене меня вызвала к себе директор.

— Нельзя же так! — кричала она. — Мы не имеем права отбирать у них никакие вещи! Мы оказываем образовательные услуги населению, мы обслуживающий персонал. И вообще, авторитарный метод преподавания — это давнее прошлое, а сейчас приветствуются равноправный диалог и партнерство. Это во Франции запретили телефоны на уроках, нам же можно только ненавязчиво уговаривать учеников не пользоваться ими. Так что верните немедленно!

В учительскую я шел, словно оплеванный. Там меня перед дверью уже ждали восьмиклассники. Они довольно ухмылялись, и на их лицах читалось злорадство. Наверное, тогда во мне впервые шевельнулся противный червь сомнения. Хотя считается, что сомнение — это первый шаг

к панике, ее у меня не было и в помине, были только недоумение и злость. И разочарование, что ошибался, сравнив школьников с солдатами. В армии обязательно беспрекословное подчинение, если нет, то — наряд, гауптвахта, дисбат. Здесь же... демократия, конвенция и полная безнаказанность. Неприятно было осознавать, что для нынешних учеников стало привычным делом повысить голос на учителя, да и вообще на взрослых. И еще наглое бравирование своими правами. Что это, пожинание плодов равноправия и партнерства?! Признаться, у меня, обалдевшего от такого, в диалоге-споре не раз возникало дикое желание отвесить наглецу — «партнеру» подзатыльник.

Очередной мой урок был в пятом классе, и ученики получили домашнее задание выучить параграф, две страницы текста. На следующий день ни один из них ничего вразумительного пересказать не смог. Правда, чувствовалось, что усердно учили, мучались, но безрезультатно, словно у них в головах не серые клеточки мозга, а чистый лист бумаги. Одна ученица, судя по оценкам в журнале, отличница, заявила мне:

— А зачем нам память?! Незачем загружать голову, сейчас всю информацию можно найти в Интернете, все равно мозг столько не запомнит. У нас сейчас внешняя память, жесткий диск.

На ее слова я даже не нашелся, что сказать. Взяло сомнение, может, я действительно старомодный человек и чего-то не понимаю.

На меня уже жаловались родители. Получилось так: в коридоре девятиклассники окружили пожилую учительницу литературы и оскорбительно требовали изменения своих оценок. Все это происходило бурно, на повышенных тонах, то и дело срываясь на крик. Растерявшаяся учительница, пытаясь вырваться из круга, поворачивалась на месте, но упиралась в перекошенные от гнева лица учеников. Я попробовал их пристыдить, но — как мертвому припарка, мне самому заодно досталось. Помнишь, Алеша, у нас на заставе служил боец Тамерлан, осетин? Я до сих пор помню его слова: «Если младшие кричат на пожилых, то это ревет осел». В сердцах я выплеснул на детей эти слова, и уже на следующий день мать одного из них пришла в школу жаловаться. Уборщица на нефтебазе, с каким-то нездоровым осунувшимся лицом, с припухшими веками, она вальяжно сидела на стуле, чопорно вытянув губы, — определенно пыталась выглядеть этаким аристократкой.

— Сын мой — сама скромность, — дрожащим, нарочито возмущенным голосом говорила женщина, — он даже от громких окриков чуть ли не падает в обморок, а вы его назвали ослом! Какое вы имеете право оскорблять моего сына?! Наше государство ратифицировало Конвенцию по правам ребенка, и теперь ребенок — самое главное в жизни!

— А он имеет право оскорблять пожилую учительницу? — спросил я.— Да и никого я не обзывал, просто привел известную кавказскую поговорку.

— Он — ребенок! Это его защита от несправедливости. Вы что, хотите, чтобы я пожаловалась в прокуратуру?!

Тут в наш разговор вмешалась директор. Я был неприятно удивлен, что голос ее вдруг стал каким-то елейным, извиняющимся, она заверила мамашу, что учитель обязательно будет наказан, но к нему, то есть ко мне, надо отнестись снисходительно, он бывший военный и медленно привыкает к обычной школе. А еще он извинится перед вами, добавила директор и выразительно взглянула на меня. Но извиняться я не стал, и в свою очередь бросил на нее осуждающий взгляд. Недавно я видел в магазине, как этот великовозрастный дитяtko яростно обкладывал матом молоденькую продавщицу, которая отказалась ему продать сигареты. Девчонка даже расплакалась от обиды. Но об этом я в учительской не сказал — все равно не поверили бы.

Как-то, придя в школу к третьему уроку, я, опешив, застыл у входа. В углу фойе лежали небрежно брошенные горшки с тропическими цветами, уже замерзшими на осеннем морозце. Коридор, который мне казался оранжереей, был пуст: ни одного растения.

От тревожного предчувствия сжалось сердце. За своим столом в учительской сидела, вся в слезах, наш биолог Светлана Сергеевна. Маленькая бойкая старушка, она ни секунды не сидела на месте, все время что-то пересаживала, поливала, подрезала.

— Что случилось? — с тревогой спросил я.

Она лишь махнула рукой. На следующей перемене мне обо всем рассказали уже другие учителя. Ученик одной из школ нашего района, прослышав о текиле, сделал кактусовую настойку на спирте. Очевидно, дома у него кактусы не росли, поэтому он украл один из школы. Последствия дегустации этого напитка были ужасны: в реанимации школьнику удалили чуть ли не половину желудка. Мать пострадавшего подала заявление в суд, обвинив школу в культивировании опасных растений и требуя денежной компенсации. А отдел образования панически разослал во все школы директиву убрать все имеющиеся растения. Каково?!

А через пару недель произошел еще один инцидент. В школу пришел приказ о проведении по всем предметам олимпиад. Я выбрал троих, и список с их именами подал завучу.

— Что это, — размахивая листом, воскликнула она. — И это все?!

— Все, — ответил я, — это лучшие. За них в районе точно не будет стыдно, да и профессором далеко не каждый становится. Например, в геологии самородки встречаются один на миллион.

— Я не знаю как там в геологии — один на миллион или один на миллиард, но в нашей школе по каждому предмету должно быть пятьдесят процентов самородков. Иначе наша альма-матер попадет в число школ с низким уровнем обучения, и вы первый же завоюете от нескончаемых проверок.

Мне осталось только козырнуть.

Затем пришел приказ о конкурсе исследовательских работ. Но ни в одном классе будущих кропотливых ученых не оказалось, в глазах учеников я видел только равнодушие и скуку и сказал об этом завучу.

— Вы думаете, что открываете Америку? — мрачно усмехнулась она. — Однако участие каждой школы обязательно, имейте в виду. Да, дети сейчас чересчур пассивны, но, вообще, вы собираетесь аттестоваться на первую категорию?!

Я, естественно, ответил утвердительно.

— Тогда делайте работу сами, как все учителя, а затем найдите ученика, который станет вашим спикером на итоговом выступлении. Без исследовательской работы баллы для аттестации вы не наберете.

Мне только и осталось, что снова козырнуть. Но, Алеша, какое исследование я мог провести, я что, работаю в научном институте?! Остается плагиат — я нашел в Интернете уже готовую исследовательскую работу. Сама по себе тема была интересной: сколько вырубается деревьев, чтобы мы в свои почтовые ящики получали рекламные проспекты и газеты. Период был взят — один месяц, а территория — все дома на одной улице. Я уже оформил работу, но вдруг сообразил, что в использованном материале указана городская улица, где многоквартирные пяти — девятиэтажные дома, а в Валиме ведь — сплошь одноэтажные избы. В упоении пересчитывал всю ночь, к чести моей, вышел не плагиат, но мое исследование никакое место не заняло. Ну и бог с ним.

С прокурорскими работниками мне все-таки познакомиться довелось. Один остопоп из моего класса угнал у своего соседа старенькую машину — захотелось ему покататься. На повороте машину занесло, попав в канаву, она перевернулась на бок. Из районной прокуратуры на мое имя пришло официальное письмо, очень витиевато написанное, с постоянными ссылками на законодательство, а основная мысль была следующая: как же я, классный руководитель, в половине третьего ночи не оказался рядом со своим воспитанником и не погрозил ему пальцем, что правонарушение совершать нельзя? Этот следователь вызывал меня на допрос. Это был совсем молоденький парень. С первого взгляда он мне не понравился, о таких говорят: молодой, да ранний.

— Вы же знаете, — начал он, когда я представился, — недавно вышел новый «Закон об образовании». Да, в старой редакции закона на первый план выдвигалось обучение — знания, умения, навыки, сейчас же самое главное в учебных учреждениях — воспитание. И педагоги обязаны воспитать достойных граждан. А как воспитываете вы своих учеников — угоняют машины! Вы обязаны проводить беседы, ходить по домам и наблюдать, чем живут ваши ученики. А это значит, что вы не меньше, чем родители, несете ответственность за своих воспитанников — каждую секунду, каждую минуту, каждые сутки. Вы это понимаете?!

— Получается, что ты можешь быть дурак дураком, но воспитанным! — съязвил я. — Надеюсь, вы не думаете, что я убеждаю своих учеников угонять машины?!

— Давайте не будем касаться философских вопросов. Мы действуем в рамках закона.

Честно говоря, Алеша, я так и не понял, почему на меня попытались повесить кражу, мне пришлось присутствовать на суде, понервничать, написать множество бумаг и вымучить объяснительную.

На перемене один из учеников моего класса, случайно провернув точилку для карандашей, рассыпал накопленную стружку на пол. Он поднялся из-за парты, и я подумал, было, что сейчас он возьмет за шкафом веник и совок, но тот вальяжно подошел к однокласснице и что-то, смеясь, показал ей на своем планшете. Я с укором заметил ему, что за собой надо убрать. В ответ, причем с ощущением своей правоты, мне было нагло заявлено, что по закону в школе ученики работать не должны. Я вспылil, гневно выкрикнул что-то, но он, пренебрежительно взглянув на меня, словно я пустое место, нарочито отвернулся и продолжал разговаривать с одноклассницей. Уже взбешенный до крайности, почти не контролируя себя, я готов был схватить его за шкуру и потыкать носом в мусор, как нашкодившего щенка, но меня спас прозвеневший звонок и вошедшая в класс учительница русского языка. С округлившимися от ужаса глазами, она обхватила мои руки и легонько вытолкнула меня из кабинета.

К счастью, у меня был перерыв между уроками, и я яростно плюхнулся за свой стол в учительской. За соседним столом Анна Сергеевна, наш математик, проверяла тетради. Она была из тех, о ком директор сказала при первой встрече, что в нашем коллективе есть педагоги пенсионного возраста. Казалось бы, маленькая, сухонькая, с короткой седой стрижкой, дунь на нее — упадет, и голосом говорит тихим и глухим, но по утрам даже самые буйные двоешники, скорчившись в туалете, используя в качестве парты крышку унитаза, обязательно списывали не сделанное домашнее задание. Почему-то все ее боялись как огня. На уроке у нее была полная

тишина, а, отвечая у доски, иные начинали мямлить и заикаться. Но что самое интересное, кличка у Анны Сергеевны была не обидная: «Бабушка». К примеру, я в шепоте за своей спиной нередко слышал оскорбительное: «Пустозвон». Чем «Бабушка» брала, мне, капитану запаса, было совершенно непонятно.

— Вы чем-то расстроены? — поверх очков пронзительно взглянула на меня Анна Сергеевна. Взгляд ее был тяжелый и неприятный, словно парализующий взор огромного удава. Я коротко рассказал, что произошло, к стыду моему, это прозвучало скорее жалобой на свое бессилие. А еще посетовал, что растет дикое, бездушное поколение, и под конец добавил: — Мы в школе были совсем другими.

— Вы были точно такими же, — усмехнувшись уголком рта, произнесла Анна Сергеевна. — Поверьте мне, я уже полвека работаю в школе. Для старших поколений всегда младшие кажутся наглыми, упрямыми и невоспитанными. Но все это — просто несколько болезненный юношеский максимализм. Я взрослый, я самостоятельный, я все могу! Вы, мужчины, иногда помогаете женщинам в поездах или автобусах поставить на багажную полку тяжелую сумку. Наши женщины вам скажут спасибо и подумают, какой воспитанный молодой человек. А попробуйте в Финляндии так же помочь женщине, так финка оскорбится, обзовет вас наглецом, и хорошо, если не побежит в полицию. Во многом все это условность. А воспитание в моем понимании — это прописные библейские истины. Не делать другим то, чего не хочется, чтобы сделали тебе. А этого насильно внушить нельзя, только сам ребенок должен осознать, что в жизни хорошо, а чего совершенно делать нельзя. Обычно понимание приходит только с возрастом. Бывает, некоторые не осознают этого никогда. И страшно порой становится, когда видишь, что с каждым годом процент этих никогда не осознающих катастрофически растет. Мягким невнятным убеждениям они не верят. Здесь личный пример поведения нужен, а что наши дети видят?! У мамы три ребенка, и все трое — от разных пап. Сейчас живут со вторым, но отчим запил, бросил работу, каждый вечер в доме невыносимые скандалы. Наконец мама выгнала отчима, и в семью вдруг возвращается первый папа, но ненадолго — тоже пьет и скандалит. Наступает очередь третьего папы, но дня через три они уже одни. Однако через время круговорот пап снова вернется. Мама постоянно сетует, что семейная жизнь не сложилась, завидует той или другой знакомой. А еще высказывает мысли, что, мол, моим бедным детям все должны, они не хуже других, надо только настойчиво и нагло требовать свое, ведь умные люди не случайно давно заметили, что наглость — второе счастье. Не уступать, не слушать никого, все равно вам ничего не сделают. Лишь бы было хорошо мне, для

этого надо срубить много денег и поплевывать на остальных с высокой колокольни. А все плохое, как губкой, гораздо быстрее впитывается детьми, чем душевное или совестливое, — это проще.

У меня есть соседка, двое ее детей учатся в нашей школе. С ними живет ее безработная престарелая мать. Соседка на нее постоянно орет, относится пренебрежительно, чуть ли не с ненавистью, мол, зажила, старая, недержание, стирай тут за тобой. А теперь она обижается, что дети, повзрослев, тоже на нее начали кричать и ни в грош не ставят. Но как же ей хочется, чтобы дети относились к ней уважительно. Что за дикость считать, что мне так можно себя вести, а дети будут другими. Не будут они другими!

В общем, у нас осознали, что на родителей надеяться бесполезно, но что-то ведь нужно делать. И придумали — все повесить на школу. Если вспомнить из истории, самой успешной политикой была политика кнута и пряника. Сейчас воспитание односторонне — только пряником, никаких ограничений. Воспитывать надо, с этим никто не спорит, но кто-нибудь знает вообще, как это делать не на бумаге?! А пока мы можем только высчитывать. Абсурд: уже воспитанность меряем процентами! Один услужлив, вежлив, умница, а другой связно ничего сказать не может, разговаривает только на матерном, шарит по карманам в раздевалке... Но после математических действий по пресловутой статистике — это средний уровень, пятьдесят процентов. Норма — так мы себя успокаиваем.

Высказавшись, Анна Сергеевна снова начала проверять тетради. Расстроенный, я понуро сидел за столом. В голове роились мрачные мысли. И было обидно, что мое желание учить, мои силы, мои знания оказались какими-то старомодными и бесцельными. А осознавать свою ненужность и невозможность что-либо изменить тяжело, Алеша. В тот же день я уволился из школы.

Теперь сижу у входа в контору средней руки, выписываю пропуска, заполняю журнал, часто пью чай и ни о чем не думаю. Что же поделать, если нынче работа охранника наиболее востребована... □

Валерия
Быкова

МИЛЛИАРДЕР ЗА ШТУРВАЛОМ

Человек этот, казалось, был соткан из противоречий. Отважный летчик, с рекордной скоростью облетевший вокруг земного шара. Талантливый конструктор, построивший и поднявший в воздух самый большой в истории авиации гидросамолет. Его деловой хватке удивлялись выдавшие виды продюсеры Голливуда, где он снял несколько фильмов, признанных классикой жанра, и воротилы военно-промышленного комплекса. Ведь именно им созданная «Хьюз Эйркрафт Компани» первой в мире начала производство спутников связи.

И его же называли «чокнутым миллиардером». А как еще прикажете называть человека, испытывавшего такой патологический ужас перед микробами и бактериями, что он добровольно превратил себя в настоящего отшельника, ограничив круг общения горсткой преданных людей?

Интерес к этой удивительной личности не угас и в наши дни. Свидетельство тому — фильм Мартина Скорцезе «Авиатор», главную роль в котором сыграл Леонардо ДиКаприо.

Ховард Хьюз появился на свет 24 декабря 1905 года в Хьюстоне, штат Техас. Его отец заработал миллионное состояние, предложив нефтяникам оригинальную буровую головку собственной конструкции со ста шестьюдесятью шестью режущими кромками. Ховард в полной мере унаследовал интерес и способности отца к технике. В три года он обращался с подаренной ему фотокамерой, как заправский профессионал, а несколько лет спустя собрал свой первый радиоприемник. К сожалению, от своей матери, светской красавицы, блиставшей в салонах Хьюстона, он унаследовал не только ее обаяние и привлекательность, но и многочисленные фобии, прежде всего, панический страх перед различными болезнетворными микробами.

Отец хотел дать Ховарду хорошее образование и переводил его из одной школы в другую. В общей сложности их было семь. Мальчик предпочитал точные науки, в остальных не особо блистал. Он посещал и модные вечеринки, но спортивные машины, на которых приезжали туда наследницы богатых семей, привлекали его гораздо больше, чем сами девушки.

И все-таки настоящая страсть в то время в его жизни уже была. Ховарду исполнилось пятнадцать, когда однажды на каникулах, увидев летящий гидроплан, он упросил отца купить ему билет, чтобы прокатиться на крылатой машине. Тот день изменил его жизнь. Отныне он мечтал только о полетах. В тайне от родителей юноша начал брать уроки летного мастерства у одного из хьюстонских пилотов,

позднее, уже в Калифорнии, прошел курс обучения последовательно в трех авиашколах.

Потеряв скоропостижно скончавшихся друг за другом родителей, Ховард в двадцать лет стал обладателем состояния в несколько миллионов долларов. И, возможно, чтобы доказать самому себе, что он действительно уже взрослый, самостоятельный человек, Ховард решил... жениться. Избранницей его была Элла Райс, наследница одного из самых уважаемых семейство Хьюстона. Брак этот, увы, оказался неудачным. Вскоре выяснилось, что радости семейной жизни не очень привлекают молодого человека, полного честолюбивых замыслов. Оставив жену в Хьюстоне, Ховард отправился в Голливуд.

Первые же фильмы принесли ему известность и неплохой доход, а его комедия «Два арабских воина» получила в 1927 году «Оскара». В то время в Голливуде в моду входили фильмы о летчиках. И кому, как не Хьюзу, под силу создать настоящий блокбастер на эту тему? Он сам написал сценарий и приступил к съемке ленты «Ангелы Ада». Этот фильм обошелся ему почти в четыре миллиона долларов, деньги неслыханные для Голливуда тех дней. В меньшую сумму молодой амбициозный продюсер уложиться не мог. Он построил два небольших аэродрома и приобрел или арендовал 87 истребителей и бомбардировщиков времен Первой мировой войны. Во время съемок трое летчиков погибли, несколько серьезно пострадали. Сам Ховард, разумеется, не смог

Первая жена Элла Райс

удержаться, чтобы не подняться в воздух. Ему не повезло. Самолет-разведчик фирмы «Thomas Morse» на высоте 120 метров вошел в штопор и врезался в землю. У потерявшего сознание Хьюза была раздроблена скула. С неделю он провалялся в госпитале, где ему «заштопали» щеку.

Съемки «Ангелов Ада» еще не завершились, когда осенью 1928 года Ховард развелся с Эллой. По-видимому, горечи по поводу расставания не испытывал ни один из супругов. Уж, во всяком случае, не он.

Фильм имел огромный успех в Штатах и Европе, и Хьюз заработал гораздо больше, чем вложил в его производство. В Голливуде за ним довольно быстро укрепилась репутация покорителя женских сердец. Темноволосый красавец, ростом за метр девяносто, он не жалел денег на понравившихся ему молодых актрис — дарил им драгоценности, преподносил роскошные букеты, водил в самые дорогие рестораны. Он не принимал от-

казов и, в конце концов, всегда добивался взаимности. Как правило, эти романы длились не очень долго. Но были и исключения. Его любовь и дружба с Кэтрин Хэпберн продолжались несколько лет. Получившей хорошее образование и воспитание, обладавшей незаурядным умом и поразительным талантом, мисс Хэпберн предстояло сделать в Голливуде поистине блестящую карьеру. За всю историю Голливуда всего несколько актрис были удостоены трех «Оскаров», и Кэтрин Хэпберн была в их числе.

Хьюз обучал молодую актрису летному делу. Он даже приобрел неподалеку от дома ее родителей в Коннектикуте участок на побережье и оборудовал там взлетно-посадочную полосу. Их роман продолжался до 1939 года, когда их пути разошлись.

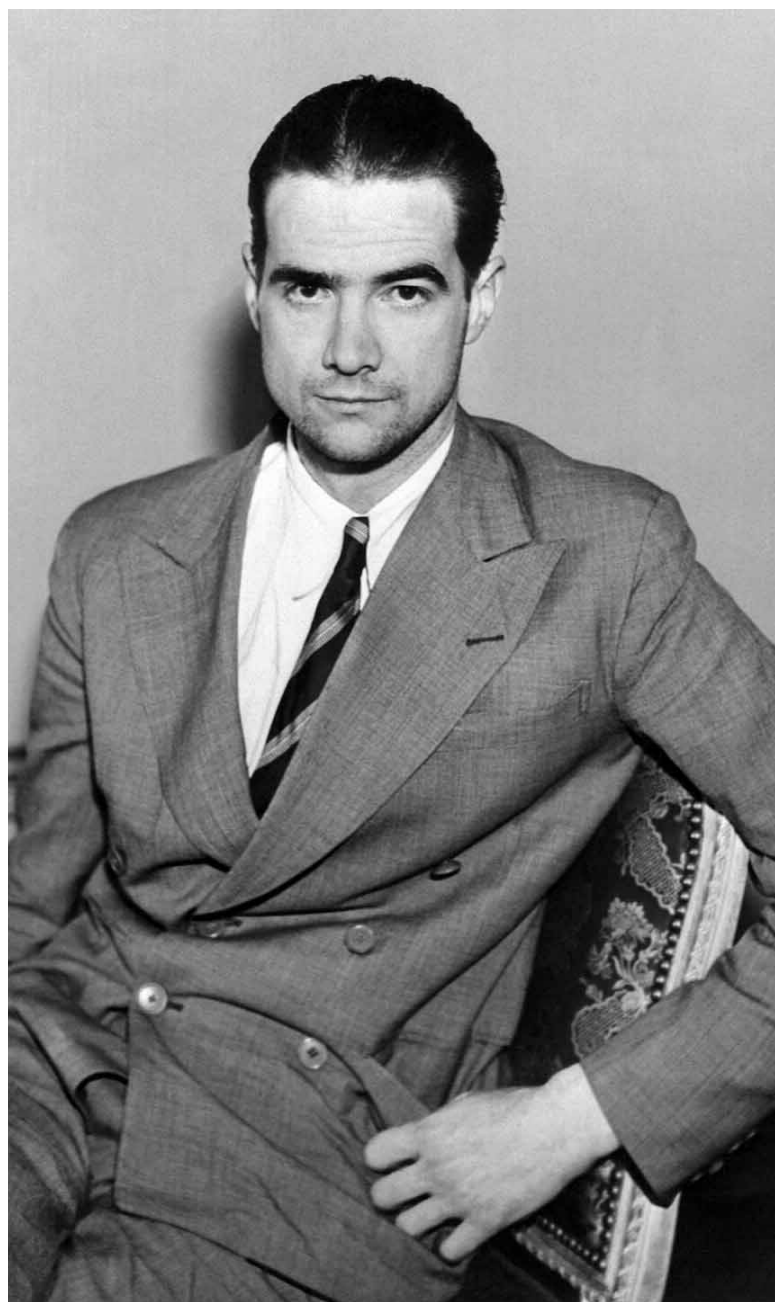
Немного позднее Хьюз увлекся совсем еще молодой Оливией ДеХэвиленд, которая вскоре вместе с Вивьен Ли и Кларком Гейблом снялась в фильме «Унесенные ветром». Там она блестяще исполнила роль Мелани.

Однако ни лавры успешного голливудского продюсера, ни романы с самыми очаровательными актрисами Голливуда не могли заставить Ховарда забыть юношеские мечты. Если быть, то быть лучшим. Мир теперь хорошо знал удачливого продюсера Хьюза, но кто слышал о Хьюзетчике, и разве справедливо, что в таблице высших авиационных достижений до сих пор нет его фамилии? Полтора года у него ушло на то, чтобы исправить эту «несправедли-

вость». В обстановке строжайшей секретности группа инженеров и техников под его руководством начала работать над созданием самого быстрого самолета в мире. Машина получила название «Н-1 (Хьюз-Один). Ховард отнюдь не был выдающимся авиационным конструктором, но он, как никто другой, умел отбирать все лучшее, что можно было использовать в его проекте. Именно на этой необычайно изящной машине с тысячесильным мотором воздушного охлаждения Пратта и Уитни Хьюз 12 сентября 1935 года побил мировой рекорд скорости, принадлежавший французу Дельмотту. Новое достижение равнялось 567,23 км/ч. На модифицированной модели этого же моноплана он в январе 1937 года пересек североамериканский континент с рекордным временем — 7 часов 28 минут, и был официально признан лучшим летчиком Соединенных Штатов.

Но Ховард уже не мог остановиться. Теперь на очереди был полет вокруг земного шара. Скрытый, как всегда, он заявил журналистам, что хочет лишь улучшить время Чарльза Линдберга, совершившего перелет Нью-Йорк—Париж в 1927 году, однако оснащение его «Локхида-14» свидетельствовало о гораздо более серьезных намерениях. Последняя модель двухмоторного пассажирского самолета этой компании была основательно усовершенствована специалистами из «Хьюз Эйркрафт Компани». На моноплане были установлены два мощных двигателя, по 1200 лошадиных сил каждый. Самолет был

оснащен самыми современными по тем временам средствами контроля за работой всех систем, в том числе и автопилотом, способным вести машину заданным курсом в течение многих часов. Три отдельных радиопередатчика должны были обеспечить надежную связь. Вес «Локхида», включая дополнительные баки с горючим и маслом, составлял почти 13 тонн. Самолет был так тяжел, что ком-

пании Гудрич пришлось сконструировать для него специальные шины. В экипаж, кроме Хьюза, входили еще четверо опытных летчиков. Список снаряжения команды включал две сотни наименований. Хьюз не забыл даже охотничьи винтовки и рыболовные снасти в случае, если пришлось бы совершить аварийную посадку в безлюдных районах Сибири. Все свободное пространство самолета было заполнено ... шариками для пинг-понга. Их было несколько тысяч, они должны были улучшить плавучесть «Локхида» в случае вынужденного приводнения. За несколько минут до

отлета жена второго пилота Гарри Коннора, проскользнув через полицейский кордон, подбежала к самолету и прилепила к хвосту машины пластинку жвачки «на счастье».

Через 16 часов 38 минут «Локхид-14» совершил посадку на аэродроме Ле Бурже в Париже. Чтобы пересечь Атлантику, Хьюзу потребовалось в два раза меньше времени, чем Линдбергу. Но Париж был лишь первой остановкой в путешествии вокруг «шарика». Следующим пунктом стала Москва. В столице СССР Хьюза ждала теплая встреча. Особенно сердечно приветствовала его тройка советских летчиков — Громов, Юмашев и Байдуков, — незадолго до этого совершивших рекордный перелет в Штаты через Северный полюс. Хьюзу была преподнесена огромная банка икры. Он, однако, отказался от этого щедрого дара, но согласился взять несколько бутылок минеральной воды. Следующие две посадки на территории СССР были произведены в Омске и Якутске. Затем последовал двенадцатичасовой перелет до Фэрбанкса (Аляска), а 14 июля 1938 года в половине третьего дня «Локхид» приземлился в нью-йоркском аэропорту. Рекордный полет продолжался 91 час 14 минут. Все это время за штурвалом самолета безотлучно находился сам Хьюз.

Со времени полета Линдберга Нью-Йорк не знал такого столпотворения. На улицы вышло более одного миллиона человек. Департамент уборки города с гордостью заявил, что установлен еще один рекорд — с улиц Нью-Йорка было убрано 1800 тонн конфет-

ти, сброшенных с крыш небоскребов, на двести тонн больше, чем во время встречи Линдберга.

Невиданный триумф никак не повлиял на привычки и образ жизни Хьюза. Он, как и прежде, чрезвычайно мало внимания уделял заботам о своем внешнем виде. Дело доходило до курьезов. Несколько раз его задерживала полиция, когда он, разложив на скамейке в парке пакет молока и пару сэндвичей, собирался перекусить. Ситуация осложнялась тем, что Хьюз практически никогда не имел при себе денег и документов. «Ваше имя?» — как-то спросил его один из блюстителей порядка.

«Ховард Хьюз», — ответил миллионер, в своем поношенном, мятом костюме и теннисных туфлях на босу ногу больше похожий на обитателя ночлежки. «Ну, тогда, мое — Иосиф Сталин», — расхохотался полицейский.

В 1939 году Хьюз стал владельцем одной из крупнейших в США пассажирских авиалиний TWA — Транс Уорлд Эйрлайнз. Он одним из первых приобрел для своих линий получившие позднее широкую известность

«Constellations» компании «Локхид». Более того, на одном из них он даже установил мировой рекорд, совершив перелет с семнадцатью пассажирами на борту через северо-американский континент за 6 часов 58 минут.

Годы Второй мировой войны принесли Ховарду немало разочарований. Дело было не только в том, что он, один из лучших асов Америки, не смог из-за дефектов слуха принять личное участие в боевых действиях. В этот период его словно преследовал злой рок. Ни один из крупных правительственных заказов не был им доведен до успешного завершения. Работа над самолетом-разведчиком «XF-II» едва не закончилась трагически. Испытывавший машину Хьюз врезался на ней между двумя коттеджами фешенебельного Беверли-Хиллз в Голливуде. К счастью, никто из жителей не пострадал, зато сам он в тяжелейшем состоянии был доставлен в госпиталь. Ему удалось выкарабкаться, и доктора называли это чудом. Чтобы унять нестерпимую боль, ему кололи морфий, потом заменили его более слабым кодеином. Именно к этому наркотику Хьюз и при-

«Локхид-14»

страстился, принимая его всю оставшуюся жизнь, что тщательно скрывалось до самой его смерти.

День 2 ноября 1947 года навсегда запечатлелся в памяти Хьюза. Тогда в присутствии тысяч зрителей он поднял в воздух один из самых больших в истории авиации самолетов, над которым его компания работала все годы войны.

Восьмимоторный гидросамолет «Геркулес» в самом деле поражал своими циклопическими размерами. Он был построен из фанеры, вес его достигал 180 тонн. Толщина крыльев превышала человеческий рост, а их размах составлял 96 метров. Хвост был высотой с восьмизэтажное здание. Самолет мог взять на борт 700 пассажиров или груз в 60 тонн. И хотя «Геркулес», поднявшийся с водной глади бухты Лонг Бич пролетел всего одну милю, Хьюз чувствовал, что он и его многострадальное детище, которому так и не суждено было принять уча-

стие в боевых действиях, в какой-то мере реабилитированы.

А в Голливуде Ховард продолжал поддерживать свою репутацию тонкого ценителя женской красоты. Среди женщин, с которыми он встречался, были Лана Тернер и Элизабет Тейлор. Его личная жизнь шла по уже накатанной колее. Время от времени в разделе светской хроники американских газет появлялись сообщения о том, что Хьюз намерен вступить в законный брак со своей очередной пассией, но все они оказывались ложными. В начале сороковых он сблизился с зеленоглазой красавицей Авой Гарднер, которой не на шутку увлекся, несмотря на ее своенравный характер. Дарил ей драгоценности, на личном самолете доставлял ее за покупками в Мексику или Нью-Йорк, снимал рестораны только для них двоих, а когда мать актрисы заболела, привез к ней целую команду врачей. Однако не все в их отношениях было

*«Геркулес».
Гидро-
самолет
Ховарда
Хьюза*

так уж гладко. Порой ревнивый Хьюз устраивал Аве скандалы из-за ее скоротечных романов с другими мужчинами. Они ссорились и мирились, расходились и вновь сходились. Особенно взбесил Ховарда роман Авы с Фрэнком Синатрой. Он нанял детективов, которые следили за встречами влюбленной пары. В конце концов Ава предпочла певца магнату. Тем не менее, дружеские отношения между ними сохранились на многие годы. Хьюз был великодушен, и если Ава в чем-то нуждалась, он по первому зову готов был прийти к ней на помощь.

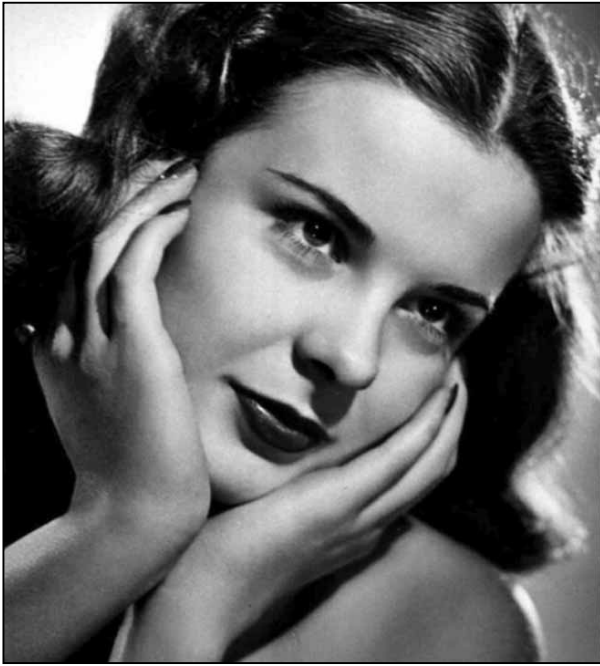
С самого начала своей карьеры Хьюз мечтал найти молодую талантливую актрису и сделать из нее настоящую звезду. Увы, этой мечте не суждено было осуществиться. Специально нанятые им люди рыскали по всему свету в поисках подходящей кандидатуры, присылая боссу десятки фотографий. Именно таким образом Хьюз узнал о существовании молодой талантливой итальянской актрисы Джини Лоллобриджи. Он подписал с ней контракт, и в течение нескольких месяцев будущая звезда мирового кинематографа жила в роскошном номере самого престижного отеля Голливуда. Многочисленные педагоги занимались с ней английским, давали ей уроки драматического мастерства. К ней была приставлена целая команда телохранителей и детективов, без их сопровождения она не имела права и шагу ступить. Впрочем, своенравная итальянка нередко нарушала предписанные ей правила. Изредка к ней в отель позд-

Ава Гарднер

но вечером приезжал Хьюз. Они спустились в ресторан, он щедро оплачивал оркестр, работавший «сверхурочно» всю ночь, танцевал и беседовал со своей протее. Но, увы, никаких предложений, касающихся съемок, итальянка так и не получила. В конце концов такая жизнь темпераментной Джини надоела, и она вернулась на родину.

Кстати, после развода с Эллой Хьюз заявил, что вторично женится только в пятьдесят лет. Удивительно, но именно так оно и случилось. В середине января 1957 года Ховард вторично вступил в брак. На этот раз его избранницей стала молодая, но уже известная голливудская актриса Джин Питерс. Темноволосая зеленоглазая красавица, она по своему характеру разительно отличалась от большинства голливудских звезд. Ее не при-

Вторая жена — Джин Питерс

влекали шумные светские тусовки, Джин предпочитала проводить время в спокойной домашней обстановке. Круг ее чтения также был удивительным для кинодивы. Она читала сочинения Платона, Аристотеля, Ницше. Похоже, она действительно по-настоящему любила Ховарда. Газеты писали о «почти идеальном браке». Но так ли это было на самом деле?

В пятидесятые и шестидесятые годы бизнес Хьюза процветал благодаря огромной прибыли, которую приносила «Хьюз Эйркрафт Компани». Спутники связи, выпускаемые компанией, постепенно завоевывали мировой рынок. Не в убыток работали его пассажирские авиалинии и голливудская киностудия. Совокупное состояние Хьюза уже превышало 1 миллиард долларов. Казалось бы, трудно желать большего. Поэтому многих поставило в тупик новое увлечение миллиардера. Игровой бизнес ...

Скорее всего, решение Хьюза войти в совершенно новую для него сферу не было спонтанным, как считала молва того времени. Один из самых известных комплексов Лас-Вегаса «Desert Inn» был открыт в апреле 1950 года. Среди основных его владельцев числились члены Кливлендского преступного синдиката, известные на всю страну гангстеры — Чарльз «Лаки» Лучиано, Бакси Зигель и Мейер Лански. Комплекс включал отель на 450 номеров, первоклассное поле для игры в гольф, где ежегодно проводился престижный Турнир Чемпионов, рестораны, способные удовлетворить запросы самых требовательных гурманов, ночные клубы, где проходили гала-концерты с участием звезд шоу-бизнеса и, разумеется, круглосуточно работавшие залы казино.

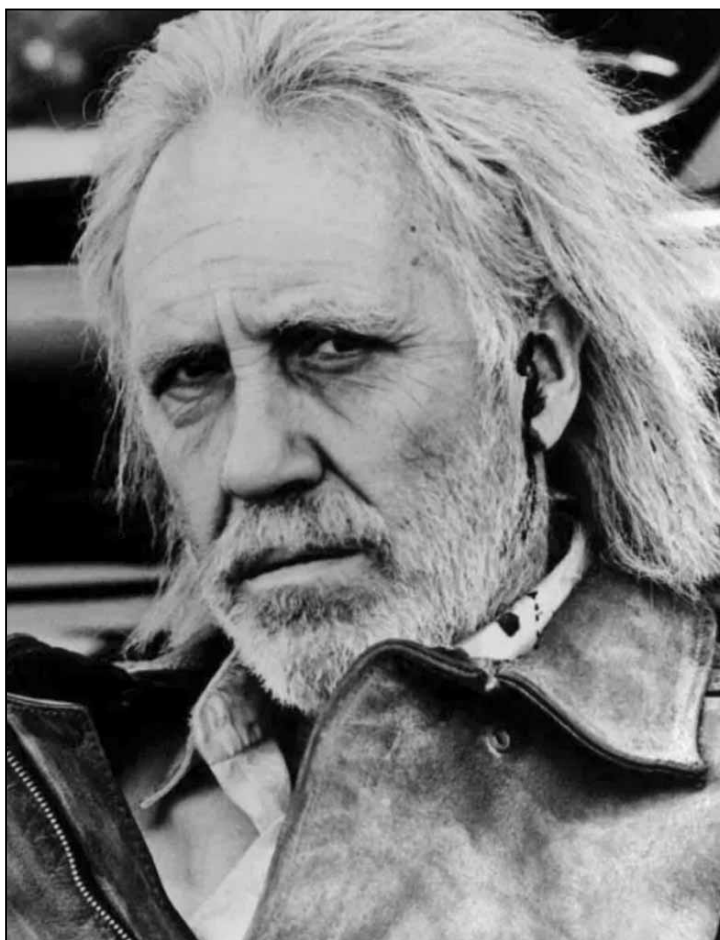
Скорее всего, криминальные владельцы игорного комплекса решили продать «Desert Inn», потому что в 60-е годы давление на них со стороны различных федеральных структур значительно усилилось, и они терпели немалые убытки. И хотя покупка казино была сопряжена с немалыми юридическими и бюрократическими сложностями, Ховард решил купить его. В первую очередь требовалось разрешение Комиссии штата по азартным играм. Но Хьюз не был новичком в подобных делах, не дожидаясь решения комиссии, он заявил о своем намерении внести 6 миллионов долларов на создание медицинского института в штате. Расчет его оказался верным. Через 48 часов после этого заявления Комиссия объявила о выдаче Хьюзу

лицензии на приобретение казино. Став владельцем комплекса, он объявил управляющим и всему штату заведения, что не собирается кого-либо увольнять или что-то менять в политике казино, поскольку результаты его предшествующей работы вполне удовлетворительны. Но личной аудиенцией новый хозяин никого не удостоил. Впрочем, наверное, это мало кого удивило. Уже много лет Хьюз не появлялся на публике и, испытывая панический страх перед различными болезнетворными микробами, вел жизнь затворника. Он и на этот раз не отступил от своих привычек. Кнопка десятого этажа была удалена со всех лифтов и заменена устройством, для которого нужен был специальный ключ. Даже двери пожарных лестниц были надежно заперты, чтобы не допустить нежелательных визитов с нижних этажей. Никто из obsługi отеля так ни разу и не видел Хьюза. Рестораны «Desert Inn» пользовались заслуженной славой, но Ховард ничего не заказывал от туда. На десятом этаже у него была своя кухня и личный шеф-повар.

Номер, в котором он жил, мало напоминал жилище человека, ворочавшего сотнями миллионов долларов. Окна комнат никогда не открывались и были круглосуточно плотно задрапированы шторами, так, чтобы днем туда не проникал ни один луч жгучего солнца невадской пустыни,

а ночью хозяина не тревожила бы свистопляска неоновой рекламы с главной улицы Вегаса Стрипа, расположенной буквально в двух шагах от отеля. Обстановку в спальне иначе чем спартанской назвать было трудно — узкая солдатская койка, шезлонг и телевизор. В гардеробе висели всего две спортивные рубашки, две пары брюк и стояла пара туфель. Впрочем, Хьюз все это никогда не носил. Его повседневная одежда состояла из халата, пижамы и пары сандалий. Он не мыслил жизни без телевизора, и тот работал едва ли не круглосуточно.

Магнат не ограничился приобретением «Desert Inn». Вскоре он приобрел фешенебельный комплекс «The Sands», место игры наиболее крупных

и азартных игроков. Казино это было открыто в 1952 году. Среди его совладельцев был и знаменитый Фрэнк Синатра, которому, однако, в 1963 году пришлось продать свои 9% из-за давления на него со стороны Комиссии штата Невада по азартным играм. Им не нравились слишком тесные отношения певца с боссом чикагской мафии Сэмом Джианканой. «The Sands» был очень лакомым кусочком — 777 первоклассных номеров в отеле плюс 183 акра превосходной земли, на которой располагался весь игорный комплекс. Этим Хьюз не ограничился — продолжая расширять свои владения, он стал самым крупным оператором игорного бизнеса в Неваде.

Успешно развивающийся бизнес, растущее политическое влияние, любящая жена ... Казалось, у него было все. Но, увы, фобии, которые в годы юности лишь слегка омрачали ему жизнь, теперь приобрели поистине гротескные формы. Он вел жизнь затворника, став настоящим пленником собственных страхов, не появлялся на публике, а доступ к нему имели лишь доверенные лица из руководства его компаний и небольшой штат врачей, прислуги и охраны. Первое время Джин имела право лишь раз в неделю приходить к мужу на двадцать-тридцать минут. Если он желал, чтобы она навестила его поздно вечером, то передавал это приглашение через своего доверенного помощника. Иногда она неделями и месяцами не знала, в каком он отеле. Все это мало походило на идеальный брак, о котором писали газеты. Их совместная жизнь

становилась чистой фикцией. В начале 1970 года оба перестали притворяться и, не видя друг друга уже три с половиной года, оформили развод.

Хьюз покинул Штаты. Он менял номера в отелях разных городов мира, превращая их в крепости, недоступные микробам (по крайней мере, он сам так считал).

Уже пятнадцать лет Ховард не летал. Для этого нужно было проходить медкомиссии, а он не доверял докторам. Его здоровье стало катастрофически ухудшаться. Огромные дозы кодеина, валиума, различных транквилизаторов превратили его в едва передвигающего ноги инвалида. Он почти ничего не ел и при росте в 191 сантиметр весил меньше 45 килограммов. В 1970 году он вынужден был передать управление всеми своими предприятиями доверенным лицам, оставаясь лишь номинальным руководителем своей колоссальной империи. В начале апреля 1976 года состояние здоровья Хьюза настолько ухудшилось, что его окружение решило перевезти босса из мексиканского Акапулько в один из госпиталей Хьюстона. 5 апреля самолет с миллиардером на борту взмыл в воздух и взял курс на Техас. Однако магнату так и не суждено было вновь увидеть город, в котором он родился. Меньше чем за час до посадки в хьюстонском аэропорту сердце Ховарда Хьюза перестало биться.

Завещание его не было найдено, а потому все его огромное состояние было разделено между многочисленными кузенами с отцовской и материнской стороны. □

Алексей Ренкель

Непотопляемый капитан

Акваланг — от латинского «aqua» («вода») и английского «lung» («легкое»).

В 1878 году английский инженер Генри Флюсс изобрел первый подводный аппарат, использующий чистый кислород. Однако у водолазов возникли проблемы. В то время не было известно, что чистый кислород, вдыхаемый под давлением, становится токсичным на глубине более 20 метров, и время его вдыхания должно быть ограничено.

А 11 июня 1910 года во французском городе Сен-Андре-де-Кюбзак родился человек, который изобрел акваланг и научился, по его словам, «делать деньги из воды». Звали его Жак-Ив Кусто.

СЧАСТЛИВЧИК ДЖЕК

Детство у Жак-Ива Кусто было счастливым. Его отец, весьма обеспеченный юрист, представлял интересы двух состоятельных американцев, и беспокоиться о будущем Жак-Иву и его брату Пьеру не приходилось.

Первый свой опыт подводных работ Кусто получил в американском детском летнем лагере, где воспитатель, выяснив, что мальчик хорошо плавает и ныряет, отправил его очи-

щать дно пруда от скопившихся там коряг. Джек, как его там называли, прекрасно справился с задачей. И первую киносъемку Кусто провел тоже в Америке при помощи отцовской кинокамеры, объявив себя «продюсером, директором и главным оператором» кинокомпании Films ZIX. Тогда же Кусто впервые попробовал себя и в роли писателя, написав книжку о приключениях ковбоев. Так что уже в детские годы будущий капитан уяснил, что у него прекрасно

получаются три вещи: нырять, снимать и сочинять.

После возвращения во Францию Жак-Ив учился в иезуитской школе, а потом оказался среди счастливцев, поступивших в элитную Морскую академию, где готовили офицеров французского флота. В Тулоне, где Жак-Ив в 1938 году проходил службу, состоялось знакомство с лейтенантом Филиппом Тайе, посоветовавшим ему заняться подводным плаванием. Сам Тайе увлекался подводной охотой и даже изобрел специальные очки, в которых мог хорошо видеть под водой. Вскоре к друзьям присоединился третий охотник — Фредерик Дюма, также любивший нырять с острогой. Возник костяк команды, которой было

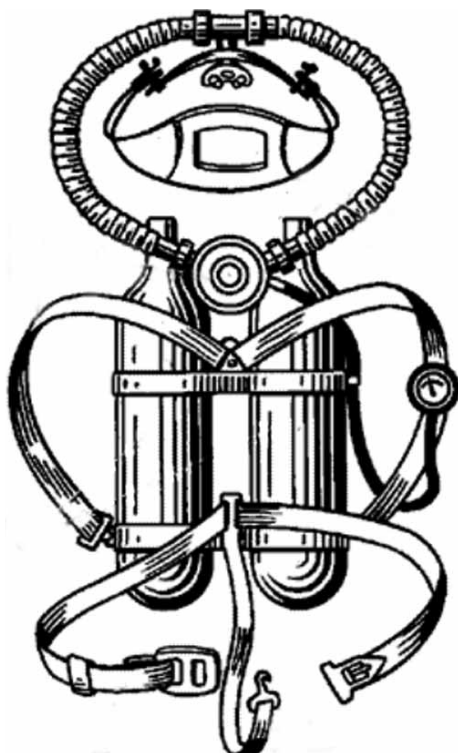
суждено завоевать подводное царство, а у Кусто появилось хобби, сделавшее его очень богатым коммерсантом и одним из самых популярных людей своего времени.

АКВАЛАНГ ДЛЯ «МОРСКОГО ДЬЯВОЛА»

Люди всегда испытывали любопытство к тому, что происходит в подводном мире, и пытались туда проникнуть. Но как получить запас воздуха для дыхания под водой? Это было довольно сложно. Нужно было преодолеть две проблемы: трудность передвижения в воде и постоянное изменение давления в подводном мире. Ныряние с запасом воздуха могли осуществить только очень натренированные пловцы, облаченные в сложные громоздкие костюмы со шлемами.

Кусто и его друзья мечтали об аппарате, который позволил бы им находиться под водой как можно дольше и при этом не стеснял бы их движений. Однажды Кусто, испытывая аппарат с кислородным баллоном, опустился на глубину 10 метров, полагая, что кислород может вызвать судороги лишь на глубине 14 метров. Его предположения не оправдались, и матросам пришлось спасать потерявшего сознание акванавта.

Начавшаяся война не помешала исследованию глубин. Попытки с погружениями привели Кусто и его друзей к мысли о том, что для ныряния необходим аппарат со сжатым

1943 год — Жак-Ив Кусто и Эмиль Ганьян изобрели акваланг

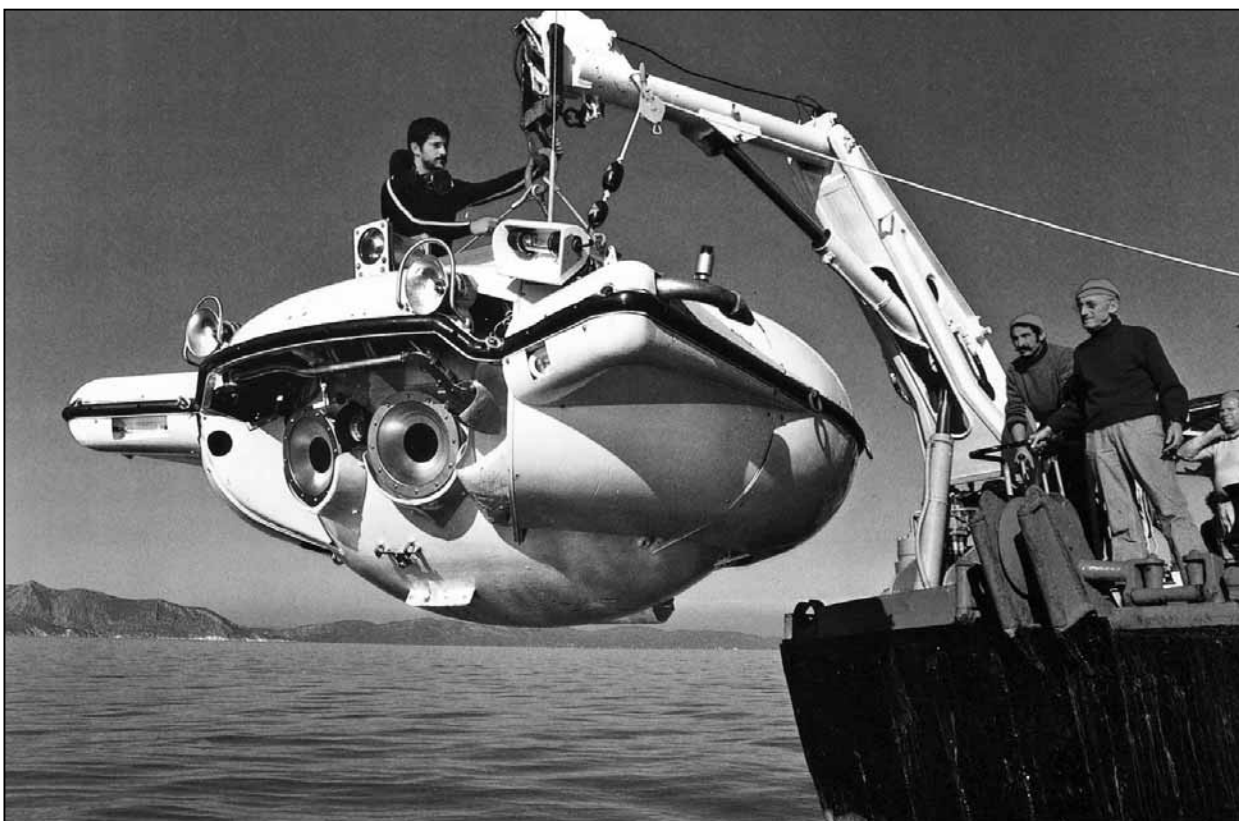
воздухом, а не с кислородом. Жак-Ив точно знал, что ему нужно, но сам он не мог создать надлежащую конструкцию. Родственные связи помогли ему выйти на инженера Эмиля Ганьяна, который был автором любопытного изобретения. Поскольку в ту пору весь европейский бензин лился в бензобаки вермахта, горючего во Франции не хватало. Спас автолюбителей Ганьян, который придумал прибор, позволявший использовать вместо бензина сжатый газ.

О первом регуляторе подачи воздуха с поверхности, запатентованном горным инженером Бенуа Рукейролем в 1866 году, Кусто знал, поэтому заинтересовался редуктором — устройством для регулирова-

ния давления газа при подаче в мотор, и предложил Ганьяну совместно разработать нечто подобное, но приспособленное для человека. Используя богатейший опыт ныряльщика с различными автономными устройствами, Жак-Ив смог точно сформулировать требования к аппарату.

трех баллонов для сжатого воздуха, соединенных с регулятором воздуха размером с будильник. От него тянулись две трубки, присоединенные к мундштуку. С помощью этого снаряжения, привязываемого ремнями на спине, маски на глазах и резиновых ласт на ногах мы были намерены совершать

После ряда не совсем удовлетворительных испытаний Ганьян постепенно довел аппарат до приемлемого качества. К этому времени друзья переселились на виллу у побережья Средиземного моря, откуда было легче добираться до затонувших кораблей. Именно здесь они распаковали первый акваланг, присланный Ганьяном из Парижа. Кусто писал: «Мы увидели узел из

беспрепятственные полеты в глубинах моря».

Удача улыбнулась изобретателям, агрегат надежно работал, его назвали «водным легким» или «аквалангом». Кусто с друзьями получили возможность свободно плавать под водой и открывать секреты подводного мира. В течение лета 1943 года Кусто, Тайе и Дюма совершили свыше 50 от-

Слева:
*Спуск
субмарины
SP 350*

дельных погружений и посетили примерно пятнадцать затонувших судов. Они хотели доказать, что акваланг пригоден для работ, которыми обычно занимаются водолазы, то есть для подъема затонувших кораблей и находящихся на них ценностей.

Еще до изобретения акваланга Кусто знал, что человек под водой может заниматься киносъемками.

Первые любительские кадры, снятые специально сконструированной кинокамерой, были смонтированы в 18-минутный фильм «Восемь метров под водой». Когда же ныряльщики обзавелись аквалангами, возможности для подводных съемок неизмеримо возросли. Акванавты обследовали затонувшие корабли французского флота, не забывая при этом вести киносъемку. Фильм получил

название «Затонувшие корабли» и стал образчиком подводной кинодокументалистики.

Одновременно на новом качественном уровне были возобновлены работы по изучению физиологии подводных пловцов. Каждый их шаг тщательно анализировался. Исследовалось влияние на людей давления, состава газовых смесей, режи-

блицы погружений, разработанные группой Кусто. По сути, это был первый учебник по дайвингу. Впоследствии был снят добрый десяток фильмов о подводной жизни. Они оказали огромное воздействие на молодые умы. Достаточно сказать, что в 60-х годах только Америка насчитывала миллион самостоятельных водолазов.

мы и продолжительность пребывания под водой. При этом они ставили мировые рекорды, но не оглашали их, нет, не из скромности, а чтобы не вызвать волну «рекордомании». Уже одно это сохранило много легкомысленных жизней.

В 1949 году друзья написали книгу «Погружение в скафандре». В ней впервые было описано использование акваланга, приведены та-

УДАЧЛИВЫЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ-БИЗНЕСМЕН

После изобретения акваланга подводное плавание широко распространилось по миру. Кусто твердо решил зарабатывать на жизнь подводным плаванием и уже в 1944 году объявил о создании «Группы подводных исследований». Наступление мира дало, наконец, возможность

взяться за развитие бизнеса, и Кусто показал себя настоящим мастером зарабатывания денег. Первым способом извлечения прибыли стала продажа аквалангов. В 1946 году он зарегистрировал товарный знак Aqua-Lung и возглавил фирму с таким же названием. А в 1948-м Кусто, Тайе и Дюма впервые в мире совершили подводные раскопки в Среди-

ленно приобрести акваланг. Среди них оказался и командир отряда американских боевых ныряльщиков Френсис Дуглас Фейн. Кусто был обеспечен клиентами на многие годы вперед. До конца своих дней Жак-Ив получал 5% от продажи каждого акваланга в мире.

Другим способом получения денег был фандрайзинг. Кусто с самого на-

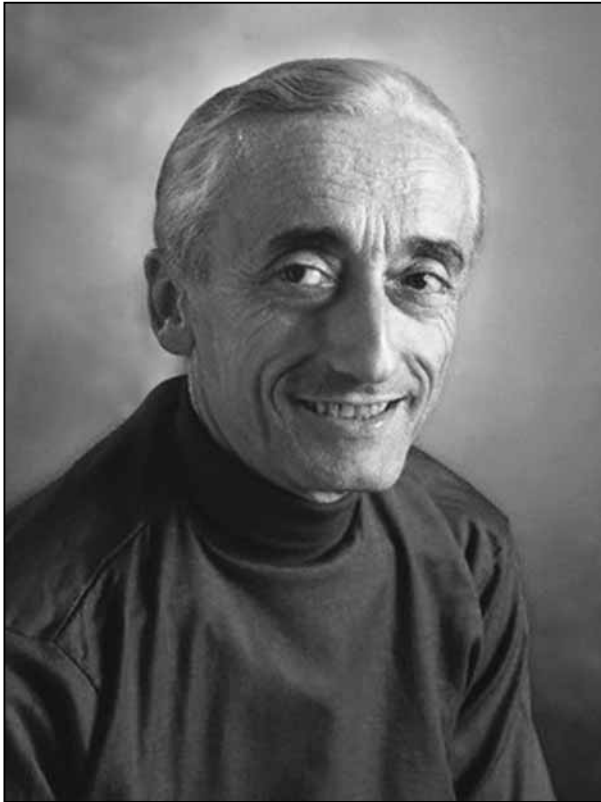

земном море на месте крушения корабля.

Случай помог продвинуть товар на американский рынок. Фильм «Затонувшие корабли» посмотрел журналист Джеймс Дуган. Он познакомился с Кусто и стал горячим пропагандистом нового аппарата в США. Дуган опубликовал большую статью о Кусто и получил в ответ сотни писем от читателей, желающих немед-

чала представлял свой проект не как простое коммерческое предприятие, а как дерзновенный прорыв человечества в новую стихию, а потому не стеснялся просить денег на «святое дело». Первым и самым значительным успехом на этом поприще стало его общение с ирландским пивным королем Томасом-Лоелем Гиннессом.

Богатый меценат проникся идеями покорения глубин и выделил

энтузиасту «водного легкого» деньги на покупку судна. В 1950 году Кусто стал владельцем бывшего тральщика, переоборудованного в пассажирский теплоход. Жак-Ив назвал судно «Калипсо» — по имени нимфы, пленившей Одиссея, и превратил его в плавучую океанографическую лабораторию. Он получил поддержку и от князя Монако Ренье III, который предложил ему возглавить Океанографический музей княжества. Эта должность давала не только престиж, но и существенную финансовую подпитку научным проектам натуралиста. Вместе с Жаном Молляром Кусто создал SP 350 — подводную лодку на двух человек, которая могла достигать глубины 350 метров. Успешный эксперимент был повторен в 1965 году на двух

субмаринах, опустившихся на глубину 500 метров.

В рамках научной программы «Коншельф» Жак-Ив стал работать над созданием первого в мире автономного аппарата для изучения глубоководного подводного мира, совершенствовал дыхательные аппараты, создал подводные станции, на которых длительное время смогли работать исследователи, находясь глубоко на морском дне. На коралловом рифе в Красном море была построена так называемая «Морская звезда» — металлический дом для проживания пяти акванавтов, а чуть ниже — кабинет для двух человек. Такой «дом» позволял изучать подводный мир на глубине более ста метров.

Судно «Калипсо» ходило не под французским триколором, а под собственным бело-зеленым флагом Кусто, и все же капитан надеялся выбить материальную помощь из французского государства. Париж денег не давал, но Жак-Ив все же придумал, как уломать чиновников: он согласился помочь известному археологу профессору Бенуа в исследовании затонувшего древнеримского корабля. Со дна были подняты многочисленные амфоры, в одной из которых даже плескалось вино двухтысячелетней выдержки.

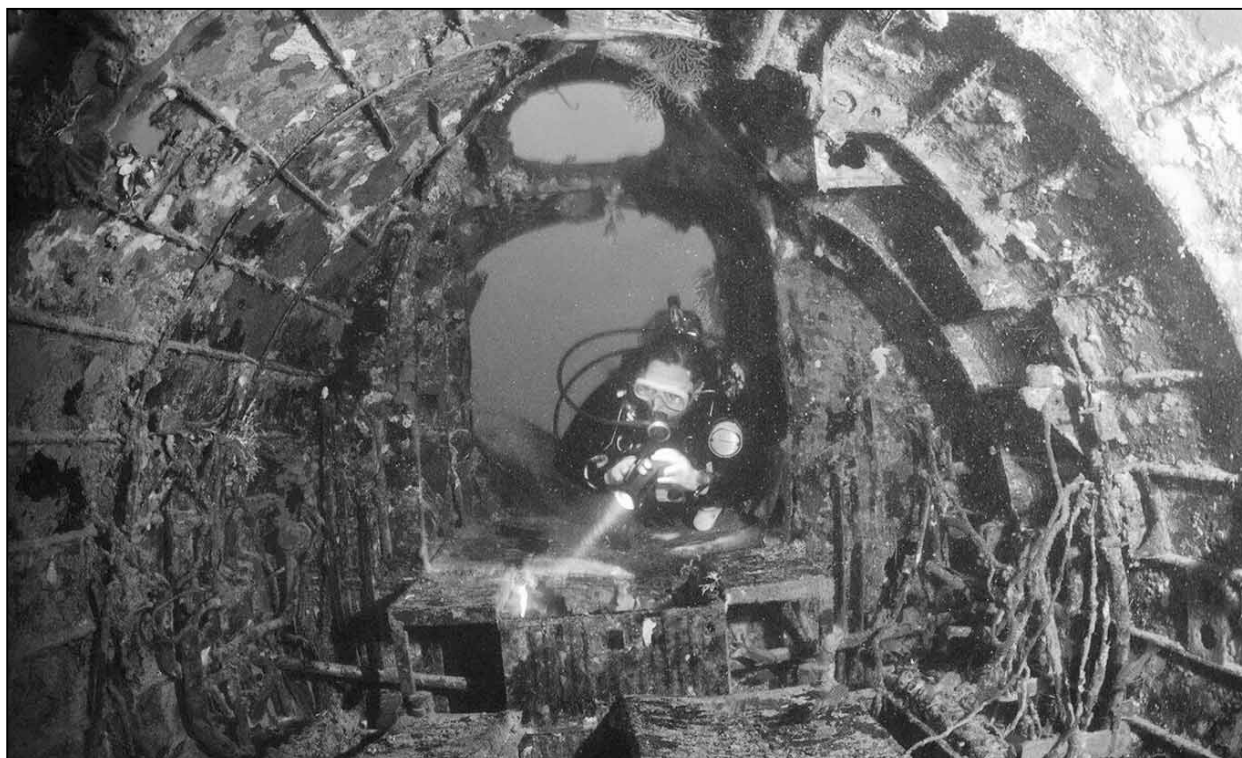
Но всего этого все же не хватало для того, чтобы поразить воображение чиновников. Нужна была яркая находка, доказывающая, что аква-

лангисты умеют творить чудеса. В итоге Кусто все же придумал, из чего сделать сенсацию. На многих амфорах была обнаружена надпись SES. Профессор Бенуа предположил, что это клеймо Маркуса Сестиуса — торговца, проживавшего на средиземноморском острове Денус в 3 веке до нашей эры. Это была всего лишь догадка, но Жак-Ив отправился на остров и в развалинах одной из древних вилл нашел изображение трезубца и пары заколючек, которые при большой фантазии можно было принять за SES. Естественно, он объявил, что обнаружил дом Сестиуса, которому, без сомнений, принадлежал и затонув-

властей Марсея, а затем и от центрального правительства, которое согласилось оплачивать две трети его расходов при условии, что 9 месяцев в году «Калипсо» будет заниматься наукой.

Третьим способом заработать были заказы от коммерческих предприятий. В 1954 году British Petroleum предложила Кусто обследовать дно Персидского залива в районе Абу-Даби, на что капитан с радостью согласился. Команда «Калипсо» отправилась в Персидский залив и, пробуравив около 400 скважин, обнаружила нефть.

Одним из самых прибыльных оказался заказ от компании Gaz de

ший корабль. После такого триумфа подводной археологии Кусто получил материальную поддержку от

France, которая планировала проложить по дну Средиземного моря газопровод, чтобы выкачивать при-

«Калипсо»

родный газ из месторождений Сахары. Команда «Калипсо» провела тщательное и весьма профессиональное обследование дна на всем пути следования будущего газопровода, за что и была соответствующим образом вознаграждена.

КИНОШНИК ОТ БОГА

Кусто снимал фильмы и писал книги, которые прекрасно продавались, а заодно помогали ему продавать свои услуги по ценам, не сопоставимым с платой за стандартные водолазные работы. Снимал Жак-Ив талантливо, рассказывая зрителю увлекательные истории. Когда была возможность сделать кадры более захватывающими, он проявлял известную изобретательность. Так, не надеясь заснять стихийно возникшую драку между осьминогами, специально изловил пару головоногих и

буквально натравил их друг на друга. В другой раз он пожелал снять сцену нападения акул на дельфиненка. Поскольку акулы не спешили к своей жертве, их пришлось приманить, вылив в океан пару ведер крови.

Фильмы имели шумный успех не только у зрителей, но и у киноакадемиков. В 1956 году его фильм «В мире безмолвия» получил «Оскара» и каннскую «Пальмовую ветвь», а одноименная книга разошлась пятимиллионным тиражом на двадцати языках. Затем последовали еще два «Оскара» и всемирная слава. Книги исследователя многократно переиздавались, принося автору миллионные гонорары. Зрителям и читателям нравилось чувствовать себя соучастниками необыкновенных приключений в подводном царстве, которое казалось достижимым для любого, кто приобретет акваланг, а потому и книги, и акваланги имели огромный спрос.

Жак-Ив Кусто утверждал, что «в мире есть три важные вещи: воздух, вода и деньги». Делать деньги из воды он уже научился. На самом деле он умел делать деньги и из воздуха — успешно продавал людям мечту о новой свободной и удивительной жизни, полной ярких впечатлений.

«ЗЕЛЕНЫЙ» КАПИТАН

Уже с 1970-х годов Кусто превратился в одного из лидеров экологического движения. Он регулярно требовал прекратить загрязнять окружающую среду и запретить испытания ядерного оружия. Ради сохранения своего имени в качестве незапятнанного брэнда, который ассоциировался бы исключительно с ним, Кусто затеял судебную тяжбу с собственным сыном. Семейная жизнь капитана казалась окружающим идиллией, пока в 1979 году не погиб в авиакатастрофе младший и любимый сын Филипп.

Жак-Ив с ходу дал понять, что у его старшего сына Жан-Мишеля нет никаких шансов стать наследником его дела. Отношения с сыном еще больше испортились после того, как в 1990 году умерла его жена Симона. У Кусто была любовница — стюардесса Франсин Трипле, которая родила ему двоих детей. Мореплаватель передал Франсин бразды правления в Обществе Кусто, располагавшем значительными средствами, после чего стало окончательно ясно, что наследство Кусто, включая его имя, перейдет к Франсин и ее детям.

В последующие годы отношения с Жан-Мишелем окончательно испортились, и Кусто подал в суд иск на своего сына, требуя, чтобы тот сменил название своего курорта на Фиджи «Курорт Кусто». Дело было улажено миром после того, как не любимый сын переименовал свое предприятие в «Курорт Жан-Мишеля Кусто».

Несмотря на все семейные дразги, капитана больше заботила судьба его судна. В январе 1996 года «Калипсо», стоявшая в гавани Сингапура, была протаранена другим судном и пошла ко дну. Узнав о случившемся, Кусто впервые в жизни прилюдно заплакал. «Калипсо» подняли и переправили в Марсель, но выйти в море на ней Жак-Иву уже было не суждено. Он умер во сне 25 июня 1996 года

ПРОДОЛЖАТЕЛИ ДЕЛА КАПИТАНА

Бум, вызванный Кусто, докатился и до нашей страны. В начале 60-х годов из магазинов исчезли резиновые коврики для ванн — самодельщики мастерили ласты и ма-

ски. К счастью, промышленность непривычно быстро отреагировала и начала производство фабричного комплекта №1 — ласты, маски и трубки. Появились и первые отечественные акваланги. Многочисленные клубы ДОСААФ организовали бесплатное обучение желающих дайвингу. На экраны вышел фильм «Человек-амфибия». Кстати, Ихтиандр в нем плавал по-дельфиньи.

До сих пор не оставляют без внимания аппараты подводного плавания и отечественные изобретатели. Ю. Берков с сослуживцами разработал маневровый буксировщик водолаза, содержащий акваланг и движитель-плавник с пневматическим двигателем. Повысить маневренность водолаза позволяет бук-

Слева:

*Субмарина
SP 350
установлена
перед музеем*

сировщик Валерия Петрашкевича. Буксировщик имеет прочный корпус, погружной электродвигатель, движитель, аккумуляторные батареи, поясной ремень, баллон сжатого воздуха и систему управления остаточной плавучестью. Для хранения и транспортирования сжатого воздуха давлением 100 кгс/см² и выше в тульском ГНПП «Сплав» был создан баллон высокого давления.

Кусто любил называть себя «океанографическим лаборантом». На самом же деле он был истинным любителем и знатоком природы. Работы Кусто стали огромным вкладом в популяризацию знаний о биологии подводного мира. Память о нем запечатлена не только во Франции, но и в России. Одна из общеобразовательных школ Санкт-Петербурга с углубленным изучением французского языка названа его именем. □

ВРЕМЯ

Стругацких

Крупнейшие советские мастера научной фантастики второй половины прошлого столетия, да, собственно, и наших дней, братья Стругацкие, подобно отечественному классику этого жанра Ивану Ефремову и большинству писателей-шестидесятников (причем не только в СССР, но и на Западе) разделяли исторический оптимизм и веру в социальный прогресс.

Однако на фоне других собратьев по перу их отличало стремление постоянно задаваться в своем творчестве конечными вопросами: Что такое «светлое будущее», к которому мы обязательно должны прийти? А какие отношения будут между людьми в то прекрасное время? И не растворится ли подлинная духовность — питательная среда гуманизма — в материальных благах постиндустриальной цивилизации?

Такие тревожащие душу вопросы были, по сути, табуированы в социалистическом обществе нашего типа. Но они же всегда вызывали к произведениям Стругацких острый читательский интерес. Еще и притом, что авторы постоянно ставили перед молодыми читателями, которые являлись главными фанатами их книг, возможность зловещей альтернативы прогрессивному будущему, не сулящей человечеству ничего хорошего...

Проблему кризиса идей просвещения Стругацкие неоднократно поднимали на страницах своих повестей и романов настолько последовательно, насколько это было возможно в подцензурной советской литературе. Благодаря тому, что братья писали фантастику, они могли ис-

пользовать приемы модернистской прозы: у них встречаются и временные скачки в повествовании, и анализ сложных, подчас парадоксальных сторон человеческой личности, и «поток сознания».

Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть хотя бы такую позднюю вещь Стругацких, как повесть «Улитка на склоне», с ее диалогической композицией, составленной из двух сюжетов и варьирующей множеством немотивированных событий.

Их творческий дуэт волновало современное конформистское общество потребления (к которому мы теперь, увы, опасно приближаемся). На эту актуальную и ныне тему написан роман «Хищные вещи века» (1964). Но и в нем авторы предупреждают о злобещей угрозе тоталитаризма.

Чем дальше кризисно эволюционировало советское общество, тем больше братья Стругацкие осознавали опасности, заложенные в бездумном культе прогресса. Об этом — план их последнего, ненаписанного романа, чье действие происходит на планете Саракш, входящей в состав островной империи и представляющей собой милитаристское государство фашистского типа.

Противостоять ему должен был Мир Полудня, где люди наконец-то достигли желанной гармонии, о которой не переставали мечтать Аркадий и Борис Стругацкие.

Отец знаменитых братьев, Натан Залманович Стругацкий, был сыном провинциального юриста, выпускником Петербургского университета, а в Гражданскую войну — красным комиссаром на фронте. Потом его судьба, как и у многих в то стремительное время, сложилась весьма причудливо. Видный деятель народного образования и партийной печати, он в 30-е годы увлекся искусствоведением и даже служил начальником управления искусств сталинградского крайисполкома.

В октябре 37-го за неортодоксальность взглядов его исключили из пар-

тии и собирались арестовать. Своевременно предупрежденный, отец Стругацких срочно уехал в Ленинград, где благополучно устроился заведомо эстампов Государственной публичной библиотеки им. А.Е. Салтыкова-Щедрина. По счастливой случайности больше его не трогали.

У матери писателей, Александры Ивановны Литвинчевой, родом из семьи сельского торговца, жизнь не изобиловала подобными сюрпризами. Она нашла свое призвание в преподавании русского языка и литературы и стала талантливым педагогом. Возможно, именно Александра Иванов-

на оказала влияние на окончательный выбор сыновей, каждый из которых вначале пошел другим путем.

Родились они в разных местах. Старший Аркадий в 1925 году в Бату-ми, младший Борис — в 1933-м в Ленинграде. И оба, уже запойными любителями чтения, встретили в городе на Неве ленинградскую блокаду. В 42-м отец с 16-летним Аркадием эвакуировались по Дороге жизни, а мать с маленьким Борисом по неясной причине осталась в Ленинграде...

Начиная с 1965 года вектор творческих устремлений братьев Стругацких кардинально меняется. Если все их предыдущие вещи, даже самые остро-злободневные, как, например, «Трудно быть богом», «Далекая радуга» или «Попытка к бегству», относятся к так называемому «советскому проекту», то уже гротесковая повесть «Улитка на склоне» предстает совершенно неожиданным иносказательным разоблачением этого «проекта».

Повесть шла к читателям трудным и извилистым путем, минуя сокращенными журнальными публикациями цензурные препоны, и целиком была напечатана только в годы перестройки. Спрашивается, почему? А потому, что «Улитка на склоне» с вообще-то несвойственной научной фантастике доскональной конкретикой изобразила разложение и абсурдизм советских государственных механизмов.

Некий Институт, расположенный высоко на обрыве, который изучает простирающийся внизу необозримый и непостижимый Лес, выступает в по-

вести чисто «кафкианским» образованием, где все занимаются бессмысленной работой и ничего в ней не понимают. В результате там царит повальное пьянство, разврат, неудержимый карьеризм и вакханалия доносов друг на друга... А Лес, как народ на просторах страны, живет своей таинственной, алогичной жизнью, способной заразить, втянуть в себя институтских исследователей, периодически спускающихся под его сень после немислимого количества согласований. «Лесные» и «институтские» главы чередуются в характерной для модернистской литературы нелинейной последовательности. И если первые завораживают «фирменной» динамикой и саспенсом, то вторые погружают читателя в морок кошмарного сна наяву. Главный и любимый авторами герой повести, Кандид, сотрудник Института, заблудившийся в Лесу, где механически существуют странные, пародийные мужики, все понимает и должен решить для себя, что делать дальше. Опять писатели ставят перед героем проблему выбора. Выбора пути и цели.

Стругацкие вкладывали в это свое этапное, сложное в философском плане произведение глубокий смысл, олицетворяя Лес с будущим как таковым. Будущим, отвергающим настоящее и культивирующим жизнь беспомощных исполнителей воли тех беспощадных, мутированных существ, что ими правят.

Мрачное предвидение. Увы, писатели в поздний, вернее зрелый период творчества пришли к весьма

пессимистичному мировоззрению. И, вероятно, наиболее полно оно выразилось в их едва ли не самой популярной в наши дни и самой запретной вещи при жизни авторов — повести «Пикник на обочине».

Замысел повести родился достаточно случайно. Прогуливаясь как-то в окрестностях Дома писателей в Комарово под Ленинградом, братья обратили внимание на остатки пикника туристов на лесной поляне и вообразили, какими фантастическими приспособлениями представляется, скажем, муравьям весь этот мусор.

Сегодня мы воспринимаем ее как впечатляющий приговор человеческой алчности, безрассудности и тщеславию. Советские цензоры безошибочно распознали в футуристическом контексте «Пикника» крамолу, осуждение социалистического строя и чинили повести всяческие препятствия.

Ключ к пониманию этого многопланового произведения мы находим в словах главного героя повести, бесстрашного сталкера Редрика Шухарда, гордящегося своей смертельно опасной профессией проводника по Зоне

Проблему кризиса идей просвещения Стругацкие поднимали на страницах своих повестей и романов настолько последовательно, насколько было возможно в подцензурной советской литературе. Благодаря тому, что братья писали фантастику, они могли использовать приемы модернистской прозы: и временные скачки, и анализ парадоксальных сторон человеческой личности, и просто «поток сознания»...

А затем экстраполировали пришедшую им в голову идею в художественную тему запретной Зоны изучения объединенным межгосударственным Институтом остатков «пикника», устроенного неведомыми инопланетянами по дороге домой на Земле.

Одно из самых пронзительных и совершенных произведений Стругацких увидело свет на страницах четырех номеров питерского журнала «Аврора» в 1972 году, а потом еще 15 лет ждало выхода отдельной кни-

и говорящего корреспонденту газеты: «Да, у нас тут Зона... Наша зона дыра, но в эту дыру сквозит Будущее». Шухард верит, как, может быть, верили, когда писали повесть братья Стругацкие, что, говоря словами Р. Пен Уоррена в романе «Вся королевская рать», добро должно делать из зла, поскольку «его больше не из чего делать». Однако добро, сделанное из зла, это всего лишь вывернутое наизнанку зло...

Финал повести предельно драматичен и по-модернистски оборван на

самом интересном месте (к этому приему зрелые Стругацкие обращаются не раз). Ценой принесения в жертву страшной ловушке Зоны невинного парня Шухард пробирается к таинственному золотому шару, исполняющему только сокровенные желания. И вот он, который хотел вернуть человеческий облик своей дочке-мутанту, шепчет про себя: «Счастья для всех даром! И пусть никто не уйдет обиженным!» Но мы так и не узнаем, исполнит ли его сокровенное желание Зона, потому что она, по Стругацким, великая

вещи века», «За миллиард лет до конца света», «Парень из преисподней», «Дикие лебеди», не говоря уже о более ранних произведениях.

Концептуально поздняя трилогия Стругацких отличается от их предыдущих книг тем, что идея «вертикального прогрессорства», по которой простой народ Земли и других планет должен быть подтянут «прогрессорами» до уровня интеллигенции («Трудно быть богом»), оспаривается в романе «Жук в муравейнике». Герои романа опасаются, что человечество в принципе

О публикованный на исходе перестройки роман Стругацких «Град обреченный» со всей художественной выразительностью прослеживает драматический переход поколения мыслящих людей к идеологическому вакууму нынешней эпохи. Авторы убеждают читателя, что «добро, породнившееся с насилием, неминуемо перерождается в зло — и тем более опасное, что оно по-прежнему считает себя добром»...

обманщица и обманывает всех и всегда. Она требует жертв, взамен исполняя совсем не то, о чем ее молят...

Переход Стругацких зрелых к Стругацким поздним знаменует их романная трилогия: «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике» и, пожалуй, самая сильная вещь — «Волны гасят ветер». Плодовитость и художественная изобретательность (не будем забывать, что речь идет все же о НФ) этого творческого тандема изумляет. А ведь ими созданы еще блистательные «Хищные

прогресса не желает. Мало того, оно боится оказаться жертвой чужого интеллектуального вторжения.

Неутешительными предстают в трилогии также плоды будущей эволюции, которая разделит людей на две ветви — высокоразвитых «людэнов» и непросвещенную массу, толпу. Первая ветвь будет развиваться дальше необычайно быстро, обретать по ходу развития сверхспособности, выдвигать идеи, творить. Вторая же, охватывающая, между прочим, две трети человечества, обречена на по-

степенную деградацию. И еще более удручающий вывод: новые люди не смогут ужиться с остальной массой, вынуждены будут уйти и создать свою отдельную цивилизацию.

Большое откровение трилогии подводит читателя к очень печальной мысли о том, что человеческая эволюция продолжится, однако затронет не всех. Те, кто включатся в нее, «прыгнут» на несколько ступеней вверх, но скоро поймут, что оказались оторваны от жен, детей, родни, оставшихся «внизу», и обречены на

Написанный ими на 12 лет раньше, но опубликованный опять-таки лишь на исходе перестройки роман «Град обреченный» со всей художественной выразительностью проследживает драматический переход поколения мыслящих людей к идеологическому вакууму нынешней эпохи. Не боясь повториться, авторы как здесь, так и в носящем частично автобиографический характер романе 1982 года «Хромая судьба» убеждают читателя, что «добро, породнившееся с насилием, неминуемо пере-

Они были очень дружны и неразлучны, несмотря на то, что Аркадий жил в Москве, а Борис в Питере. Встречались для общения и работы то у одного, то у другого или же надолго запирались в Доме творчества... Безусловно, каждый из братьев был абсолютно самостоятельной творческой личностью, но наивысших результатов они добивались все же в тандеме

вечное одиночество. А это по-настоящему страшно. «Людэны», утверждают Стругацкие, не лучше, они другие. Такова цена той эволюции, которую мы наблюдаем сегодня. Она не однородна и раскалывает человеческое общество. Сумеют ли «людэны» уцелеть в столкновении с безликой, неодухотворенной людской массой, одержимой исключительно примитивными желаниями и идеями? Этот конфликт, предсказанный Стругацкими в 1984 году, развивается на наших глазах.

рождается в зло — и тем более опасное, что оно-то по-прежнему считает себя добром».

Осторожные намеки на то, что произойдет дальше, содержатся в предпоследнем и наиболее любимом писателями произведении — романе «Отягощенные злом» (1988), посвященном долгу Учителя перед учениками и обществом. Мораль здесь простая и до крайности трагичная: воспитать достойного человека можно, лишь отдав за него жизнь. Авторы признают право Учителя из благих

побуждений вторгаться во внутренний мир личности и тем самым изменять к лучшему мир внешний. Отсюда — мысль о том, что даже в «прекрасном новом мире» настоящий Учитель неизбежно обречен на одиночество и непонимание.

Последним совместным произведением Стругацких весьма неожиданно явилась «комедия в двух действиях» (по авторскому определению) «Жиды города Питера, или Невеселые беседы при свечах» (1990). Действие пьесы, происходящее в перестроечные годы в обычной ленинградской квартире, одновременно и реалистично, и фантазмагорично. А сама пьеса предостерегает от излишне оптимистических надежд нашего новейшего времени.

После смерти Аркадия Стругацкого в 1991 году Борис Натанович, как он сам выражался, «продолжил пилить толстое бревно литературы двуручной пилой, но без напарника». Под псевдонимом С. Витицкий вышли его сложные философские романы «Поиск предназначения» и «Бессильные мира сего», которые в минорных, но исключительно ярких тонах продолжили исследование вариативности неумолимого рока и возможностей влияния отдельных личностей на окружающую действительность.

Надо заметить, что Аркадий Стругацкий тоже порой писал удачные литературные произведения в одиночку, под псевдонимом С. Ярославцев. Например, бурлескную сказку «Экспедиция в преисподнюю» или повесть «Дьявол среди людей».

Безусловно, каждый из братьев Стругацких был абсолютно самодостаточной творческой личностью, хотя наивысших результатов они добились в тандеме. Кроме того, успели еще выступить авторами ряда сценариев, в том числе, экранизаций собственных произведений (достаточно вспомнить фильм «Сталкер» Андрея Тарковского по их повести «Пикник на обочине» и вольное переложение Алексеем Германом на язык кино «Трудно быть богом»). Наконец нельзя не упомянуть о прекрасных литературных переводах выдающихся произведений европейских и японских прозаиков, которые совместно и порознь осуществили Стругацкие.

...Они были очень дружны и неразлучны, несмотря на то, что Аркадий жил в Москве, а Борис в Питере. Встречались для общения и работы то у одного, то у другого, или же надолго запирались в Доме творчества... Тесно дружили между собой и их талантливые семьи.

По завещанию прах Аркадия Стругацкого был развеян в Подмосковье. Прах Бориса Стругацкого, пережившего старшего брата на 11 лет, развеяли над Пулковскими высотами.

А мы, независимо от возраста, образования, убеждений, по-прежнему остаемся, и будем оставаться в плену магии книг Стругацких, с их сочным языком, мгновенно узнаваемым юмором, гипнотическими сюжетными коллизиями и актуальными, волнующими морально-этическими проблемами. □

«В октябре, в октябре частый дождик на дворе...»

Октябрь — середина осени.

С полей уже окончательно собран урожай, да и запоздавшие стаи перелетных птиц устремляются на юг, в теплые края. Иногда, случается, выпадают погожие и даже жаркие для осени деньки, но «бабье лето» обманчиво — мелькнет, и нет его; небо часто хмурится, поливая землю мелким дождем. Природа готовится ко сну — не за горами уже и скорый приход матушки-зимы.

Славяне называли октябрь, второй месяц осени, листопадом. Это удивительное, необыкновенно красивое зрелище. Классик русской литературы Серебряного века Иван Алексеевич Бунин так и назвал одно из самых пронзительных в своей лиричности стихотворений — «Листопад». Вслушаемся в музыку его первых строчек: «Лес, точно терем распис-

ной, / Лиловый, золотой, багряный...»
А какие же праздники отмечали наши далекие предки в октябре месяце?

В середине осени (14-го) на Руси вот уже много веков отмечается Покров Богородицы. Но на самом деле история этого христианского праздника восходит еще к языческим временам. Название древнего праздника изменений не претерпело, только

связан он был с покровом — первым инеем, покрывавшим землю и возвещавшим о скором наступлении морозов. Это был праздник встречи осени с зимою — к этому времени уже окончательно завершались все работы в полях, а хозяйки начинали топить избы и прясть на всю семью теплую одежду. Этнографы зафиксировали несколько устойчивых обрядов, связанных со славянским праздником Покрова, корни которого теряются в седой древности. Одним из таких был любопытный ритуал «запекания углов». Считалось, что охранник жилища, домовый, с этого дня впадал в спячку. И вот чтобы задобрить его на этот длительный период, наши предки подносили духу дома угощение в виде особых ритуальных блинов, прося сохранить тепло в доме на период долгой и суровой зимы.

При этом первый из блинов разделяли на четыре части и клали по куску в каждый из четырех углов избы в качестве подношения, дабы домовый был сыт и спокоен. Ну а после этого уже накрывали на стол различные вкусности, приглашая незримого человеческим глазом стража дома отведать трапезу. Молодые, еще не вступившие в брак девушки молили в день Покрова богиню Ладугу об удачном замужестве. И, конечно же, гадали на будущего жениха, как же без этого?! Не удивительно, что именно с этого времени начинались вечерние посиделки девушек, а также открывался период гуляния разудалых свадеб.

Интересно, что, согласно народным воззрениям, на второй день после праздника Покрова, перед тем как отправиться в подземный мир Нави на зимнюю спячку, лесные духи устраивали в лесу своеобразное веселье: гнули и ломали деревья, обрушивали на леса и поля вихри, загоняя зверей в норы. Поэтому крестьяне старались без крайней необходимости в этот день не наведываться в лесные уголья, чтобы не накликать на себя беду. С первыми же петухами следующего дня лесная «нечисть» проваливалась в навий мир, где и пребывала уже до весны, до времени пробуждения медведя из своей зимней берлоги.

На исходе октября, славяне отмечали день Макоши-пятницы. Дата праздника плавающая, связана с ритмами луны и всегда приходится на ближайшую к последнему осеннему месяцу пятницу. Сутью праздника было прославление богини семьи и рождения Макоши. Кроме того, именно в этот день существовало строгое табу на ведение любых хозяйственных дел, особенно женских (шить, стирать, вязать, готовить и т.п.). Считалось, что богиня Макошь покровительствует в первую очередь занимающимся пряжеческим ремеслом. А также прядет нити человеческих судеб. Однако стоит помнить, что богиня не слепо плетет веретено людских судеб. Макошь дает возможность каждому свободу воли в его деяниях. И, уже исходя из выбора человека, посылает ему испытания. Поэтому всякий, кто приходил в этот

день на родовое капище для священной молитвы, должен был взять с собой веретено или же клубок шерстяных нитей. Также в день Макоши активировали заранее приготовленные амулеты, обереги для дома (например, обережные куклы, которые всегда делались без лиц, чтобы в них не вселились злые духи) и чирь (ритуальные знаки славянских богов).

Ближе к вечеру девушки пели песни и водили обрядовые хороводы, заряжаясь небесной божественной энергией. Юноши же показывали свою молодецкую удаль, мерялись друг с другом силой. Ну а затем все члены общины собирались за одним общим столом, и начинался пир. На богатом, празднично украшенном столе должны были обязательно присут-

ствовать мясные блюда, а также свежее испеченный хлеб и фрукты — дары плодовых деревьев.

Завершался октябрь, на дорогах устанавливался зимний путь. Крестьяне заменяли телегу на сани и по перволедью выходили в самом конце октября на первый зимний лов рыбы. В день перехода с 31 октября на 1 ноября наступала волшебная (чародейная) Велесова ночь. В это время небесный бог-охранитель священного древнего знания из высших миров Белобог окончательно передавал сварожье Коло года (огненное колесо, символизировавшее круговой годовой цикл) своему брату-близнецу, обладавшему грозной разрушительной силой Чернобогу, а врата из мира Нави до самого рассвета были широко распахнуты в наш мир Яви... □

ПРОДЕЖКИ ЭЛЕН,

или Дама из преисподней

ГЛАВА 1

Мы с коллегой сидели в самом дальнем кабинете редакции нашей газеты, на девятом этаже, и горячо обсуждали сразу все журналистские проблемы. Собственно, ничего необычного в этом не было — так мы поступали каждый день, и, хотя времени у нас было мало, а проблем много, мы все же успевали придти к каким-то многозначительным выводам, оправдывающим наш журналистский статус, прежде, чем редактор заставлял нас за этим занятием и вопрошал, где же наша совесть. И тогда совесть приводила нас на свои рабочие места и помогала писать срочные материалы для очередного номера нашей замечательной газеты. Но в этот день редактор, видимо, еще только готовился совершить свой обход, этот каждодневный подвиг, и нам ничего не мешало общаться друг с другом и спорить до посинения. И вдруг в самый разгар нашей дискуссии в кабинет ворвался наш шеф со словами:

— Все, девочки, все! Немедленно за работу! Вся первая полоса пустая! Допрыгались! Долиберальничался я с вами!

Я мгновенно вскочила с места, открыла дверь в коридор и только шагнула за порог, как вдруг дверь лифта с шумом отворилась, из нее вышел совершенно черный человек и пошел прямо на меня... Я стала отступать назад, споткнувшись о порог, отлетела прямо к стулу, тихо пропищав: «А-а-а!» — и тут раздался голос Нинель:

— Ты что орешь? Опомнись, ведь это — Элен...

И тут я, наконец, подняла глаза на человека... Черные волосы были покрыты черной мужской шапкой и кое-где непослушно из-под нее выбивались. Черная шея торчала из черной засаленной фуфайки. В таком же со-

стоянии были и черные ватные брюки, засунутые в страшные кирзовые сапоги. Лицо тоже было черным, вымазанным сажей и еще бог знает чем, а из-под этой сажи, из этого черного камуфляжа на нас смотрели большие серо-голубые глаза... Вдруг это лицо осветила улыбка, вслед за которой до нас долетели слова:

— Девчонки! Наконец-то я до вас добралась! Если бы вы знали, чего мне это стоило! Я ехала в товарняке... Без копейки денег... Потому что сбежала... Надев то, что оказалось под рукой...

Да, это действительно была Элен. А проще — Лена, наша бывшая практикантка, в то время — студентка одного из лучших университетов России. И мы не видели ее несколько лет... Но она была настолько яркой личностью, что никак не могла стереться из памяти тех, кто с ней общался, тем более — из нашей. Мало того, что она хорошо писала, у нее был легкий, изящный стиль, ироническое отношение к самым сложным проблемам, отчего они казались вполне разрешимыми, она еще и играла на сцене! В своем университете, а до этого — в нашем городском драматическом театре. Причем занимали ее не только в массовках, но и в небольших ролях. В свое время театр давал ей направление для поступления в соответствующий вуз, но она предпочла актерскому искусству наше, журналистское.

Приехав к нам в газету на месячную практику, Лена с ходу влюбилась в редакторского сына Игоря, а он, соответственно, — в нее. Они краснели и вздыхали, завидев друг друга, часами стояли в коридоре или на парадной лестнице, держась за руки, словно маленькие дети, назначали друг другу свидания и мчались на них сломя голову... Каждый из нас сочувствовал влюбленным, потому что мы понимали то, чего они постичь тогда еще не могли — редактор и его жена обязательно найдут способ положить этому конец. Причина была проста — Лена довольно поздно поступила в университет, и на тот момент ей было уже двадцать пять, тогда как ее любимый сидел еще на школьной скамье и готовился сдавать экзамены на аттестат зрелости. К тому же мальчик был не только обаятелен, но и умен, и редакторская чета прочила ему светлое будущее в столице — естественно, не омраченное ранней женитьбой на простой девушке, дочери неизвестных родителей, не имеющей московской жилплощади и прочной материальной обеспеченности. И когда это все же произошло, они сначала опешили, а дней через десять редактор своей властной начальственной рукой подписал Лене все необходимые бумаги, утверждающие, что она отлично прошла практику, заплатил ей неплохой гонорар и отправил обратно к месту учебы, посоветовав больше не возвращаться в нашу редакцию. Однако влюбленные не смирились — Игорь продолжал сбегать с уроков ради свиданий с любимой, только встречались они теперь не на редакционной тер-

ритории, а в городском парке, на набережной, а то и у Лениной бабушки. Родители девушки уехали работать на Крайний Север, чтобы поправить свое материальное положение. Бабушка же с удовольствием встречала Игоря, ибо видела, как он нравится ее внучке. Тогда редактор, взбешенный происходящим, вызвал к себе Лену и объявил ей, что, если она не оставит в покое его сына и тотчас же не уедет, он позвонит декану факультета журналистики и даст ей такую характеристику, с которой она никак не сможет закончить университет. И что даже прекрасное знание языков — французского и испанского — ей не помогут... Именно в это время Игорь и еще несколько старшеклассников поехали в Питер на какую-то олимпиаду, и потому Ленины слезы вытирала только бабушка. Редактор поговорил и с ней — приехал для этого специально, и она с тяжелым сердцем проводила в путь рыдающую внучку...

Конечно, нам всем было ее жаль, но в то же время мы понимали, что через год-два, когда у мальчика будет элитное окружение в столичном университете, когда из этой золотой молодежи, словно из волн морских, выйдет Афродита и обаяет его и красотой, и молодостью, и богатством, и папой в министерском либо ином кресле, и готовой столичной квартирой в престижном районе, то он не устоит, потому что в его воспитание уже заложено ожидание этой манны небесной... Каждый из нас думал — и хорошо, что она уехала. Время лечит. Все забудется, дай бог. На этом и закончились в то время наши думы о Лене.

Мы вспомнили о ней тогда, когда она стала Элен, блестящей переводчицей с испанского, и неожиданно приехала в наш город проведать свою бабушку... Она вошла в редакцию как королева — высокая, изящная, одетая с потрясающим вкусом, и сразу же направилась к Нинель, где, как и сейчас, сидела я. Она рассказала нам, что работает в известной испанской фирме и довольно редко бывает в России, что теперь у нее решена одна проблема — материальная, она имеет возможность помогать родителям, бабушке, что недавно купила себе квартиру в Москве — правда, небольшую, но очень уютную и с видом на какие-то пруды. Но при этом призналась, что все это ее не очень радует, потому что мысли, а, главное, сердце ее по-прежнему занято Игорем. Она не знала, где он, что с ним, и нам выпала нелегкая миссия рассказать ей об этом. Собственно, мы знали немного — Игорь поступил в университет, познакомился с дочерью известного кинорежиссера и... женился на ней. Папа невесты сначала готов был выделить им чуть ли не кусок киностудии, но ограничился однокомнатной квартирой — правда, в центре столицы. Редакторская чета была несколько разочарована... Недавно Игорь приезжал, один, заходил в редакцию. Счастлив ли он? Честно говоря, никто из нас не мог этого понять.

Раньше парень буквально светился от переполнявшего его чувства. Теперь же он показался нам каким-то аморфным, словно женитьба не прибавила ему сил и энергии, а наоборот... Все. Больше мы не сказали ей ничего, потому что ничего и не знали. Ни адреса его, ни телефона. Но, видимо, впоследствии она узнала это сама, потому что однажды, обсуждая газетную статью о любви, редактор недвусмысленно заметил, что первое чувство бывает необыкновенно сильным, и порой побороть его нет никакой возможности, что даже телефонный звонок бывшей возлюбленной готов перевернуть вполне налаженную, спокойно текущую жизнь молодого человека. Думаю, он имел в виду своего сына...

Уезжая от нас, Элен пообещала устроить нам поездку в Испанию за минимальные деньги. Мы терпеливо ждали. И вдруг...

— Девчонки, закройте дверь... Чтобы меня никто не увидел... Я и так минут пятнадцать торчала в вестибюле за колонной, ждала, когда охранник уйдет... И сразу бросилась к лифту...

Мы добросовестно заперли дверь на ключ. Все молчали, понимая — девушке трудно говорить. Наконец Нинель на правах хозяйки кабинета и вообще мудрой женщины спросила:

— Ленка, что ты натворила? Выкладывай! А то сейчас по твоим следам сюда нагрянет, не знаю кто, и как нам тогда тебя выручать?

Она села на стул и тихо начала свой совершенно невероятный рассказ:

— Я... машину купила... «Пежо»... Серебристого цвета... Как ракета... И водить научилась, представляете... И вот недели три назад возвращаюсь к себе домой из филиала нашей фирмы, он в Подмосковье, и чувствую — давление, черт бы его побрал!

— В машине? — спросила я, ничего не знающая о двигателях внутреннего сгорания.

— Во мне! В голове! В сосудах! Моих... Не могу рулить... Остановилась, проглотила таблетку андипала и жду, когда боль отпустит и можно будет двигаться дальше... А машины мимо просвистывают! Вдруг... мужик идет через дорогу... Покачивается... А, может, мне показалось, что покачивается, у меня в голове все качалось... Словом, переползает через трассу, хотя пешеходный переход метрах в ста... Но он здесь ползет, где машины... Дошел до середины дороги и ждет, когда его кто-нибудь собьет... Ну и, конечно, сбили... Джип его вроде и не задел, вроде и аккуратно проехал, я даже номер его запомнила, а мужик остался лежать бездыханный... Я вызвала по сотовому всех — и полицию, и «скорую». «Скорая» констатировала смерть. Естественно, я назвала полицейским номер машины, которая сбила мужчину... И себя... Свой адрес... Потом спокойно подъехала к своему дому... К своей ракушке... Упаковала свой «пежо»... И не чувствовала никакой, ну просто никакой опасности!

Видели ли вы когда-нибудь слезы, текущие по лицу, густо намазанному сажей? Каждая слезинка оставляет за собой этакую белую проталинку, которая вытягивается вдоль щеки и превращается в светлую полоску. А потом Элен окончательно потеряла дар связной речи, и нам пришлось буквально переводить все пережитые ею ужасы, выраженные в междометиях, на нормальный русский язык.

Оказывается, через несколько дней произошло следующее. Возле гаража, куда она ставила свой «пежо», на девушку неожиданно набросились два дюжих молодца, затолкали ее в машину и повезли куда-то. Везли долго, глаз не завязывали, но велели пригнуть голову, так что встречных названий она не видела, к тому же стало темно. Она пыталась спрашивать, зачем ее похитили, но мужчины упорно молчали. Наконец машина подъехала к старому кирпичному дому с обвалившейся штукатуркой и большими окнами, въехала во двор, обогнула здание и остановилась возле маленькой задней двери без всякой вывески. Дверь была заперта. Один из мужчин постучал три раза, и дверь открылась. Ее втащили внутрь и передали мужчинам в белых халатах — очевидно, санитарам. Их было двое. При этом никто ничего никому не говорил, словно все было заранее запланировано. Похитители тут же исчезли. Ее же взяли под руки и повели по длинному унылому коридору, затем по лестнице — на второй этаж, там — вновь по коридору, потом открыли одну из белых дверей, которых здесь было множество, втолкнули в комнату, и тут же за своей спиной она услышала поворот ключа... Ее заперли — одну в этой крошечной тьме, в здании, похожем на больницу или на какой-то институт, который занимается непонятными медицинскими исследованиями. Может, ее привезли сюда в качестве подопытного кролика? Но почему именно ее? Как первую попавшуюся? Нет, тут явно было что-то совершенно другое... Окна комнаты, где она оказалась, выходили во двор, а там было уже темно, но Элен обладала замечательным даром — она неплохо видела в темноте. Ей надо было лишь привыкнуть к мраку и настроить свое зрение на эту черную пелену, чтобы пронзить ее своими лучиками, идущими откуда-то из глубины мозга. Она подождала несколько минут, и вдруг из темноты выплыли белые стены, две высокие железные кровати, тумбочки возле них, раковина и небольшой ящик с крышкой — скорее всего, унитаз. Так оно и оказалось. Но самое интересное, что на одной кровати лежало нечто, напоминающее человеческое тело, но это нечто не шевелилось! Элен прикинула, где здесь может быть выключатель, и тут же увидела этот темный бугорок на светлой стене. Честно говоря, ей было невообразимо страшно, но она подошла к выключателю и включила свет! Несомненно, это была больничная палата. И так же несомненно, что на одной из коек лежал человек. По всей видимости,

женщина — не может же это быть мужская палата! Почему-то она с головой укрыта одеялом... Элен подошла поближе и тихо спросила:

— Вы спите?

И не получила никакого ответа. Более того, ей показалось, что она не слышит дыхания спящей...

— Я вас прошу, ответьте мне, пожалуйста... Вы спите? Да? Вы так неслышно дышите, что... можно всякое подумать...

Элен подошла ближе, осторожно взялась пальцами за краешек одеяла возле ног спящей и потянула его на себя... Сначала из-под одеяла показались седые волосы, затем — серый морщинистый лоб, закрытые, глубоко запавшие глаза, потом — заостренный нос, устремленный вверх, причем из него не вырывалось даже самое слабое дыхание — вообще никакого движения воздуха, и, наконец, одеяло обнажило открытый рот, упавший вниз подбородок... Эта женщина была мертва!

Элен потеряла сознание...

Очнулась она вновь в кромешной темноте — очевидно, в палате кто-то побывал и выключил свет. Она попыталась его снова включить, но не тут-то было... Конечно, могла вдруг перегореть лампочка, но, скорее всего, свет вырубил где-то в коридоре, на каком-нибудь электрическом щитке, устройства которых Элен никогда не знала. Она отошла от покойницы в самый дальний угол и постаралась не смотреть в ту сторону. От страшного внутреннего напряжения ей стало казаться, что все ее мышцы дергаются, вибрируют, а вскоре она почувствовала, что тело ее трясет, а зубы, красивые, ровные и здоровые, мерзко стучат друг о друга. Почему она не стала стучать в дверь, звать на помощь, не попыталась открыть окно и вообще сделать хоть какой-то шаг к свободе? Во-первых, кричать она считала для себя унижительным и рассудила при этом — если ее специально заперли в клетке с покойницей, значит, так у них было задумано, и никто палец о палец не ударит, чтобы ей помочь. Во-вторых, даже если она откроет окно и будет кричать, ее голос вряд ли кто-нибудь услышит, кроме ее «телохранителей», — это здание, насколько она заметила, находится где-то на отшибе, рядом с ним вроде бы и нет никаких строений... А вот с окном попробовать можно — только не кричать, а попытаться его открыть и произвести разведку — что там, внизу, и можно ли туда прыгнуть... Она повернулась лицом к окну и стала вглядываться в двор... Кажется, деревьям, которые там росли, было лет по пятьдесят... Видимо, столько же — и этому зданию... Окно было крепко заперто, причем замки оказались какими-то странными, словно дверные засовы, только повернутые на девяносто градусов, то есть опрокинутые как бы носом вниз... Она попыталась вытащить эти засовы из ячеек, и у нее получилось. А дальше Элен ждал небольшой

сюрприз — окно открывалось не внутрь створками, а наружу... Комнату заполнил свежий воздух. Она забралась на подоконник и попыталась разглядеть, что там, внизу. Возможно, там земля, да еще и мягкая — какая-нибудь клумба, но кто знает? А вдруг — куча железа, в которую она сейчас рухнет навеки? Или асфальт, что вероятнее всего, и тогда она просто размажет себя по его серой поверхности...

Ей стало холодно, и она осторожно отошла от окна, предварительно закрыв одну его створку, села на пустую кровать — вполоборота к соседней койке...

Элен просидела так до самого рассвета, передумав обо всем на свете. И приняла пока только одно решение — прикинуться парализованной. Хотя бы частично. Сделать вид, что так на нее подействовало присутствие покойника — они ведь специально затолкали Элен к умершей, чтобы она пришла в ужас. Зачем? Чтобы парализовать ее волю, наверное. Вот она и сделает вид, что они добились своей цели. А поняв, что она сломлена, эти негодяи ослабят свой контроль, и ей будет легче все взвесить, проанализировать, чтобы при первой же возможности бежать отсюда! Элен не сомневалась, что предпримет эту попытку. И так, у нее отказали ноги... Или руки? Нет, надо «парализовать» себе одну руку и одну ногу. Правую. Она левша, но они ведь об этом не знают! И так, у нее вообще отнялась правая половина... Надо это только хорошенько себе представить... Отнялась — и баста!

С этим решением Элен и просидела в полудреме до самого рассвета... Вдруг в коридоре послышались чьи-то шаги, дверь палаты открылась, мужчина в белом халате принес ей тарелку с манной кашей и кружку с чаем, поставил все это на тумбочку и тут же пошел обратно. Все это — молча. Жестом она показала ему на покойницу, но он и ухом не повел. Когда его спина была уже в дверях, Элен застонала. Он оглянулся и увидел, как своей левой рукой она трогает ставшую какой-то безжизненной правую руку, ощупывает ее. Мужчина метнул на нее острый взгляд, вышел из палаты и запер за собой дверь.

Через какое-то время ключ в дверях вновь повернулся, в палату вошли двое с носилками, положили на них покойницу и быстро удалились. А Элен вдруг нестерпимо захотелось спать — сказала бессонная ночь. Еще она решила, что так ей легче будет пережить голод — не есть же эту еду, в которую неизвестно что подмешано! Хотя... Пить-то ей придется, а в воду тоже можно подмешать что угодно. Тем не менее, она повалилась на кровать и мгновенно уснула...

Проснулась Элен оттого, что кто-то трогал ее за руку. Трогал осторожно, чуть слышно. Она чуть приоткрыла глаза — над ней склонился пожилой человек в белом халате. Конечно же, врач.

— Ну, вот вы и проснулись, милочка, вот и ладно, — тепло сказал он. — А уж муж-то как за вас переживал, как переживал! Любит. Любит...

— Ох... как больно... Но у меня нет никакого мужа...

— Значит, друг... Друг-то у вас есть?

— Нет... Ох, ох... Боже, что с моей рукой... ногой...

— У вас что, вообще нет друзей?

— Нет, они есть, но... как бы это вам сказать... Я плохо чувствовала правую руку и ногу... Я так перепугалась... Ступить не могла... Сейчас вроде получше, но... Здесь был покойник! По-кой-ник!

— Мы проверим, голубушка, не волнуйтесь... Это — не Наполеон в голове, не Черчилль, не Мерилин Монро... Ручки-ножки мы ваши подлечим... А про друзей-то вы не рассказали... Ваши друзья — это... — И доктор стал выписывать своим указательным пальцем в воздухе какие-то невообразимые кренделя... — А? Они, да?

— Я... не поняла... У меня все болит...

— Один, два... Девятьсот девяноста девять... Четыреста четырнадцать... Пять минус семь — получится минус два, да? О, да, я понимаю, я уважаю ваши таланты, увлечения, познания, в этом нет ничего плохого... И напрасно ваш... друг так беспокоится...

— А... о чем он так беспокоится? — решила все же выяснить Элен.

— Да вот и я говорю — не о чем! Человек может дружить с кошкой, собакой... С игрушкой... Иные со стенами разговаривают... С вещами... Так почему же нельзя дружить с цифрами? Цифра — не стена... Она живая, я понимаю... Многие философы придавали особое значение цифрам и утверждали, что на них держится весь мир... Так что ваши цифропостроения — вещь вполне логичная...

Итак, кое-что становилось ясно — похитители Элен выдавали ее за сумасшедшую, помешанную на цифрах! Только почему именно на цифрах? Хорошо бы это выяснить...

— Но... какое именно цифропостроение вы имеете в виду?

— Определенное сочетание цифр, и вам это прекрасно известно. Цифры, в которые вы влюблены. Но не в каждую по отдельности, а в определенном порядке... — И «добрый доктор Айболит» назвал Элен номер машины, сбившей пешехода, а затем еще какие-то сочетания цифр.

Что ж, после этого ей все стало более или менее ясно. Правда, непонятно, зачем виновным в убийстве на дороге понадобилось столько возни — привозить ее в сумасшедший дом, помещать в палату с мертвецом, инсценировать нелепое психическое расстройство на почве цифр...

Хорошо, что ей вовремя пришлось в голову смириться со своей влюбленностью в цифры, не перечить, не усугублять свое положение, чтобы ее

перестали стеречь в оба глаза. Все последующие дни она мирно беседовала с доктором, никого не злила, со всем соглашалась, при этом ходила еле-еле, опираясь на палочку, которую ей принес врач. Ее перестали запирают. Однажды даже разрешили выйти во двор. По больничному двору она ковыляла тихо и безучастно — это на всякий случай, если кто-то следит за ней. На самом же деле она внимательно осмотрела каждое окно, каждую дверь, каждую дорожку в саду, обследовала забор, нашла там несколько дырок, через которые вполне можно пролезть. Правда, днем это сделать было бы затруднительно — от здания шли две дороги, одна на север, другая — на восток, и обе замечательно просматривались из окон. Да и куда они вели, она не знала. Однако бежать решила по северной дороге — оттуда временами слышался шум поездов... Тем более, что эта дорога уходила куда-то вниз, и, всего вероятнее, там должно быть жилье, тогда как восточная дорога казалась пустой и безжизненной, словно на необитаемом острове... Но как бежать в халате и больничных тапочках? Можно, конечно, прихватить с собой одеяло, но в таком виде Элен вряд ли удастся сесть в автобус или в поезд.

А, между тем, осень брала свое, стало холодно, здание же отапливалось из кочегарки, находящейся, естественно, внизу, где и появились кочегары. Эти мужчины приходили чисто одетые, один даже с портфелем, потому что он был учитель, а другой — со спортивной сумкой через плечо — художник. Где они жили, Элен не знала, но поняла, что ребята здесь подрабатывают. Велико было искушение заговорить с ними, рассказать о себе и своей беде, посоветоваться, как быть, попросить их заявить в полицию о том, что ее держат здесь незаконно, покрывая преступников и преступление. Но она решила, что ей могут не поверить, и тогда она вновь окажется запертой в своей палате... Однако кочегары заинтересовали ее в ином плане — у них была одежда.. Спецовки, сапоги, шапки, рукавицы. Словом, все, что требуется, чтобы можно было выдать себя за рабочего парня, возвращающегося со смены... Дверь в кочегарку часто была приоткрыта, дежуривший там рабочий время от времени выходил подышать свежим воздухом, а также делал вылазки в столовую, которая находилась в здании. Элен решила, что этого времени вполне хватит для кражи одежды второго кочегара, сменщика, который заступит на следующую вахту. И вот однажды ближе к вечеру она дождалась, когда кочегар пошел ужинать, и спокойно спустилась в его «апартаменты». Слава богу, одежда и все остальное находилось в старом, облезлом больничном шкафу, покрытом слоем угольной пыли. Сапоги она сразу же поставила за открытую входную дверь, чтобы забрать их позже, а спецовку, штаны и ватник вынесла, прижимаясь к зданию, чтобы не видно было из окон, в большой ящик

с песком, притулившийся в самом углу больничного сада, и забросала песком. Что ж, ее номер почти удался... Самым сложным было выйти из здания, но она умудрилась сделать это сразу после ужина, так что ночь ей пришлось встречать в кустах. Никто не помешал ей переодеться, кинуть в песок свой халат с тапочками, пролезть в дыру, открывающую путь на север, и идти по этой дороге быстрым шагом, насколько позволяли сапоги сорок какого-то размера, прижимаясь к обочине, чтобы не быть замеченной... Кстати, там, за оградой, она наверняка могла найти вывеску с названием учреждения, из которого бежала, но не стала тратить на это драгоценное время.

В какой-то момент дорога довольно круто пошла вниз, и она увидела вдалеке огни. Сердце забилось от радости, и она ускорила шаг. Наконец дорога уперлась в шоссе, как бы влилась в него, и Элен уже более уверенно продолжала свой путь. Часа через два она вышла к маленькой станции, на которой мирно стоял товарный состав. Все вагоны были плотно закрыты, и тогда Элен залезла на угольную платформу... Она очень устала, поэтому легла прямо на уголь, вырыв себе небольшую ямку, чтобы ее не было видно. Сначала легла на бок, свернувшись калачиком, потом, когда стало трудно дышать, перевернулась на спину и, глядя в бездонное небо с мерцающими звездами, не заметила, как уснула. Проснулась оттого, что состав вдруг тряхнуло, потому что он резко затормозил. Оказывается, поезд ехал на север, и уже рассвело, так что, если не поднимать голову, а смотреть в большую щель прямо на уровне глаз, можно прочесть названия станций. Она так и сделала, и вскоре убедилась, что до ее спасательного круга, то есть до нас, осталось всего часа два езды... И, главное, редакция-то наша находилась прямо напротив вокзала — беги и спасайся!

...Выслушав всю эту приключенческую повесть, мы крепко призадумались — что же делать дальше? И как вообще человеку жить, если его в любой момент могут вычислить, похитить, убить, в конце концов! И за меньшее убивали. А тут — свидетель преступления... Нет, без хорошего детектива нам явно не обойтись — слишком уж все запуталось. Неизвестно ведь, какие у московской полиции лежат теперь показания, может, там все перевернуто с ног на голову... А выявит ли прокуратура укрытое преступление, никто не знает. Что же остается? В подобных случаях, а они у нас уже были, выход виделся один — призвать на помощь из соседней области частного детектива Валентину Орлову, с которой мы не только росли в одном дворе и учились в одной школе, но и распутали несколько интереснейших дел. Валентина обладала многими удивительными свойствами, но одно из них всегда резко выделяло ее из среды сыщиков — она умела думать и разгадывать самые замысловатые криминальные загадки, не просто следуя то-

му, что под рукой, а выстраивая тончайший психологический рисунок преступления... Я изложила свою гениальную мысль присутствующим, и все они, кроме самой Элен, меня горячо поддержали. Она же замялась, а потом сказала, что не знает, когда попадет к себе домой и что там найдет, так что, скорее всего, не будет иметь возможности сразу же расплатиться с Орловой. Я заверила ее, что Валентина может подождать, ибо больших материальных проблем у нее сейчас нет, а ситуация, в которой оказалась Элен, наверняка окажется ей по зубам.

Нинель уже приготовила ей свой спортивный костюм, оставшийся здесь после какого-то субботника, которые мы исправно проводили, и кроссовки. Быстро переодевшись и умывшись в туалете, наша гостья уже стала похожа на человека. Она сидела чистенькая, притихшая, а я, не мешкая, тут же позвонила Валентине. Домой. И трубку взял мужчина! Сначала я подумала, что ошиблась — Валентина давно разошлась со своим первым и единственным мужем, он ушел к другой женщине, с которой вместе работал, она родила ему ребенка, чего не смогла сделать моя подруга, и с тех пор мужчин в ее доме не появлялось. Я представилась и объяснила, кто мне нужен. Мужчина тоже назвал себя — Платон Петрович, и сказал, что его жена вот-вот подойдет к обеду. Я не выдержала и поздравила его с таким замечательным приобретением, как моя подруга. Он поздравил меня с тем же самым. Пока мы «поздравлялись», подошла Валентина и взяла трубку. Конечно же, я начала с торжественной речи — не каждый день наша подруга выходит замуж, да еще за мужчину с таким редким и красивым именем... И где она только его нашла? Оказалось, что в Сибири, куда ездила в командировку. Я изложила ей суть дела, причем, говорить старалась не прямо, а нашим с ней годами выработанным шифром, включающим в себя и разные выражения, и различные аналогии, и много всего другого.

— Валь, а я к тебе — за помощью... С работы звоню... О кино статью пишу... Помнишь, был такой старый фильм — «Свидетель преступления»?

— Предположим, — нерешительно ответила подруга.

— А к нам актриса приехала, которая в этом фильме играла! Представляешь? Врубается? — прямо спросила я.

— Так, так... Главную роль, да?

— Да, да!

Слава богу, она поняла. Потому что в фильме главная роль, кажется, принадлежала мужчине.

— И вот теперь мы не знаем, что делать... без тебя...

— Откуда она приехала? — деловито осведомилась Валентина.

— Из Москвы, откуда еще, все звезды там. К сожалению, она приехала не на собственной машине, а то бы мы за тобой съездили, а на поезде...

— Тут такое дело, я, право, не знаю... Сегодня, во всяком случае, мне никак не выехать...

— А завтра? Ты ведь знаешь, зря я к тебе с такими просьбами не обращаюсь... Это твое... Твой жанр... Ты, и только ты!

— Так она к вам прямо с места, так сказать, съебок?

— О, нет! Со съебок ее неожиданно увезли неизвестно куда — актриса же, нарасхват! И оттуда долго не отпускали, так что ей пришлось всех перехитрить, и — к нам! Мы ведь тоже хотим ее видеть!

— Завтра! — твердо сказала Валентина. — Может, Платон меня подвезет и во всем поможет — у нас с ним одна профессия. Машина есть. Посмотрим, одним словом! Проконсультируем вашу актрису. Пусть только в титрах нас упомянет.

— Непременно!

Я положила трубку и гордо посмотрела на наших женщин — Валентина завтра будет здесь.

— Да понимаешь ли ты, Элен, что такое эта Валентина? — вопрошала я, меряя шагами кабинет Нинель. — Валентина — это: острый ум, зоркий глаз, тонкая психологическая нацеленность...

— На удачу! — закончила за меня Нинель.

— Сейчас заплачу! — сыронизировала Элен. — Потому что ко мне спустится ангел... Завтра, я поняла, да? И я увижу крылышки...

— Элен, ты что, не хочешь, чтобы тебя спасали? — прямо спросила я. — Так ведь еще не поздно дать отбой... Но тогда тебе придется выкручиваться самой...

Она вмиг посерьезнела и заверила меня, что ехала к нам именно за спасением...

Мы понимали, что у нее было огромное желание пойти к своей бабушке, которая по-прежнему жила в нашем городе, но делать это опасно — ее недруги, скорее всего, узнали координаты родственников девушки и могут поджидать ее у дверей, поэтому решили перестраховаться, и Нинель пригласила девушку к себе домой, а дальше — как получится. Она специально принесла для нее шляпу с большими полями, скрывающую половину лица, и темные очки — за таким камуфляжем беглянку никто не узнает...

Вечером я все свое оставшееся от Элен и работы внимание уделила драгоценному, терпеливому, все понимающему мужу и своим замечательным детям и, когда легла, наконец, спать, мне пришла в голову гениальная мысль — отправить Элен на работу в одну из наших районных газет, в глубинку, так сказать. И я даже придумала, в какой именно район — в самый дальний. Но какая там красота! Кругом леса, а воздух! Недаром там построили знаменитый на всю страну санаторий. Кажется, в той районной

газете как раз не хватало сотрудника. Главное, можно будет устроиться инкогнито, а точнее — под чужой фамилией. Дело в том, что в столе у Нинель хранился билет Союза журналистов и паспорт одной дамы, которая в какой-то момент сочла их потерянными. Она как раз уезжала в Польшу, так как вышла замуж за варшавянина, и ей срочно оформили новые документы, а когда новобрачной уже и след простыл, неожиданно нашлись старые — в каком-то шкафу, который переставляли из отдела в отдел. Но вручить их было уже некому — дама хозяйничала в Варшаве, в старинном родовом особняке, и вряд ли очень нуждалась в принадлежности к нашему журналистскому братству. И возраст у них с Элен примерно одинаковый... Надо только нашей бедной девочке постараться сделать себе такую же прическу, как у пани, и все дела! Кто там, в районке, будет что-то проверять! Да они так обрадуются Элен, что и не пикнут, если даже что-то заподозрят! Лишь бы работа шла! Я немедленно позвонила Нинель и шепотом изложила ей свой план. Он ей понравился, она тут же передала это Элен, и я услышала, как та завизжала от восторга! Еще бы не визжать — уж там-то ее никто не отыщет, и жить будет на что — зарплата хоть маленькая, но все же... А потом, когда Валентина разберется, что к чему, можно будет и выходить из укрытия. Если ей этого захочется, конечно. При этом я имела в виду, что Игорь постоянно отдыхал в том самом санатории, и не пройдет нескольких месяцев, как они могут столкнуться там нос к носу... И вполне возможно, что ей уже не захочется никуда уезжать... Я одернула себя — эх куда меня занесло! У этого Игоря, между прочим, есть жена. Мы ее еще ни разу не видели, но это ничего не значит. Вполне может быть, что она — замечательная женщина, святой человек... А не она ли, кстати, устроила всю эту круговерть вокруг Элен? Если у человека есть деньги, он может нанять кого угодно для чего угодно... Надо будет высказать эту мысль Валентине... Нет, глупость какая-то... При чем здесь тогда сбитый мужик? Надо реально смотреть на вещи, а не фантазировать.

Итак, следующий день обещал быть наполненным хорошими, добрыми делами — на пользу Элен. Правда, там будут фигурировать чужие документы... Но чего не бывает в жизни! Лишь бы человека спасти...

ГЛАВА 2

На следующий день я, как обычно, опоздала на работу — это давно уже стало традицией, моим вторым «я», которому никто не удивлялся. Никого это, кстати, и не возмущало, потому что я за час могла сделать столько же, сколько иной сотрудник — за весь рабочий день. Если у меня было

хорошее настроение, разумеется. И начальство, зная об этом, не делало мне никаких замечаний насчет дисциплины. Но сегодня я пожалела, что опоздала, потому что, выйдя из лифта, увидела открытую дверь кабинета и сидящую за своим столом чуть не плачущую Нинель. Рядом, потеряв всяческую осторожность, жалась бледная и дрожащая Элен, которую любой из сотрудников мог увидеть! Господи, что случилось? Нинель, увидев в моих глазах сразу тысячу вопросов, показала на окно. Я подошла к нему. О! Внизу, на обочине дороги стояла полицейская машина и сразу две «скорые помощи». Из одной показались носилки. А посреди дороги, под углом девяноста градусов друг к другу, стояли две искореженные машины — «Волга» и какая-то иномарка, рядом с которой прямо на асфальте лежала пожилая женщина... Из «Волги» выносили мужчину... Полицейские нагибались то к одной машине, то к другой, измеряя одним им ведомые расстояния, а также призывая зевак не сужать их рабочее пространство, и не быть столь любопытными.

— Тебе хорошо — ты живешь в другой стороне... Ты шла и не видела всего этого ужаса... А мы... А мы, — сквозь слезы говорила Нинель. — Мы ехали с ней на автобусе, понимаешь? И видели из окна, как это все произошло...

— А может, мне сейчас куда-нибудь сбежать? — неожиданно спросила нас Элен. — И черт меня дернул запомнить этот номер! Но он просто сам ворвался в мою голову... Просверлил мне мозги... И потом — я разбираюсь в машинах... «Фольксваген» — это чудо... Я бы поменяла на него свой «Пежо», хотя моя машина более элегантна...

— А что, может, ей действительно сбежать? — с надеждой спросила меня Нинель.

Я одобрила эту мысль — все равно ведь номер скрывшейся машины Элен уже назвала полиции, так что совесть ее может быть чиста. Расследование пойдет своим чередом, а ей пока надо скрыться — хотя бы до приезда Валентины, чтобы эта мудрая женщина подсказала ей, как себя вести дальше. Нинель быстро сунула девушке ключи от своей квартиры, а потом вместе с ней шагнула в лифт. Вернулась она минут через пять с чувством исполненного долга.

— Отправила... Пусть у меня пока посидит... Вот не было печали! И ведь как она этот номер узрела, не пойму! Я тоже смотрела во все глаза, но хоть бы одна цифра отложилась в памяти... А она... Ей бы сыщиком работать!

— Ага. А пока она от них бежит, как заяц.

Хорошо, что она сбежала. Стать один раз свидетелем преступления и не скрыть этого — подвиг. И повторить его — это, наверное, уже подлинный героизм. У нас ведь как — ничего не видел, ничего не слышал, ничего никому не сказал... Так и живем, забившись в норы... А она так не смогла...

На пороге кабинета появился полицейский и, увидев меня, расплылся в улыбке:

— Вот и встретились! При трагических, так сказать, обстоятельствах... — Он перевел взгляд на Нинель и представился: — Колесов Иван Николаевич. А где наш главный свидетель? Нинель... Максимовна, кажется, да?

— Нинель Максимовна — это я. Вы что-то напутали...

— Хм... Нет, меня интересует девушка, которая запомнила номер «фольксвагена», наделавшего дел. Ездят по дорогам так, как будто в гонках участвуют... Сволочи... Ну, так где же ваша подруга?

— Подруга? Не знаю... — Нинель явно тянула время.

Тут вступила я со своей дурацкой арией о том, что являюсь не кем иным, как ее подругой.

— А где та?

— Не знаем... Куда-то испарилась, — как можно беззаботнее ответила я.

— То есть как это — испарилась? Там ведь женщину убили... А вы тут шутки шутите, — укоризненно проговорил Колесов. — Нет, серьезно — где мне ее найти? В каком кабинете?

— Вообще-то она у нас не работает, — ответила Нинель. — Так, появляется время от времени...

Очевидно, терпение у Колесова лопнуло, потому что он весь покрылся пятнами, как-то странно запыхтел, тихо пробормотал себе под нос об отсутствии у нас гражданской совести, развернулся и стал подниматься на десятый этаж — он бывал у нас не раз и отлично знал, где находится кабинет редактора.

— Доигрались, — грустно сказала Нинель. — Сейчас шеф будет вытряхивать из нас все, что мы видели... Надо придти к какому-то одному знаменателю... Не знаем ее, и все! Когда-то о чем-то писала, но мы даже фамилии ее не запомнили... Угу?

Ну конечно, угу. Но только этот Колесов Иван Николаевич вовсе не так прост, как думает Нинель. Я знаю о нем больше нее. Он очень внимателен, любопытен, у него хороший слог — начал писать рассказы, которые мы, скорее всего, опубликуем. У меня в папке лежат два его опуса, и очень неплохих. И он вполне может так описать сейчас редактору нашу Элен, составить такой точный и выразительный словесный портрет, что шеф сразу поймет, о ком идет речь. И нам, ей-богу, не поздоровится. Высказав Нинель свои сомнения, я предложила нам с ней тут же удалиться — на время. Ну, хотя бы спуститься в столовую, откуда нам будет видно, когда уйдет Колесов, либо когда приедет Валентина. Нинель тут же соскочила со своего стула, схватила сумочку, вытолкнула меня за дверь, заперла кабинет, и мы помчались вниз по лестнице, побоявшись воспользоваться

лифтом — вызовем его и попадем в объятия шефа со стражем порядка, которые должны, по идее, вот-вот спуститься к нам...

В столовой мы сели в уголке, так, чтобы нас не было заметно. Ждать нам пришлось совсем недолго — к подъезду, который находился рядом со столовой и хорошо просматривался, подкатила темно-синяя иномарка, из которой вышел крупный мужчина с короткими седыми волосами ежиком, обошел вокруг, открыл дверцу авто даме, и она выплыла оттуда, как королева, опираясь на его руку... Это было похоже на выход царственной особы. Но самое интересное, что этой царственной особой была моя потрясающая Валентина! Мы с Нинель, которая тоже ее знала, сорвались со своих мест и бросились навстречу. Обнимаясь так, словно не виделись целую вечность, мы, естественно, не заметили, как из лифта вышли шеф с Колесовым.

— Рад вас видеть, Валентина Васильевна! Какими судьбами? — выдавил из себя редактор, которого дергал Колесов, не понимающий, почему шеф теряет время и не разбирается с нами, — он не знал Валентину.

— Я тоже рада. А о судьбах не решусь и говорить — много, знаете ли, такого, что сегодня ты сидишь у себя дома, а завтра уже в другом городе...

— Да, да. И все же — что у нас натворили эти женщины, а? — показал шеф на нас с Нинель.

— Этого я еще пока не знаю, — кокетливо ответила Валентина. — Нам еще только предстоит сделать такое открытие...

Колесов, начавший кое-что понимать, ввернул фразу о том, что это следует сделать быстрее, потому что мы, по всей видимости, скрыли свидетеля преступления, и теперь ему, Колесову, будет очень трудно восстановить истинную картину дорожно-транспортного происшествия. А еще он добавил, что, если мы будем молчать и его дезориентировать, то нас официально вызовут для дачи показаний. И тут шеф решил сказать свое веское слово:

— Я понимаю — у вас, то есть у нас важная гостя... Но это не дает вам права скрывать полученную информацию... То есть — источник информации... Кто это был? — Он буквально сверлил нас с Нинель своими глазами-буравчиками.

— Господи! Да это внештатница какая-то, мы же объяснили товарищу, — с оттенком возмущения сказала я, показав на героя своего очерка и интервью.

Колесов несколько смутился. А шеф не сдавался.

— Но у этой внештатницы, я полагаю, есть имя? Назовите его!

— Если бы мы знали! — печально изрекла Нинель, поняв, что мне трудно врать в одиночку. — Видели ее у нас... Мелькала...

— Хорошо. Но в каком отделе она мелькала, вы, по крайней мере, знаете?

— Нет, — хором ответили мы обе.

Валентина и ее спутник еле сдерживались от смеха. А я чувствовала, что шефа так и подмывает крикнуть нам: «Прекратить!», но он не решает-ся это сделать из-за наших уважаемых гостей.

— Молодая дама, назвав номер машины-убийцы, сказала, на каком этаже и в каком кабинете ее искать, — решил внести ясность Колесов. — В вашем, — указал он на Нинель.

— Не знаю уж, что ей пришло в голову... Мы просто ехали вместе в одном троллейбусе...

Я стала потихоньку удаляться от шефа с Колесовым, делая вид, что мне срочно надо поговорить с Валентиной. Нинель, переминающаяся с ноги на ногу, тоже незримо приближалась к нам. Шеф что-то тихо сказал Ивану Николаевичу, а потом громко — нам:

— Через час — у меня! Я сейчас съезжу в администрацию, вернусь и буду вас ждать! И советую вспомнить имя неизвестной... А то мне Иван Николаевич так ее расписал, что впору предположить, будто это... некая девица из прошлого! — И он вместе с Колесовым вышел на улицу...

Мы вздохнули спокойно, познакомились с Платоном Петровичем, который оказался полковником полиции, одним из руководителей уголовного розыска, ментом с двадцатилетним стажем! — и поднялись наверх, в кабинет Нинель. Там закрылись и рассказали Валентине и ее мужу обо всех московских приключениях Элен, о том, как она вообще свалилась на нашу голову, естественно, и о редакторском сыне, а также о сегодняшнем происшествии, признавшись, что мы намеренно отправили девушку домой к Нинель, и теперь совершенно не знаем, что нам делать. Я поведала и о своей идее устроить ее на работу в районную газету под чужой фамилией и с чужими документами.

— Да... Думаю, для того, чтобы начать спокойно во всем этом разбираться, надо пока хотя бы избавиться от опеки гаишников, — подытожила нашу информацию Валентина.

А Платон Петрович засел за телефон и, пока мы обсуждали все касающееся Элен, видимо, договорился с кем-то там о встрече, потому что, положив трубку, заявил, что оставляет нас, дабы не терять драгоценного времени, и ушел. Мы тоже не стали задерживаться и отправились домой к Нинель, где нас ждала дрожащая от собственной наблюдательности девушка, готовая, мне кажется, на все, чтобы избавиться от страха и обрести покой...

ГЛАВА 3

Элен и Валентина, видевшие друг друга впервые, встретились так, как будто были знакомы долгие годы. Иначе и быть не могло — Элен надея-

лась на меня, а уж я-то знала, что Орловой можно было доверить все, в том числе и собственную жизнь. Валентина всегда умела располагать к себе людей, но здесь она превзошла все мои ожидания, потому что обняла Элен, словно маленькую девочку, нуждающуюся в защите, прошептала ей какие-то ласковые слова, и беглянка стала тихо, медленно отвечать на вопросы — она очень волновалась, и в то же время ей хотелось быть предельно точной. Картина вырисовывалась довольно интересная — вполне обеспеченная девушка, обладающая московской квартирой и многими другими предметами зависти большинства людей, в одночасье, при загадочных обстоятельствах вдруг теряет все и в робе кочегара на угольной платформе приезжает в город, где родилась и выросла... — под его крыло. А если быть точнее, под наше...

— А что это у вас за шрам? — вдруг спросила Валентина, бросив взгляд на руку Элен.

Та смутилась и, кажется, даже покраснела, но руку не спрятала, и мы с любопытством воззрились на аккуратный шрам, идущий от запястья вверх по руке и составляющий сантиметров пять-шесть в длину.

— Валентина Васильевна, я понимаю — вы хотите мне помочь, и за это вам огромное спасибо, но есть вещи, о которых я не хотела бы говорить... Тем более — это не имеет отношения к моим сегодняшним проблемам...

Валентина нисколько не обиделась на эти слова, а спокойно взяла руку Элен и стала ее внимательно рассматривать.

— Лезвие бритвы... Оно оставляет именно такой след... Правда, дело было не год и не два назад, а значительно раньше... Вы что, пытались перерезать себе вены? Покончить с собой? Но почему?

Мне стало жаль Элен, и я решила вмешаться:

— Валя, мы же тебе рассказали — несчастная любовь...

— Пойдите, девочки... Или я ничего не понимаю в любви, или вы сделали выводы, лишённые всякой логики... Ведь Игорь любил вас, Элен?

— Да... Я уверена — да!

— Ну а несчастная любовь, по моим скромным, но, думаю, верным понятиям, — это когда один человек обожает другого и мечтает связать с ним всю свою жизнь, но — увы! — это чувство и желание не являются обоюдными...

Мне хотелось напомнить Валентине о том, что Элен с Игорем разлучили, вот почему ее любовь оказалась несчастной, но... А ведь моя подруга права — при чем тут разлучили? Любовь-то, если она настоящая, никуда не исчезает, не испаряется, а наоборот, загнанная глубже в сердце, хранится как самое святое и светлое чувство...

— Почему же вы все-таки так с собой поступили, а? — не отставала Валентина. — Подозреваю, что у вас была другая причина... Я не могу

этого пока определить, потому что слишком плохо знаю вас, Элен, могу лишь перечислить причины, которые обычно приводят к такому поступку... Во-первых, действительно несчастная любовь... Затем — неотвратимое наказание за какое-то преступление. Причем наказание, которое должно перечеркнуть всю жизнь... Все напрочь. Причиной может быть и неспособность справиться с проблемами, со свалившимися на человека бедами. Либо страшная, невосполнимая потеря, после которой человек не видит смысла жить... Порой на жертву воздействуют внушением, гипнозом, убеждая ее покончить с собой, — это может делать кто-то из недоброжелателей. Ну, и... в последнее время такие случаи довольно часто происходят из-за наркотиков... Когда человек не может достать дозу, он стремится таким способом прервать свои мучения... Вид крови заставляет забыть о желаниях, потребностях — страх за свою жизнь оказывается сильнее... И что вы на это скажете, Элен? Почему вы молчите?

— Я не молчу. Просто среди перечисленных проблем моей нет.

— Девочка, я в этом не уверена. У вас просто не хватает мужества признаться. Но ведь никто и не настаивает. Хотя я думаю, что это может иметь отношение к ситуации, в которой вы оказались.

— Нет! — резко и довольно грубо крикнула Элен.

У меня было такое впечатление, что она вот-вот сойдет с катушек. Видимо, это поняла и Валентина, потому что сразу перевела разговор на другую тему, и мы все вернулись к «нашим баранам». Валентина попросила Элен нарисовать ей все, что случилось тогда на дороге, обозначив, где была ее машина, откуда и куда шел пешеход, с какой стороны появился убийца на «железном коне», а еще спросила, как человек может овладеть искусством запоминать цифры, в данном случае — номера. Наша беглянка начала с последнего, объяснив, что талант запоминания цифр сидит в ней еще с детства — в школе она никогда не записывала номера телефонов подруг, а просто складывала их на полочку в своей голове, и по мере надобности они сами всплывали в ее памяти. В университете каждый, кто знал о необыкновенных способностях девушки, стремился превратить ее в свою ходячую записную книжку, умоляя запомнить телефоны своих бабушек, дедушек, сестер, братьев и более отдаленной родни. А началось все именно с номеров машин, которые она, раз увидев, повторяла для тренировки собственной памяти и уже не могла остановиться — это занятие превратилось в какую-то болезнь, которая подтачивала ее здоровье, нервы. И все-таки сила воли стала побеждать — Элен избавилась от этой привычки. Но редкие способности остались. И потому номер машины, сбившей того пешехода, прямо-таки сам въехал в ее память...

— А имя и фамилия пострадавшего не въехала? — поинтересовалась Валентина.

Элен ответила, что, разумеется, нет, ведь при нем, насколько она помнит, не было документов. Но зато въехал номер сегодняшней машины, которая натворила бед под редакционными окнами. Моя подруга ответила, что у девушки действительно феноменальные способности, и попросила на листке бумаги написать номера этих машин. Ни секунды не раздумывая, Элен написала, а потом стала рисовать схему первого происшествия. На прямоугольнике, изображавшем ее машину, она нарисовала цветочек, на авто убийцы — крест. Моей подруге очень понравился ее рисунок, четкий и ясный — она сама любила рисовать подобные схемы, которые всегда чрезвычайно помогали ей в расследовании.

Из дальнейшего рассказа беглянки Валентину больше всего заинтересовало помещение психушки — если это была она, — какие там коридоры, палаты, служебные кабинеты и прочее, а также внешний вид здания, вплоть до того, какого цвета там штукатурка, и высоко ли от земли находятся окна первого этажа. Элен вызвалась сделать рисунок здания и схему его внутренних помещений.

— А на робе, в которой вы сюда прибыли, нет каких-либо опознавательных знаков? — спросила Валентина. — Может, там — ярлык учреждения, которому принадлежит котельная, штамп, клеймо... Вы хорошо осмотрели эту одежду?

— Вообще-то нет, — призналась Элен. — Мне как-то и в голову не пришло. Я быстро переоделась и была так рада, что приобрела человеческий вид, что мне на эту грязь и смотреть больше не захотелось... Но ведь можно взглянуть...

— Да, это все лежит в моем шкафу, в нижнем ящике. Завтра придем в кабинет, и... Хотя это можно и сегодня сделать! Сейчас! — вскинулась Нинель.

— Хорошо бы, — заметила Валентина.

По идее, идти в контору и осматривать одежду, в которой сбежала героиня, надо было именно Нинель — как-никак, а кабинет и шкаф были ее, а не мои. Но в то же время нелепо было гнать отсюда хозяйку и оставаться в ее квартире без нее. Некрасиво. Так что идти пришлось мне.

Я сумела тайком дойти до кабинета Нинель — пробиралась не с центрального входа, а через типографию, потом поднялась на свой этаж, схватила висящий у раковины ключ Нинель, тем же путем вернулась на свою половину и, выждав на лестнице, пока коридор опустеет, нырнула в нужный мне кабинет и заперлась. Вытащив из шкафа вонючую, промасленную робу, стала ее внимательно изучать — увы, никаких меток на одежде не было.

Ни единой. Зато в кармане лежали зажигалка и ножик. Зажигалка работала. Ножик, обмотанный какой-то промасленной бумажкой, не открывался, да я и не стала особенно стараться, так как боялась поломать себе ногти. А вот бумажку на всякий случай раскрутила — там были записаны какие-то цифры. Кочегар, видимо, что-то подсчитывал — может, количество сожженного угля. Положив ее в карман, я принялась за брюки. Они тоже не принесли никаких неожиданностей — кроме хлебных крошек там вообще не было ничего! С чувством исполненного долга я вышла из кабинета, быстро его заперла и ринулась вон из редакции...

Плоды моих трудов разочаровали Валентину. Как и то, что я не соблаговолила захватить с собой нож и зажигалку.

— Валя, но это — обыкновенный перочинный ножик и самая дешевая зажигалка, которые постоянно выбрасывают в мусор! В конце концов, ты ведь не просила меня их принести!

— Да у меня даже в мыслях не было, что ты не сообразишь этого сама!

Валентина вздохнула и подвела скудный итог нашего расследования. Мы не продвинулись ни на шаг. Однако подруга заверила нас, что завтра в некоторые вопросы уже, возможно, будет внесена ясность, потому что ее Платон Петрович намеревался связаться с подмосковной службой полиции, чтобы узнать обо всех нюансах первого происшествия.

Оставив Элен с Нинель, мы с Валентиной отправились в гостиницу, где ее должен был ждать обожаемый муж. По пути она рассказала мне о том, как они поженились, начав со своей сибирской командировки, которую устроил ей именно Платон — у них возникли сложности с раскрытием одного дерзкого убийства, и он, вспомнив о феноменальных способностях Валентины, призвал ее на помощь

Меня взволновал рассказ подруги. А когда я волнуюсь, то руки мои ходят ходуном, мне необходимо что-то смять, порвать, скрутить, сжать... На сей раз досталось бумажке, которая лежала у меня в кармане. Я извлекла ее на свет и покаялась, что забыла передать сию важную улику ее светлости лучшему частному сыщику страны. Валентина осторожно раскрутила бумажку и стала внимательно ее изучать, а потом вдруг неожиданно по-мальчишечьи присвистнула:

— Номера машин... Ей-богу, это — номера машин! Говоришь, бумажка была обмотана вокруг рукоятки ножа? Элен рассказывала, что, когда сбегала из психушки, шла ночью по дороге с этим ножом... Но откуда же и когда появилась эта бумажка? А, впрочем, какая разница? Я пока не вижу здесь ничего такого...

Мы подошли к гостинице. Валентина стала быстро подниматься на свой этаж, а я едва поспевала за ней. В номере Платон Петрович спокойно пил

кофе и поджидал нас. На столе были разложены какие-то бумаги с записями на скорую руку. Валентина, едва раздевшись и вымыв руки, села за стол и стала изучать все, что добыл ее муж. Наконец она отложила прочитанные листы и произнесла:

— Собственно, так я все себе и представляла.

— В ваших кабинетах всегда было хорошо с бумагой, — заметил Платон.

— При чем здесь это? — спросила она.

— А у нас бумаги всегда не хватало, поэтому мы часто писали на обратной стороне...

Валентина быстро придвинула к себе бумаги и перевернула их — три листа оказались исписанными. По мере того, как она читала, на лице ее с той же скоростью разрасталось удивление, перешедшее прямо-таки в торжество! Она подняла голову, в упор посмотрела на меня и тихо сказала:

— Твоя девица... Ваша хорошая девушка Лена забыла нам сообщить, что знала, кто именно был сбит тогда на подмосковной дороге...

— Разумеется, она могла об этом узнать после происшествия... Вокруг живут люди... Кто-то его узнал... — бросилась я на защиту Элен.

— Не вешай сама себе лапшу на уши! Вот показания гаишника... Он утверждает, что владелица «пежо», якобы стоявшего на обочине, наклонилась к пострадавшему, когда он лежал на дороге, и назвала его по имени-отчеству...

— По какому еще имени-отчеству?

— Он не помнит... Но слышал и имя, и отчество... Кроме того, он уверяет, что девица ему что-то говорила...

— Пострадавшему?

— Ну да. И говорила со злостью! Прямо-таки шипела ему в лицо. Правда, когда увидела, что за ней наблюдают, сделала сострадательную мину...

— Шипела... Свидетели трагедий всегда склонны преувеличивать, даже полицейские... И... какой ты делаешь вывод?

Валентина задумалась. При этом она, как и я, стала теревить от волнения какой-то листик — это оказалась многострадальная бумажка, найденная мной в робе Элен. Поймав мой взгляд, она развернула ее и вдруг, не выдержав, закричала:

— Батюшки-светы! Тут как раз номер машины, сбившей этого человека! Вот, он есть в твоей информации, Платон! Видишь? Только почему-то не указано, кому это авто принадлежит... Остается понять, номер какой машины здесь еще значится... Если бы эта записка была написана сейчас, сегодня утром, например, я бы могла предположить, что под вторым номером здесь обозначена машина, по вине которой сегодня у вас произошла авария... Но ведь записка находилась в робе еще до этого... И если она

принадлежит Элен, а не ее похитителям, то как девушке удалось ее сохранить? При похищении она лишилась своей одежды, ее облекли в больничный халат... И заботливо переложили туда эту записочку, что ли?.. А если номера записывали ее похитители, то зачем им это было надо? Какая интересная загадка! И какая ты молодец, что меня позвала! Для меня разгадывание каждого такого ребуса — это приток энергии... Обновление сил...

Неожиданно Платон потянулся к телефону и набрал какой-то номер. Когда ему ответили, он представился и попросил назвать номер машины — виновницы сегодняшней катастрофы возле редакции. Ему назвали. Он записал и протянул эту запись Валентине. Я тоже посмотрела на указанные там цифры. И — на кусочек бумажки из кочегарской робы... Нет... Этого просто не может быть! Не может! Тут какая-то ошибка... ерунда... мистика...

— Вот это номер! Вот это задачка! — воскликнула Валентина. — Тут какой-то тонкий расчет... Я пока не могу сказать ничего определенного, но только пока...

— Валя, давай сейчас же позвоним Элен и спросим у нее самой, что все это значит! — предложила я.

— И спугнем зверя. Нет, дорогая, доверчивая моя Наташенька, ты и словом не обмолвишься при ней об этой записке с номерами машин... Ни словом, ни звуком... Будем думать сами. Будем искать.

— Но... у тебя есть уже хоть какие-то предположения?

— Пожалуй, да. Но только предположения. По первому, так сказать, пункту. На дороге сбит мужчина, которого твоя Элен прекрасно знала, потому и назвала по имени-отчеству. По ее поведению можно понять — она рада, что этот человек уходил в мир иной... Возможно, это связано с их испанской фирмой... Он узнал о них что-то криминальное и стал их шантажировать... Потребовал денег за молчание... Либо представлял какую-то угрозу для самой Элен. Для одной. Мало ли что она натворила в жизни! Этот шрам на руке...

— Я знаю, Валя, о чем ты подумала. Но следов от шприца я не заметила, хотя специально вглядывалась...

— Наркотики можно и нюхать... И принимать в виде таблеток...

— И ты думаешь, что их фирма или она сама разделались с этим мужиком-шантажистом? Или просто много знавшим? — уточнила я, чтобы отойти от нехорошей темы, не связанной, я уверена, с Элен.

— Возможно... Возможно... А знаете, какая идея мне пришла в голову? Не она ли сама, на своей машине и сбита этого мужчину, а? А полиции назвала первый попавшийся номер. И записала его, чтобы самой не забыть...

— Валя, окстись! А как же — похищение, психушка, ее побег?

— Хм... А это мы еще посмотрим — как... Уверена — что-то из моих догадок обязательно окажется правдой... Но второй номер... Второй

номер... Молодец ваша Ленка! Но и мы-то не лыком шиты! А, Платон? Съездить нам надо в Подмоскovie, и в саму Белокаменную, где фирма эта расположена, дома у Элен этой побывать... Да и здесь с сегодняшним происшествием получше бы разобраться... Свидетель, видите ли, преступления... И какая точность! Эти номера у нее, наверное, прямо от зубов отскакивали! Прошу тебя, Платон, как можно скорее узнай, кому принадлежат машины с этими номерами... И вообще нам необходимы все подробности об участниках происшествий...

Я уходила от Валентины совершенно подавленная — как же, нашу бедную Элен подозревают во всех грехах! И кто? Валентина, которая так редко ошибается, что порой становится жутко, словно все-то она знает наперед.

Естественно, я ничего не сказала Нинель и ее гостье. Элен оставалось лишь переночевать в городе — на следующий день мы планировали отправить ее в районку, и Валентина одобрила этот план. Отправим, и в спокойной обстановке будем раскрывать ее тайны без нее...

ГЛАВА 4

— Ну, что мы сегодня будем впаривать нашим баранам? — грозно спросил членов своей команды кандидат в депутаты городского законодательного органа.

Все молчали. Во-первых, потому, что знали — кандидат и так каждый день набирает очки и обязательно победит, все его соперники давно отстали и плетутся в хвосте, того и гляди вообще поснимают свои кандидатуры. Во-вторых, молчали потому, что идей никаких уже не было — все, что только можно было придумать и осуществить, уже давно воплотилось в жизнь. И вдруг один самый неугомонный член команды тихо, но уверенно сказал:

— У меня есть тут одна мыслишка... Сложная очень, правда...

— У тебя — и сложная? Быть того не может! — твердо заявил ему кандидат. Но, видя, что парень смутился, милостиво разрешил: — Выкладывай!

— Думаю, что сейчас нам... то есть вам... то есть избирателям необходим эмоциональный всплеск... Сильный... На основе, так сказать, героического жеста... Поступка... Вашего...

Все с любопытством уставились на него. А он взволнованно, без конца прилизывая свои вспотевшие от напряжения волосы, продолжил:

— Вы должны спасти... ребенка, например! Да, лучше всего ребенка!

— От чего спасти? — деловито осведомился кандидат.

— Предположим, ребенок будет тонуть в нашей речке, а вы в это время окажетесь на берегу, рядом... На дорожке...

— Но мой джип к нашей речке не подъедет...

— При чем здесь джип! Вы будете прогуливаться... Дышать воздухом...

— Возле нашей речки? Куда сбрасывается грязь с нескольких фабрик? Да чем же там дышать! Я не самоубийца! И потом — какой ребенок ползет сейчас в реку? Чай, не лето.

— Ребенок увлекается осенней рыбной ловлей. Кандидатуру я уже продумал. У меня есть родственник, и, если ему заплатить, он может и нырнуть... Парень закаленный, ничего ему не сделается...

— За оплатой дело не станет... Но... Я что, должен буду бросаться в воду? И как мы устроим, чтобы все это увидели, а? Чтобы пресса там оказалась... Как говорится, рояль в кустах...

— Так ведь через три дня юбилей завода! На берегу будет гуляние, торговля, игры всякие... А тут и вы со своим подвигом... Надо бить наверняка! Понятно, вы — впереди, вас уже никому не догнать, но все же подстраховаться не мешает...

— Да я и сам это понимаю. А то перед самыми выборами какой-нибудь охламон разыграет из себя жоака и уведет все стадо...

— Это может случиться даже и в день выборов, — заметил один из присутствующих.

— Да та же горгона Медуза может подбросить нам свой яд... Кстати, вы ее нашли?

Горгоной, этой мифической ядовитой женщиной, кандидат прозвал неизвестную даму, объявившую ему вендетту — неизвестно почему.

— Нет. Испарилась. Как в воду канула, — ответил заместитель и по совместительству земляк кандидата.

— Плохо, — заметил шеф. — Странно как-то с ней получилось...

— Не вижу ничего странного...

— Не видишь, потому что не знаешь того, что знаю я... Не могу постичь — может, против меня так умело расставлены сети, что я уже пойман, только еще об этом не догадываюсь?

— Шеф, что вы имеете в виду? Поделитесь с нами — коллективный разум, так сказать...

— К черту разум! Да еще коллективный. Ладно! Не буду вам пока ничего грузить! Давайте думать о происшествии... Предстоящем... Где гидрокостюмы-то достают? А может, не надо никакого костюма? А то ведь раззвонят — купил, мол, потому что заранее знал, что в воду ползет... Подстроено, дескать, у них все... Заразы! И ведь сколько я денег на них выбросил! На всех! Хотел еще лотерею избирателей организовать с крупными выигрышами... По номерам бюллетеней... Чтобы пришли на участки-то... Так ведь запретили! Подкуп избирателей... А когда я деньги даю бедным и обездоленным — это не подкуп... Заразы все! Без гидрокостюма полезу!

— Да, а вы плавать-то умеете? — спросил инициатор будущего героического поступка.

— Слава богу, да! Да и вы все, надеюсь, на подхвате будете. Мальчишка-то верный?

— Еще какой верный! Племянник. Двоюродной сестры сын. Ему одиннадцать лет. Уверен — даже родителям не скажет.

— Черт! Вот все вроде хорошо, все сходится, но что-то мне не по душе... Зависимость эта... Сегодня не скажет, а завтра, может, ему заплачат побольше, у него язык-то и развяжется...

— Ни-ког-да! Но... Если есть сомнения, можно вообще ему ни о чем не говорить... Он ведь еще не в курсе... Я, предположим, окажусь с ним в лодке, сделаю одно неосторожное движение, и...

— И — что? Да весь город знает, что ты — мой помощник! Нет уж, твоей физиономии там быть не должно!

— К тому же если узнают, что мальчишка — его племянник? — спросил кто-то из присутствующих.

— Не узнают! — заверил заместитель. — Они только-только сюда переехали.

— А... пацан-то плавает? В смысле — если я быстро до него не доберусь, не потонет? — спросил шеф.

— С пяти лет в бассейне занимался. С вышки уже прыгал.

— У меня еще вот какой вопрос — как я его буду спасать? Куда девать-то мальчишку?

— В лодку! Он с лодки упадет — за рыбой вроде как потянется... за крупной... За удочкой, — тут же ответил зам.

— Да какая в этой реке рыба!

— Но я же сказал — эта семья переехала к нам совсем недавно... Мальчик об этом не знает...

— Как зовут-то его?

— Гоша...

— Елки-палки! Так мы тезки!

— Да, Георгий Владимирович! Вы — полные тезки. У него и отчество такое же.

— Прекрасно! Замечательно! Ныряем! Все слышали?

— Да, — ответил нестройный хор.

— Вас заранее познакомить с объектом? — поинтересовался заместитель.

— А надо ли? Я думаю, он один там в воду-то упадет... Не десять же человек кинутся... Вообще-то в моем возрасте... Нырять... — Хорошо! Все! Расходимся! — изрек шеф, и комната вмиг опустела. Остался лишь первый зам, он же — руководитель команды, ведущей шефа к выборам.

— Георгий Владимирович, а что за странность вы имели в виду, когда говорили об этой горгоне Медузе?

— Ну, что ж... Тебе я, пожалуй, скажу... Вчера еще раз знакомился со всеми материалами дела... по тому убийству, которое мне приписывают... Оказывается, девица та сразу назвала номер моей машины... Четко и ясно. Как будто все время в уме его держала до удобного случая... Вот он ей и выпал... Но почему, почему?

— Эх, если бы ее найти!

— Ее надо найти! — воскликнул шеф.

Через три дня спектакль был сыгран как по нотам. Народу на берегу оказалось гораздо больше, чем предполагалось, люди пели под гармошку, плясали, пили пиво и более крепкие напитки. Всем было весело, все были под хмельком, напитки и закуски подвозились в несколько поставленных здесь палаток безостановочно. И народу показалось совершенно естественным, что их дорогой Георгий Владимирович, кандидат в депутаты, в прошлом врач, а ныне — «денежный мешок», ставший таковым путем открытия собственного «Медсервиса» и еще каких-то фирм, оказался вместе с ними на этом празднике жизни. Он неспешно шел по дорожке со своей постоянной свитой и громко — так, чтобы окружающие слышали каждое его слово — сетовал на то, что не может выставить гуляющим бочку пива и ящики водки — перед выборами это запрещено, можно слезть с дистанции. Кандидат уверенно направлялся к берегу реки, вдоль которого пролегал узкая тропка. Вдали на реке несколько рыбаков терпеливо сидели с удочками, презрев всякую логику относительно того, что рыба любит тишину и покой, а также чистую воду. Видимо, все-таки надеялись хоть что-то поймать. Среди рыбаков виднелся и мальчишка в черной куртке — лодка у него была старенькая, без мотора, но спиннинг — новый, яркий и красивый. Кандидат подошел почти к самой воде и шепнул заму, что хотел бы поплавать на лодке — навстречу судьбе, так сказать, да и бросаться на выручку мальчишке будет сподручнее. Тот сделал знак одному из рыбаков, который был недалеко от них, подплыть к кандидату, а когда мужик это сделал, то его попросили побыть на берегу и дать возможность будущему депутату поплавать в лодочке по родной реке.

— Бутылка! — поставил условие мужик.

— Две! — ответил главный помощник шефа. — Только чтобы все было спокойно...

Кандидат шагнул в лодку вместе с ним, взялся за весла, и мужчины медленно поплыли сначала вдоль берега, а затем — к середине реки. И тут они

увидели на берегу условный сигнал — фонтанчик бенгальского огня. В тот же момент мальчишка-рыбак оказался в воде и закричал благим матом:

— Помогите! Помогите!

Кандидат быстро скинул заранее расстегнутую куртку, бросился в воду и поплыл к мальчику. А тот, выныривая из воды, продолжал кричать, так что весь народ на берегу побросал свои песни и пляски и стал с интересом наблюдать за происходящим. Кандидат ухватил мальчика за загибок, за куртку, и они поплыли вдвоем к лодке — той, что была взята на прокат. Это, пожалуй, было единственным отклонением от режиссерского плана — лодка показалась кандидату слишком уж хилой, чтобы выдержать их двоих. Сначала он помог забраться в нее мальчику, а потом забрался сам. Друг без промедления взялся за весла, и уже через несколько минут лодка уткнулась в песчаный берег. Никто из команды шефа, естественно, не посмел заранее принести ему сухую одежду, но люди откуда-то раздобыли ее сами. Сотни глаз с восторгом наблюдали за тем, как их любимец, осушив заботливо налитый ему стакан водки, снимает с себя мокрый пуловер, рубашку и надевает на голое тело протянутую ему кем-то из толпы футболку с длинными рукавами, а на нее — свою куртку. Команда шефа взяла его в кольцо, чтобы он смог переодеть брюки. «Рояль в кустах» тоже стоял — корреспондент местной газеты давно уже хотел уйти, однако его умело удерживал один из членов команды кандидата, накачивая принесенным с собой коньяком и затеявая философские споры на разные темы. Корреспондент тут же под одобрительные возгласы толпы взял у шефа короткое интервью, завершив его высокопарным вопросом:

— Георгий Владимирович, скажите, как чувствует себя человек, совершивший подвиг?

— Помилуйте, да какой же это подвиг? Я ведь всю жизнь спасаю людей... У меня профессия такая... А уж где спасать — в медицинском кабинете или вот тут, в реке, — это значения не имеет... Уверен — на моем месте каждый поступил бы точно так же... Да, а где Гоша?

Это был существенный прокол шефа — мальчик не называл ему своего имени! Но кто об этом знал! Кстати, мог и назвать...

— А Гошу на завод увели... В административный корпус... Отогревают, — ответил заместитель. — Ему и «Скорую помощь» вызвали... Сейчас подъедет... Вам тоже вмешательство врача не повредит...

— Нет, я домой!

Кандидат уселся в свой джип, пригласив туда часть своей команды, и водитель осторожно повел машину мимо толпы, которая радостно и искренне улыбалась Георгию Владимировичу.

— Прокрутили кино, — тихо сказал он. — Мальчишке-то сколько? Десять хватит?

— Ну... можно и пятнадцать, — ответил его зам.. — Счет ему надо открыть в банке. И наличными дать. На игры там всякие...

— Ну, и тебе — моя особая благодарность. Столько же получишь, — благосклонно произнес шеф.

— Спасибо. Служу, так сказать...

Наутро городская газета вышла с рассказом о происшествии на реке и с интервью, которое дал Георгий Владимирович. Рейтинг кандидата так возрос, что достиг уже своего потолка — дальше расти было некуда. До выборов оставалось немногим больше десяти дней.

ГЛАВА 5

А в штабе главного соперника кандидата царило смятение. Этот противоборствующий субъект, признанный специалист по деятельности рынков и небольших торговых объединений-ансамблей, был на редкость трезв и зол. Надо сказать, что раньше он был трезв всегда, но потом, в силу каких-то личных причин — возможно, от успехов — у него просто развинтились крепко закрученные гайки, и на рабочее место, то есть в собственный кабинет, его нередко приносил по утрам водитель, а вечером забирал своего шефа тем же немудреным способом. Если в разгар рабочего дня ему необходимо было выехать на какую-то важную встречу, то верная секретарша Люся опохмеляла его только одной ей ведомым зельем, приводила в порядок его одежду, и он был готов хоть для киносъемок. Сегодня же у него даже не было желания выпить — злость поглотила все эмоции. Как же! Этот ушлый народный любимчик — народ, надо полагать, любит его с завязанными глазами — появился на речке как черт из табакерки и вытащил пацана из воды! Красиво вытащил. Эффектно. Так, чтобы все видели. Этакий рывок рубашки на груди — от широкой души и чистого сердца. Неужто, и впрямь? Рыночный специалист не верил в подобные штучки, зато он прекрасно знал, что изобретательность команды соперника не знает границ. Вот и этот их трюк прекрасно срежиссирован и сыгран — одним словом, их умыли. И время-то какое выбрали подходящее! Когда весь город на берегу — чтоб при всем честном народе, чтоб не напрасно! Ну что ж, проиграл — помалкивай, думай, как самому совершить рывок. А что он, к примеру, может сделать? Поймать какого-нибудь маньяка? Вряд ли это получится. Выпустить газету с клятвами в верности народу? Неплохо бы, да ведь это все слова, а кто сейчас им верит? Да и прочтут ли — еще вопрос... Спасти очередного ребенка?

Входили и выходили люди, озабоченные теми же проблемами, но к середине дня команда не сдвинулась ни на шаг. И тогда шеф решил напиться, слабо надеясь на то, что в голове наступит хоть какое-то просветление. Он выпил, затем вышел из здания, открыл дверцу своей машины и сел за руль. Два его охранника успели вскочить в авто еще до того, как заурчал мотор. Выбежала растерянная Люся, всплеснула руками, и рванувшая с места машина задела одну из них.

— Павел Михалыч! Павел Михалыч! — кричала секретарша в опустевшее пространство.

Шеф даже не повернул головы. Эпизод с Люсей не вызвал у него никаких эмоций. Машина набирала скорость и нехотя тормозила только у светофоров, а, выехав из города, помчалась по опустевшему шоссе. Возможно, от бешеной скорости, от холодного ветра, жесткими порывами терзавшего водителя и пассажиров, у Павла Михайловича и наступило некоторое просветление в голове, но злость снова затуманивала мозги, и он мчался вперед, чтобы найти хоть какой-то выход своим чувствам. Дорога резко пошла вверх, а потом начался такой же резкий и непредсказуемый спуск. Наверное, все это было отражено в дорожных знаках, просто он их не заметил. Как не заметил и того, что машина вдруг резко пошла влево, на полосу встречного движения, по которой мчался... танк! Да, да, самый настоящий танк. Как он здесь оказался, вряд ли кто-то мог объяснить. Скорее всего, солдаты угнали его из части с одной им известной целью. Чувствовалось, что танк намерен двигаться напролом. Павел Михайлович онемел от такой наглой решимости и потерял драгоценные секунды, чтобы безболезненно выйти из этой ситуации. Он рванул руль, резко подался вправо, уворачиваясь от бронированной машины, пересек свою законную полосу и врезался в дерево, росшее впритык к дороге. В глазах все поплыло, поблекло, почернело, черно-белые полосы, казалось, заслонили пространство. А потом стало темно. И в этой темноте светящимися буквами появились слова: что делать? Что же теперь делать? Он совершенно не думал о том, жив или нет. Что делать с репутацией — и это перед самыми выборами! Кто будет голосовать за алкоголика, врезавшегося в дерево и разбившего машину? Сквозь боль, крик и суету охранников, вытаскивавших его из разбитой машины, он уловил какую-то собственную мысль-решение, и понял, что в ней кроется его спасение. Возможное. Он открыл глаза, искал охранников, обрадовавшихся, что шеф приходит в себя, и жестами, шепотом, поскольку говорить нормально еще не мог, велел им тотчас же сфотографировать разбитую машину и его, бездыханного. Охранники с недоумевающими лицами выполнили его просьбу-приказ, затем созвонились с офисом шефа и вызвали две машины, в одну из которых

велено было посадить бригаду «Скорой помощи». Неофициальную. Никто не должен был знать, что шеф пьян. «Скорая» приехала быстро, а с ней — еще два охранника, готовые положить жизнь за репутацию шефа. Шеф же, оформив, наконец, свою главную мысль в голове, решил выразить ее словами:

— Девочка... Девочка...

— Ваша дочь? Она ждет вас дома, она уже все знает, — сказал один из подъехавших охранников.

— Не надо... Не надо... Девочка... Мячик... Дорога... На дороге... Мячик... Девочка...

— Павел Михайлович, дорогой, сейчас вы придете в себя, — утешал его врач. — Никакой девочки с мячиком на дороге нет, смею вас уверить... Примите-ка вот это... — протянул он шефу стопочку с какой-то прозрачной жидкостью.

— Есть... Есть девочка... Мячик на дороге...

Все посмотрели на одного из охранников, славящегося умением читать мысли шефа. Он помолчал немного, а потом вдруг выпалил:

— Павел Михайлович, господи, какой же вы герой! Я перед вами просто преклоняюсь! А где же эта девчонка? Где наша героиня в кавычках, а?

— Какая героиня? — недоумевал один из охранников. — Что-то вы, господа, того...

— Это ты — того. Спрашиваю второй раз. Особо одаренных. Где эта девчонка, выбежавшая на дорогу за своим мячом, ребенок, из-за которого наш дорогой Павел Михайлович вынужден был крутануть руль и вресть в дерево? Нет, ну не мог же он сбить ребенка! Вы что, в натуре!

Мозги охранников стали оживать от длительной спячки, в них, наконец, что-то забрезжило, прояснилось, и один произнес:

— Да... Так это... того... надо бы зафиксировать... Снять на видео...

— Снять пришлось только разбитую машину и нашего героя... жертвователя... И не на видео, нет у нас камеры, а фотоаппаратом чикнуть... Но эту девчонку теперь ищи-свищи! И куда подевалась, не знаю...

Охранники охотно включились в игру и стали «вспоминать», как было дело, а умеющий читать мысли шефа только осторожно подправлял своих коллег, чтобы для прессы и полиции получилась целостная картина, не испорченная разноголосицей по поводу того или иного эпизода, действия и всего происшествия. Выходило все очень ярко и красочно — шеф с охраной ехал в соседний городок к своей старой больной матери, когда случилось это дорожное происшествие. Надо сказать, что мать Павла Михайловича действительно жила в близлежащем городке, но дорогой сынок давно забыл к ней дорогу, ему было недосуг. Так вот, он так спешил к матери-старушке,

которую любит больше всех на свете, что, возможно, несколько даже превысил скорость. И в это время на дороге неожиданно появилась девочка, бросившаяся туда, кажется, за мячиком. Конечно, Павел Михайлович тут же, рискуя собственной жизнью, повернул машину. Он не выбирал, куда ехать. Все решали секунды. Главное — не задавить девочку! И на его пути как раз оказалось это дерево...

Полицейские подъехали тогда, когда «скорая» увозила Павла Михайловича. Кстати сказать, они прекрасно знали потерпевшего — на его деньги местное УВД приобрело несколько машин, поэтому терпеливо и внимательно выслушали рассказ охранников, зафиксировали представленные факты и отбыли восвояси, пообещав прислать технику, чтобы убрать останки машины своего спонсора. Следы девочки с мячиком никто не стал искать, да и вообще эта выдумка показалась полицейским наивной. Но хозяин — барин, пусть будет девочка с мячиком, это должно понравиться избирателям. Охранники же все вместе уселись в подошедшую из офиса машину, еще раз проанализировали все происшедшее и подробно сообщили об этом в офис. А потом попытались ответить на вопрос — видел ли кто-нибудь посторонний то, что случилось с их шефом? Дело в том, что в суете и страхе они не очень-то следили за дорогой. А вдруг в самый критический момент кто-то по ней проезжал и знает, что никакой девочки не было и в помине? Все посмотрели на самого внимательного охранника, и он кивнул — да, была машина, серебристый «пежо» с девицей за рулем, и ему показалось, что она даже приостановилась, но в это время они отдирали от руля руки намертво вцепившегося в него шефа и вытаскивали его из металлического блина, который ранее был машиной, удивляясь, как это их предводитель умудрился остаться в живых, так что ни номера машины, ни самой девицы охранник хорошо не разглядел, а потому и не запомнил. Тут раздался телефонный звонок из офиса — всю охрану немедленно требовали к себе подручные шефа, собравшие представителей местной прессы. Машина рванула вперед, и до самого города охранники репетировали свои выступления перед журналистами, распределяли, кто, о чем и как будет рассказывать. Забегая вперед, следует сказать, что все вышло очень убедительно — газетчики, радишники и телевизионщики посмотрели настоящий спектакль, о котором с восторгом и сообщили в своих средствах массовой информации. Кто-то из них даже бросил клич, чтобы девочка, ради которой уважаемый Павел Михайлович рисковал жизнью, отозвалась и позвонила или пришла в редакцию — вместе со взрослыми, разумеется. Но девочка не отозвалась. Сделали вывод, что, вероятно, она была не местная — мало ли машин каждый день проезжает мимо их города, даже не останавливаясь в нем!

Но в тот же день произошло еще нечто важное, только вот в какой степени, никто из охранников тогда еще не смог понять. Дело в том, что двое из них после всего пережитого решили пойти в сауну — успокоить нервы, очиститься от перенесенного смятения и страха. И вот, проходя мимо «резиденции» главного соперника их шефа, изобретательного Георгия Владимировича, они увидели тот самый серебристый «пежо», скромно стоящий на обочине дороги. Его хозяйка находилась у чугунной ограды, разглядывала стоящие за ней машины и заинтересованно разговаривала с одним из охранников. Ребята из охраны хоть и служили разным хозяевам, но хорошо знали друг друга, а потому поход в сауну был временно отложен и заменен на непринужденный разговор о том о сем...

— Привет, братцы! Разрешите постоять рядом с красивой девушкой...

— Отчего ж и не постоять! Тем более — по ту сторону ограды, вне нашей территории, — ответил им коллега из вражеского лагеря. И тут же спросил, не сдержав любопытства: — Вы что там, грохнулись, говорят?

— Говорят — кур доят, — уклончиво ответил самый внимательный охранник, следя за выражением лица девушки.

— Грохнулись, — уверенно заявил коллега. — Чего не сделаешь с пьяных-то глаз!

— А вот тут — поосторожней, не надо нам чужих ярлыков, понял? Ты видел, что он был пьяный, а? Видел?

— Да тут и видеть нечего. Трезвый в дерево бы не врезался... А, в общем, не мое это дело. Мы в деревья, слава богу, не врезаемся! Так что наш рейтинг сейчас с каждой минутой становится все выше и выше...

Девушка, дотоле чересчур внимательно разглядывавшая чугунную ограду, вдруг встрепенулась и спросила, не пострадал ли кто-нибудь во время этого происшествия, которое она имела несчастье наблюдать. Охранник ответил, что все, слава богу, целы, возможно, у их шефа сотрясение мозга, но он не зря рисковал своей жизнью! Зато девочка спасена!

— Девочка? — изумилась собеседница.

— Да, которая выбежала на дорогу перед самой нашей машиной, — ответил второй охранник, решив, что пришла пора и ему внести свою лепту в этот много значимый для них разговор.

— Странно... Я... как-то не заметила...

— Ничего странного. Нельзя хорошо вести машину и одновременно замечать все вокруг.

— Так ваш шеф — соперник Георгия Владимировича?

— Да. На втором месте по рейтингу. Отрыв, правда, большой... Но сейчас была пресс-конференция, где мы рассказали о его поступке. Что он, рискуя собственной жизнью... Это уже было по радио. И по телевидению.

Завтра читайте в местных газетах. Я думаю, что после этого наш опередит этого медицинского выскочку. Я в этом просто уверен...

Девушка немного помолчала и, к удивлению обоих охранников «героя», вдруг сказала:

— Да, да... Я начинаю припоминать... Действительно, кто-то был на дороге в тот момент... Ребенок, говорите? Да, скорее всего... За мной ехала машина с девочкой... Наверняка с той самой. Но потом эта машина свернула на объездную дорогу, не поехала в город...

Охранник вызвал по мобильной связи секретаршу Люсю и спросил, не остался ли в офисе кто-нибудь из журналистов. Оказалось, двое из областной газеты пробуют новый коньяк, который им подкинул кто-то из шефовских замов. Тогда он попросил Люсю немедленно подвезти их к офису соперника, где находится важный свидетель происшествия на дороге. Люсе не надо было повторять дважды ничего, что касалось благополучия любимого шефа. Почти в тот же миг журналисты были доставлены охраной и предстали пред ясные очи девицы, вдохновенно поведавшей им повесть про девочку, которую спас мужественный Павел Михайлович, причем имя его и отчество ей по ходу дела подсказал внимательный охранник. Он стоял, слушал ее и думал — с чего она так упоенно врет? Поэтому, когда журналисты ушли, тихо спросил у нее:

— Почему вы все это рассказали?

— Потому что я считаю это правильным. И справедливым, — твердо ответила девица.

— Но... какое вы имеете к этому отношение?

— Не ваше дело. Так. Все. Поговорили и забыли. И я вас больше не знаю. Прощайте, ребята!

Это «прощайте» относилось ко всем охранникам с той и другой стороны ограды. Девица прошла к своей машине, отперла ее, легко и грациозно села за руль, зная, что за ней наблюдают, и плавно покатила восвояси. Больше ее здесь никто не видел.

Но зато поздно вечером в кабинете Георгия Владимировича раздался телефонный звонок. Секретарша его давно ушла, референт — тоже, в офисе находилась еще только уборщица, и он сам взял трубку. Сначала кандидат с любопытством слушал, что говорили ему на другом конце провода, затем лицо его напряглось, помрачнело, стало тревожным, и он, выбрав, очевидно, паузу в монологе собеседника, резко сказал:

— Хватит городить чушь! Эк, куда вас занесло! Вы вообще имеете представление о том, что такое методика, а? Она была одна и та же по всей стране! А если бы мы тогда поступали по-вашему, то сейчас вокруг нас

были бы сплошные идиоты! Я виновен? Вы меня приговариваете? А кто вы, извините, такая, чтобы выносить мне приговор? Что? Боже правый!

Кандидат резко прервал разговор, положил трубку, затем тут же набрал нужный номер и поинтересовался, откуда ему сейчас звонили — он прекрасно знал, что все его разговоры прослушиваются. Оказалось, что звонили ему из другого города, с междугородного телефона-автомата. В том городе прошла его юность... Там он когда-то работал... Боже мой, но ведь это было давно, так давно... Нет, воистину никогда не знаешь, что тебя ждет за поворотом... Вот повернул вправо — а там смерть... Влево — мечь... Да что же это такое, в конце концов! Ему приписывают чужую вину... Ну конечно, чужую! Не он же тогда все это выдумывал!

Какой-то далекий внутренний голос говорил ему, что он должен был соображать мозгами, что к чему может привести... Но кто тогда об этом задумывался? Да никто! И надо просто выкинуть из головы претензии этой сумасшедшей... Выкинуть и никогда об этом не вспоминать... Черт! Не отсюда ли тянется ниточка к тому трупу? К убитому на дороге мужчине? И не Медуза ли это сейчас звонила? Надо завтра же собрать команду и включить их коллективный разум... Пусть все взвесят, проанализируют... И усилить охрану? Нет, пожалуй, она и так надежная, лучше некуда. Да и... если эта баба говорит правду, то она явно не годится в снайперы... Вот уж за это можно быть спокойным. И в камикадзе — тоже.

Кандидат нажал нужную кнопчку и объявил охране, что спускается вниз. Он прошел мимо уборщицы тети Шуры, не забыв сказать ей «до свидания» и «спокойной ночи», спустился по чугунной витой лестнице на первый этаж и вышел из дверей.

Эта ночь у него и его команды прошла более или менее спокойно. Дело в том, что он дал отбой своим пиарщикам и их чернорабочим, каждую ночь дежурившим на улицах города, чтобы энтузиасты противоборствующих команд не заляпали краской портреты кандидата и не наделали там каких-нибудь непотребных надписей — это недреманное око храпело без задних ног. А напрасно. Потому что наутро стены многих домов, входные двери, доски объявлений, различные стенды были буквально уклеены одним и тем же обращением к избирателям. Оно начиналось с заголовка, который гласил: «Люди, будьте бдительны!» За ним таким же крупным шрифтом был набран второй заголовок — вернее, подзаголовок: «Убийцу — в депутаты?» А дальше шел совершенно убийственный текст:

«Наш дорогой Георгий Владимирович — так вы, избиратели, называете своего кандидата, восторгаясь каждым его шагом, поступком. Но вы, к сожалению, знаете и видите лишь то, что он вам показывает. А вот жуткая правда о дорогом и несравненном — немногим более месяца назад он,

находясь за рулем одной из своих машин, на шоссе в Подмоскowie сбил пожилого мужчину и скрылся с места происшествия, не оказав ему помощи. Человек погиб. А на днях Георгий Владимирович повторил свой «подвиг» — в соседнем областном центре благодаря его усилиям столкнулись два автомобиля, в результате чего один человек скончался на месте, а другой находится в реанимации в тяжелейшем состоянии. Машина, управляемая «дорогим и несравненным», как и в первый раз, с места происшествия скрылась.

Какой район, город, область выберет ваш кандидат для своих очередных убийственных приключений, неизвестно. Но вполне возможно, что при этом пострадает кто-нибудь из вас — и не дождется помощи... Виновный сбежит как заяц.

Приведенные здесь сведения и подробности происшествий каждый из вас может проверить по телефонам... И далее следовали два телефонных номера с кодами Подмоскowie и соседней области...»

Команда кандидата была в шоке и с руками, изъеденными какой-то гадостью. Дело в том, что первым этот выпад против шефа заметил его зам, вышедший в шесть утра прогуляться со своей собакой. Было еще темно, но его зоркий глаз сразу же уловил опасность, а уж когда он прочел это творение от и до, то тут же помчался домой. За считанные минуты поднял на ноги всю команду, призвал ее вооружиться щетками, тряпками, скребками, ведрами с водой и отправил на улицы восстанавливать доброе имя кандидата. Однако он забыл упомянуть про перчатки, а враг оказался хитер — листовочный клей от соприкосновения с водой вызывал страшное раздражение кожи, похожее на ожоги, и вся команда выла и стонала, ибо одними скребками и щетками справиться со злом было невозможно. Работа шла медленно. А между тем на улицах уже появились прохожие, с интересом наблюдавшие за мученическими усилиями команды. Естественно, они тут же бросились читать текст. Конечно, если бы листовки никто не смывал и не отдирали, избиратели не стали бы обращать на них внимания. А так — разве можно пропустить подобное! Вообще-то очень быстро команда узнала, что занимается трудом одной глупой мартышки — оказалось, что троллейбусы и автобусы тоже несут на себе убийственную для шефа информацию. А троллейбус не будет ждать, пока с него соскребут порочащую кандидата листовку. У команды опустились руки...

Шеф, как водится, узнал обо всем последним. У него хватило ума тут же отменить стирание и смывание и постараться обратить происшедшее себе во благо — так он всегда пытался делать в бизнесе, и в большинстве случаев довольно успешно. Собрав свою израненную команду, он, прежде всего, поставил подчиненных в известность, что ни на каких дорогах никого не сби-

вал и ни от кого не скрывался. Что такими грязными методами соперники пытаются выдавить его с дистанции, и об этих выпадах противников надо немедленно поставить в известность весь город! Всю область! Пусть знают!

— Там... телефоны какие-то значатся, — напомнил энтузиаст спасения детей на водах.

— Ах, да, — промолвил шеф, взглядываясь в изувеченную, но сохранившую текст листовку. — Ну-ка, позвони туда, спроси так, как спросил бы посторонний человек... Избиратель, чтоб ему!

Энтузиаст набрал первый номер и дрожащим от волнения голосом спросил о происшествии. То, что ответила трубка, ясно отразилось на его лице, застывшем от испуга.

— Они назвали номер вашей машины, — промямлил он, стараясь не смотреть на хозяина.

— Идиоты! Я же у них там был! У меня — сто алиби! И все их обвинения рассыпались, как...

— Как песочная горка, — заметил один из пиарщиков, глава многодетного семейства.

— Как пирамида! — крикнул шеф.

— Но пирамиды, извините... В Египте...

— У нас не Египет! И я вам не Хеопс какой-нибудь! Звони по второму номеру! Там, думаю, не такие идиоты сидят, чтобы ни с того ни с сего обвинить человека, который ни сном ни духом...

Энтузиаст набрал второй номер, задал довольно корректный вопрос с упоминанием о листовке, и, как и в первый раз, на лице его отразился форменный ужас.

— Опять, — прошептал он.

— Дай-ка мне! — крикнул шеф, вырвал у него трубку и попросил собеседника повторить то, что он только что сказал. Тот, очевидно, повторил.

— Но это лжесвидетельство! Вы понимаете? Мой «фольксваген» давно на приколе... Я езжу на другой машине и в вашем городе не был много лет... Да... Запишите... Всегда к вашим услугам... Прошу восстановить мое доброе имя... Опороченное с вашей помощью — так уж получилось! — моими соперниками... Что? Девушка, говорите? Следовательно, это их посланец... Посланка... Зас... Извините... Я баллотируюсь... Стою на пороге выборов... И враги стараются смешать меня с грязью, нанимая таких вот свидетелей... Да, пожалуйста, разберитесь... Если я к вам должен подъехать, скажите. Вы к нам? Милости просим... Будем ждать... Да, да... Понятно... Как можно быстрее... И... прошу прислать человека, который сможет потом выступить как бы от вас на нашем радио, телевидении и снять с меня несправедливые обвинения...

Шеф положил трубку. Команда сидела, опустив головы. До всех вдруг дошло, что это может быть концом. Что он, конец, не за горами. Что рейтинг кандидата сейчас, в эти минуты, катастрофически катится вниз — как мячик, пущенный под горку шаловливым ребенком. Кажется, это дошло и до самого шефа. Он махнул рукой и тихо сказал:

— Идите...

Ушли все, кроме его зама — как всегда.

— Ловкая, стерва... И когда успела? Недавно ведь только мне позвонила...

— Вы о ком? — осторожно спросил зам, желающий убедиться, что шеф не сходит с ума и с психикой у него все сравнительно нормально.

— О Медузе. Уверен — это ее рук дело. Заявила, что она меня приговорила... Звонила из города моей юности, с телефона-автомата, я узнавал. Это, видно, она сюда уже ехать собралась... И приехала, сволочь... Да ведь как успела, а?

И тут кандидат вдруг осознал то, что уже давно поняли его подчиненные — вероятнее всего, это конец. Избиратели любят богатых и успешных, а не вывалянных в грязи, даже если их вываляли несправедливо. Твоя вина, что грязь к тебе пристала, что ты дал врагам себя опорочить. Значит, слаб и не достоин заседать в органах власти. А ведь сколько денег ухлопано! Сколько сил потрачено! Но чего это он раскис? Все конечно? Да ни фиги! Надо немедленно собрать всех этих газетных писак-бумагомарак, этих радиобрехунов, этих телевизионных болтунов и прочистить им мозги на предмет — кто есть кто и что есть что.

Обзванивать журналистов сел зам. Однако вскоре он объявил, что пресс-конференции не получится — представителей СМИ сейчас зачем-то срочно собирает мэр. Кандидат решил сам узнать у знакомых журналистов, зачем. Услышал он то, что и предполагал, но не думал, что все произойдет так скоро. Мэрия дала понять, что на нем вполне можно поставить крест, а уж потом разбираться, кто прав, кто виноват, и выводить на финишную прямую его главного соперника, богатого торгаша и пьяницу, опекаемого самим главой. Тогда кандидат решил сделать последний бросок. К губернатору. И не когда-нибудь, а прямо сейчас. Но оказалось, что губернатор только сегодня поздно вечером вернется из зарубежной поездки. Это кандидата обрадовало — он решил приехать в аэропорт и прямо там ловить главу всей губернии... Только... У него хорошая, очень хорошая память... Он помнит все. Лица, возможно, нет, но фамилии... Интересно было бы съездить туда, где он работал в молодости... Помнится, в этой клинике у него был товарищ... Вместе когда-то учились на курсах повышения квалификации... Георгий Владимирович назвал своим помощ-

никам его фамилию и попросил их срочно разыскать коллегу по телефону. Референты трудились в поте лица, но соединили своего шефа с кем надо лишь часа через два. Убедившись, что доктор — тот самый, которого он ищет, Георгий Владимирович напомнил ему о себе, рассказал о том, что пишет некий научный труд, и высказал необычную просьбу — передать ему по факсу фамилии постоянных пациентов, находящихся или находившихся на излечении в диспансере. Доктор заупирался, объяснив, что дает обещание всем своим больным не разглашать о них никаких сведений, которые могли бы быть использованы им во вред.

— Хорошо. Тогда назовите мне тех, кого уже, так сказать... не мучают никакие жизненные проблемы... Кто уже там, в жизни иной...

Доктор стал медленно перечислять людей, отправившихся на тот свет с помощью наркотиков. Назвал он фамилий десять. Три из них были Георгию Владимировичу знакомы. Он поблагодарил коллегу и медленно положил трубку... Совпадение... Простое совпадение... У этих людей так сложились обстоятельства... Такая выпала карта... И здесь нет его вины...

Поздно вечером, взяв с собой зама и охранников, кандидат отправился в аэропорт. Служащие порта его хорошо знали, но все же к самолету не допустили — впрочем, как и всех остальных, так что приблизиться к губернатору он смог лишь тогда, когда тот со свитой вышел из машины, подхватившей его еще на летном поле. Губернатор хорошо знал Георгия Владимировича и сам протянул ему руку. Но тут его кто-то отвлек, а кандидата оттеснили. Очевидно, за это время главе области доложили, что кандидат уже почти и не кандидат, но он все же допустил до себя Георгия Владимировича и сказал, что уважает его деловую хватку, что у него появилась проблема в Германии, которую могут решить именно такие проникательные в бизнесе люди, как он. Георгий Владимирович расцвел, однако все же довел до сведения главы области заготовленную информацию, на которую губернатор лишь рукой махнул — мол, о чем вы, когда я вас хочу сделать чуть ли не бизнес-королем, хотя вы пока еще валет... Затем поинтересовался, может ли Георгий Владимирович тотчас вылететь в Германию без ущерба для своих дел, на что тот сразу дал положительный ответ. На горизонте замаячило расширение собственного бизнеса до невероятных размеров за счет зарубежных партнеров, а там и выборы в Госдуму, если ему это еще будет надо. Губернатор, несмотря на позднее время, попросил его через час прибыть в здание областной администрации. Там они чуть ли не до утра обсуждали создавшееся положение, касающееся совместных проектов в области фармакологии и... парфюмерной промышленности. Утром Георгий Владимирович собрал всех сотрудников и объявил им о своей командировке за рубеж. Дела он оставил на своих проверенных замах и в тот же день вылетел в Германию.

ГЛАВА 6

Валентина уехала — разумеется, вместе с Платоном Петровичем, чтобы в Москве искать следы деяний нашей бедной Элен, ее саму мы отправили на работу в самый дальний район области, и в нашей жизни наступил относительный покой. Элен я сказала, что Валентину вызвали по срочному делу, и когда она с ним управится, то вновь приедет к нам и продолжит решать ее задачку. Мне показалось, что наша путешественница вздохнула с облегчением. Только вот от чего? Потому что Орлова уехала и расследование откладывается на неопределенное время или потому, что Валя все-таки не бросит ее дела и продолжит ими заниматься? Но спокойствие наше продолжалось недолго — через несколько дней в коридорах редакции замаячила ладная, крепкая фигура Игоря. Оказывается, он приехал в длительную командировку, связанную с социологическими опросами, и решил совместить это с отдыхом, купив себе путевку в знаменитый санаторий. Интересно, они списались с Элен или созвонились? Разумеется, спросить его об этом я не могла.

Время от времени я связывалась по телефону с нашей девушкой, пребывающей под чужой фамилией, и расспрашивала ее о новой жизни в глубинке. Она неизменно отвечала, что все у нее там ладится, редактор ее чуть ли не на руках носит, и даже давал ей отгулы, которые она использовала для написания какого-то литературного труда. Однако редакционная текучка ей, в общем-то, не очень интересна. Просто пока нет другого выхода. Голос ее был тосклив, монотонен — чувствовалось, что такая жизнь не для нее, и вряд ли она сможет там долго выдержать. Она уже давно дала телеграмму в свою фирму с просьбой предоставить ей отпуск, позвонила из дома Нинель и хорошо поговорила со своим боссом, так что увольнение ей не грозит. Но грозит ли что-нибудь другое?

Честно говоря, теперь, после всех подозрений и догадок Валентины, я испытывала к этой девушке двойственные чувства. С одной стороны, мне очень не хотелось быть обманутой и ругать себя последними словами за то, что поверила в бред этой девицы — и, значит, я надеялась, что Валентина окажется не права. С другой стороны, она всегда права. Но ведь это значит, что Элен не грозит опасность от какого-то неведомого мстителя! И этому можно порадоваться! Хотя — она сама может, видимо, представлять для кого-то угрозу...

Мимо открытых дверей моего кабинета в очередной раз прошел Игорь — думаю, не случайно, и я решила позвонить Элен и определить, знает ли она о его приезде. Но в телефонной трубке зазвучал все тот же тоскливый голос, в котором, кажется, и не было жизни — следовательно, не знает! Он тоже

не догадывается, что его любовь находится почти рядом. Ничего, ему это предстоит узнать в первый же выход из санатория. Ведь пойдет же он, скажем, в магазин или в редакцию — у него там знакомые ребята есть. Кстати, магазин и редакция находятся в одном здании, только вход с разных сторон. Вот голубки и встретятся.

Игорь вновь прошел мимо, но так и не решился спросить меня про Элен. А может, думал, что я ничего про нее не знаю. Вот и прекрасно. А вечером он отправился в санаторий.

И вновь для нас с Нинель наступил покой. Но только всего на несколько дней. Потому что однажды, придя на работу и поднявшись к редактору, я увидела у него в кабинете худенькую миловидную девушку, которая почему-то постоянно улыбалась. Шеф нас познакомил — это была его невестка, жена Игоря — Катя. Она мне понравилась. Я-то представляла, что его съела какая-нибудь московская акула. А, похоже, этого маленького пескарика самого надо охранять от хищников. Потом, правда, мне сказали, что у Кати — взрывной характер, что она очень ревнива и, несмотря на улыбку, может устраивать нешуточные сцены. Что ж, Игорь, видимо, ее уже довел. Катя приехала к мужу, свекор был ее перевалочным пунктом — она тоже мчалась в санаторий! Ну и каша может там завариться! Возможно, и нам с Нинель придется ее попробовать — ведь это мы скрыли от шефа, что Элен здесь! А если бы сказали, он бы ни за что не допустил сюда Игоря! Обязательно бы что-то придумал, и его сын оказался бы в противоположной от этого санатория стороне света.

Но и эти волны утихли, и мы наслаждались штилем. Пока однажды не позвонила Валентина и известила нас, что намеревается прибыть на несколько дней, чтобы окончательно расставить все точки в деле Элен. Честно говоря, мне хотелось оставить все как есть, я не стремилась узнать правду — боялась быть обманутой. Но я всегда была рада встрече с Валентиной.

Она явилась на следующий день и повергла меня в шок. Подруга сумела побывать и на месте подмосковного происшествия, и в гаражном кооперативе, где хранился серебристый «пежо» Элен, и у нее на работе, и... дома! Как? Да очень просто! Объяснила консьержу, серьезному мужчине преклонных лет, что расследует похищение человека, показала свое удостоверение и попросила его подняться вместе с ней и дать возможность осмотреть квартиру — вдруг там побывали незваные гости, и хозяйка не досчитается многих ценных вещей! Консьерж обиделся и заявил, что и он, и его напарник не зря получают деньги за свою работу — у них и муха посторонняя не пролетит, не то что грабитель... А потом спокойно достал из укромного места ключи и отправился с Валентиной выполнять ее просьбу.

В квартире было все необходимое, но создавалось впечатление, что там не было ничего — очевидно, душа хозяйки постоянно находилась далеко от этих мест. Бросались в глаза лишь растения — кусты олеандра, несколько пальм, фикус и еще одно неизвестное Валентине растение в кадке. За этими зелеными насаждениями подруга с трудом разглядела письменный стол с компьютером, диванчик с подушкой — на нем, очевидно, и спала хозяйка, а в углу — видеоаппаратуру. Рядом со столом стоял единственный стул. Вся одежда хранилась в шкафу, встроенном в прихожей. Валентина обследовала ящики стола — ничего особенного там не было. Письма от бабушки, от родителей с Севера, фотографии, в том числе и сделанные в Испании, какие-то деловые бумаги, из которых ясно, что ее фирма занимается строительством неких объектов за рубежом, а также туристическим бизнесом.

— А когда появится сама хозяйка? — поинтересовался консьерж. — Я надеюсь, с ней ничего не случилось? Такая приятная девушка...

— Да, она мне тоже очень нравится. Скажу вам по секрету — это она наняла меня, чтобы я помогла обнаружить преступника...

— Надеюсь, ее жизни ничто не угрожает? — спросил вышколенный консьерж, не желающий тратить время на выслушивание рассказов о каких-то там посторонних преступниках, если это не связано с его непосредственной работой.

— Пока мне неизвестно, угрожает что-то ее жизни или нет...

— Знаете, мы за нее беспокоимся... — вдруг сказал консьерж. — У нее были такие тревожные глаза...

— Когда?

— Да в прошлое мое дежурство. Четыре дня назад...

— Вы хотите сказать, что четыре дня назад она была здесь?

— Разумеется.

— И... что она делала?

— Ну, уж этого я не знаю.

— И долго она здесь пробыла?

— Нет.

— Вы не заметили, она вышла с какими-либо вещами?

— Заметил. Она вышла с небольшим пакетом.

— И... что сказала?

— Сказала, чтобы мы и дальше следили за ее квартирой.

— Понятно. Вы не могли ошибиться? Понимаете, я точно знаю — Элен сейчас далеко отсюда.

— Нет, нет, это была именно она. Никаких сомнений.

Валентина поблагодарила консьержа и направилась к гаражам, по пути думая о том, почему Элен приезжала к себе домой тайком, не сказав об

этом никому из нас. Интересно, что ей здесь понадобилось? Скорее всего, документы. А что еще?

Председатель гаражного кооператива был угрюм, молчалив и не клюнул так быстро на приманку Валентины, как консьерж. Сначала он вообще отказался давать какую-либо информацию о владелице «пежо», но потом все-таки поведал, что авто Элен находится далеко не в лучшем состоянии, требует мужских рук, что он много раз ей об этом говорил, и если бы она его послушалась, то не влипла бы в эту нехорошую историю на дороге... Валентина уточнила, какую историю он имеет в виду, и попросила рассказать о ней.

— Да нет, не видел я ничего, это же произошло далеко отсюда! Говорю с ее слов... Баба какая-то пожилая перебежала дорогу у нее перед носом, и наша Элен чуть ее не переехала... Чудо спасло человека... Элен успела повернуть... Правда, все-таки врезалась во что-то... В столб, что ли... Но не сильно... А мужику не повезло — его сбили. В тот же час... Тоже переход игнорировал...

Так. Элен, следовательно, не сидела тихо-мирно в своей машине на обочине дороги, как пыталась это представить нам. Она не была наблюдателем, а сама участвовала в дорожно-транспортном происшествии — чуть не наехала на старушку, успев вовремя куда-то повернуть. Уж не туда ли, где переходил дорогу мужчина, которого сбили? И кто же его в таком случае сбил?

— Она вам именно так все рассказала?

— Ну да. Элен наша после этого случая долго за руль не могла садиться... Стресс... Все пешком ходила. По полчаса автобус ждала. Ну, я иногда ее подвозил до метро...

— И давно вы последний раз ее подвозили?

— Давно. А теперь уж она опять сама утюжит, так сказать, просторы России, — с юмором заметил председатель.

— То есть как — сама?

— Да так. Несколько дней назад я видел ее за рулем собственной машины.

— А... вы ничего не слышали о похищении? Может, у вас тут кто-то кого-то похитил? В прошлом или даже позапрошлом месяце?

— У вас — это где? В нашем районе, может, кого-то и похищали, но я не слышал. Эти сведения есть в полиции, и странно, что вы от меня хотите их узнать...

— Да нет, я имею в виду территорию ваших гаражей...

— А... Ну, пока бог миловал. Все целы. И краж больших не было. У нас охрана, люди немалые деньги за это платят... Так что никаких похищений!

В испанской фирме, где работала наша подопечная, подружку мою встретили настороженно. Валентине пришлось настойчиво подчеркивать свое доброе расположение к Элен, а присутствие в фирме объяснять некой угрозой ее благополучию, а, возможно, и жизни. Только тогда частному детективу рассказали обо всем, что ее интересовало. Элен здесь любили и ценили — это Валентина поняла сразу. В ее обязанности входило ведение деловых переговоров — вместе с боссом, разумеется. При этом она выполняла не только роль переводчицы, но и, обладая особым притяжением и обаянием, создавала доверительную атмосферу переговоров, в которой все решалось на удивление быстро и просто. Валентина поинтересовалась, когда в фирме последний раз видели и слышали Элен. Оказалось, что видели — давно, а слышали — всего с неделю назад, она звонила и просила об отпуске. На сколько времени?

— Понимаете, у нас тут все свои, мы живем как одна семья, — объяснила заместитель директора, дородная блондинка с пышным бюстом. — И, как бы вам это сказать... Словом, у нас — взаимозаменяемость. Мы не фиксируем, когда кто из нас приходит на работу и уходит... Главное — чтобы работа шла четко и творчески. И если Элен необходимо свободное время — значит, ей без этого не обойтись. Сколько ей надо, столько и отдыхает. А отдых, я думаю, ей нужен для того, чтобы писать. Она пробует этим заниматься, и у нее неплохо получается...

— Она вам об этом сама сказала?

— Нет. У нас столы не запираются. Мне как-то понадобилась одна ее дискета... А рядом, в ящике, лежали исписанные листы... Это была пьеса... о любви. Мне понравилось.

Валентина попросила показать ей эти страницы. Не прошло и десяти минут, как она прочла все написанное. Несомненно, основой для сюжета послужило чувство к Игорю. Сюжет как сюжет. Таких тысячи. Валентину поразило другое — ласковый, плавный язык, такой, что многие фразы хотелось перечитать заново, как бы пробуя их на язык...

— Да... У этой девушки — несомненный литературный дар... — задумчиво проговорила она и, поблагодарив коллег Элен, отправилась в отделение полиции.

Улыбчивый лейтенант терпеливо и долго объяснял ей, что Элен — единственная свидетельница происшествия, очевидно, перепутала какие-то цифры и неверно назвала номер машины, сбившей мужчину-пенсионера. Они выяснили, кому она принадлежит... Этот человек живет в провинции, весьма уважаем, был кандидатом в депутаты городского законодательного органа... В тот день он находился в своем городе, на виду у сотен людей, у него прочное алиби... Конечно, порой эти богатые люди ведут себя

как хозяйева жизни не только на наших дорогах, но и на всей планете... Но здесь, скорее всего, действительно вышла ошибка... А звонков сколько было! Даже мэр того города интересовался, есть ли явные доказательства вины их кандидата... Объясняли, что пока существуют лишь свидетельские показания...

На вопрос Валентины о пожилой женщине на дороге, которая ведь тоже могла быть свидетельницей, лейтенант ответил, что ему об этом неизвестно. Кто-то, правда, упоминал о старушке, но ее и след простыл. А была ли она вообще? Во всяком случае, Валентина поняла, что ее никто не ищет. А, значит, и не найдет. Коллеги потопчутся, потопчутся на месте, да и завершат это дело большим знаком вопроса, который останется торчать тут навечно...

А что же с похищением? Из того, что известно, вывод напрашивается один — Элен мог мстить лишь тот кандидат в депутаты, номер машины которого она указала в своих свидетельских показаниях. Но мстить он мог, видимо, лишь при условии, что действительно не имеет никакого отношения к этому происшествию, что его причастность к убийству на дороге — чистая выдумка Элен. И если это так, то для чего ей понадобилось приписывать ему преступление? Зачем она все это затеяла? Чтобы все, в том числе и мы, поверили, что кандидат оказался преступником? Но почему именно он? Этот кандидат что — маньяк? Садист? Может, когда-то она попала в его лапы, ей удалось вырваться, и теперь она ему мстит за унижения, оскорбления и прочее? Ответ легче всего, наверное, было бы получить от самого кандидата — при условии, если он действительно оклеветан. Хотя — почему легче? Ведь если это месть, Элен не станет мстить просто так, ни с того ни с сего... Значит, мужчина действительно перед ней в чем-то виноват. А из сотни людей вину свою могут признать лишь единицы... К тому же кандидат все-таки мог совершить эти преступления на дорогах, алиби мало о чем говорит — его можно организовать, подстроить, тем более, если у человека есть деньги. И Элен могла правильно назвать номер машины. А второй номер на этом засаленном бумажном обрывке... Да ведь это могла быть вторая машина кандидата, проехавшая в тот же миг здесь, на подмосковной дороге — скажем, с его охраной... Элен запомнила и потом записала оба номера на всякий случай. И так совпало, что именно из-за этой машины позднее произошла страшная авария под окнами нашей редакции... А кандидат после первых же свидетельских показаний девушки мог ее похитить и запереть в психушке...

Но как этот листочек с записями номеров машин оказался в робе кочегара? Элен что, нашла там, в плену, газетный обрывок и записала эти цифры, чтобы не забыть? С ее-то прекрасной памятью на цифры...

Нам казалось, что мы топчемся на месте! И бежим даже не по кругу, а стоим где-то в его центре и переминаемся с ноги на ногу...

— Знаешь, что я предлагаю? Съездим-ка с тобой в город, где живет этот тип. История интересная, и так хочется поскорее все расставить по своим местам... А пока... А пока ты, Наталья, должна сделать одну вещь... У тебя есть знакомые медики?

— Как же им не быть, если я пишу о каждой уникальной операции, устраиваю на лечение к лучшим докторам всех своих друзей и знакомых.

— Прекрасно! Значит, тебе проще будет выполнить мою просьбу. Может быть, она и безосновательна, но лучше нам все проверить... Дело в том, что этот кандидат — врач по специальности. Причем детский. Это потом он ушел в бизнес. А практиковал в этом городе именно тогда, когда Элен была еще маленькой Леночкой... Ты знаешь, я всегда подробно копаюсь в биографиях тех, кто причастен или подозревается в причастности к преступлениям... Многие сыщики это игнорируют, не понимая, мимо какого клада проходят... Конечно, не всегда это что-то дает. Когда, например, я узнала, что там, на подмосковной дороге Элен назвала пострадавшего по имени-отчеству и пыталась с ним о чем-то разговаривать, то изучила его жизненный путь с особым интересом... Но — пока ничего, пусто. А этот медик... Узнай, чем наша девочка в детстве болела, кто ее лечил... Не перенесла ли она какую-либо операцию, которая по вине врачей прошла неудачно... Вдруг она стала калекой... Ведь далеко не все изъяны организма бросаются в глаза... Хотя этот доктор не был хирургом, у него другая специализация... Человеческая психика... С бабушкой Элен на эту тему интересно бы поговорить...

— Постой, Валя... Значит, этот тип, который хочет стать депутатом — бывший психиатр... А ведь, по словам Элен, ее заперли именно в психиатрической лечебнице... Это же прямая связь!

— Я вижу, что здесь может быть связь. А может и не быть. Возможно, от этого бывшего медика пострадала не Элен, а какой-то очень дорогой ей человек... Вариантов тут много.

— Сколько времени ты мне даешь на это сложное дело?

— На это плевое дело я даю тебе один день. Сегодняшний. А завтра поедем к кандидату. Я с машиной договорилась на двенадцать часов. Так что и завтрашнее утро — в полном твоём распоряжении, — милостиво оповестила меня Валентина.

Ничего себе! У меня же есть работа! Мне что, брать отгулы? Валентина угадала ход моих мыслей и сообщила, что обо всем договорится с редактором... Да ведь надо договориться еще и с моим мужем! Я и так извела его бесконечными командировками! Мои дети воспитываются исключи-

тельно им! Во мне все чаще и чаще пробуждается совесть, на какое-то время я становлюсь образцовой матерью, женой и хозяйкой, но стоит редактору тяжело вздохнуть и при всех на планерке сказать, что газета страдает без моих гениальных материалов, как я тут же кидаюсь выполнять свой журналистский долг. Так что семья и газета в моей жизни постоянно меняются местами. А тут еще, словно черт из табакерки, появляется третье — Валентинины загадки! Вернее, на сей раз эта загадка-то моя, наша, местного разлива... Так что мне никак не отвертеться. И я покорно отправилась в поликлинику по месту жительства Элен, Лены, а Валентина — в свою ментовку, чтобы сесть там за телефон и продолжать терзать его, вызванивая все новые и новые сведения по этому загадочному делу. Встретиться мы договорились в моем рабочем кабинете.

Я схитрила, изобразив труднодоступность медицинской информации в детской поликлинике. Дело в том, что в регистратуре там работала моя дальняя родственница, тетя Рая, замечательная женщина, в восемнадцать лет оказавшаяся на фронте и героически прошедшая всю войну. В свои почти восемьдесят лет она была еще довольно стройна, а сеточка глубоких морщин на лице не могла испортить замечательных больших глаз, которые смотрели на мир всегда с восторженным выражением, хотя в них уже и поселилась усталость. Тетя Рая обрадовалась, увидев меня на пороге своей регистратуры.

— Наталочка! Проходи, милая! Вот уж не ожидала, что придешь! Ты же у нас вечно занята! Сейчас чаем напою! Все сейчас ко мне приходят, все меня утешают! А я говорю — нечего зря и тараторить, все ведь обошлось... Живая. Здоровая. Не заикается.

Тетя Рая говорила про то, чего я не знала. Про что-то важное и трагическое. И уверена, что я пришла поговорить об этом, выразить ей сочувствие и так далее. Оказалось, что ее маленькая правнучка-первоклассница шла из школы через дорогу и попала под машину. Под грузовик. Собственно, она упала, и вся эта грохочущая махина проехала над ней, не задев ее. Естественно, ребенок сильно испугался — не каждый день над тобой проезжают машины. Я не стала углубляться в эту тему, а просто поздравила тетю Раю с таким благополучным исходом и приступила к своему делу. Прежде всего, оповестила родственницу, что оно чрезвычайно секретное. Что мне необходимо найти карточку женщины, которой сейчас под тридцать, потому что и я, и частный детектив Валентина, которую она немного знала, интересуюсь, чем болела в детстве наша... клиентка. Что это, возможно, поможет раскрыть тайны, которые ее окружают. Тетя Рая была заинтригована, но сказала, что карточкам, лежащим на ее полках, самое большее — шестнадцать лет, потом ребенок уходит во взрослую

поликлинику. А другие давно сданы в архив. Архив же находится далеко отсюда, в старом помещении рядом с больницей, его не раз затапливало, и там вряд ли что сохранилось. Хотя — быть может...

— Знаешь, Наташ, тут есть только один стеллаж со старыми карточками... Это — моей предшественницы... Если в этих бумагах твоей дамы-мамамы не найдем, то придется в архиве все-таки покопаться...

Удивительно, но карточку Элен мы нашли почти сразу, как будто она специально терпеливо лежала на этой полке и дожидалась именно нас. Оказалось, что особо злостных недугов у нее не было. Список заболеваний был обычный и гораздо меньше, чем у большинства других детей. Однако на одиннадцатом году жизни участковый врач направил девочку к психиатру. Резюме этого доктора стояло тут же, стоило лишь перелистнуть страницу. Однако эта запись доктора была сплошь усеяна латинскими выражениями, в которых и тетя Рая не смогла разобраться. Зато она прочла мне список выписанных Леночке препаратов... Среди них было сильное снотворное средство, из чего я сделала вывод, что девочка отличалась неадекватным поведением. Больше в карточке записей психиатра мы не нашли. Тетя Рая заверила меня, что в психоневрологическом диспансере на девочку должны были завести свою карточку, и мне следует обратиться туда. Я ответила, что, возможно, мне будет достаточно уже найденных материалов, и попросила у тети Раи карточку Элен. Она не возражала против такого изъятия и предложила свои услуги, если нам все же понадобится потрясти психушку — там у нее работает подруга.

С этой карточкой и пожеланиями тети Раи поскорее справиться со всеми трудностями я и заявила к Валентине, устроившейся в моем кабинете. Она внимательно просмотрела все бумаги и не нашла ничего такого, за что можно было зацепиться... Фамилии участкового врача и медиков-специалистов, время от времени принимавших детей, нам ни о чем не говорили. Валентина попросила меня воспользоваться предложением тети Раи и поискать через ее подругу что-нибудь нас интересующее в диспансере... Пришлось вернуться к Раисе Александровне и уговорить ее тотчас же позвонить подруге. Они немного пощебетали о чем-то своем, а потом тетя Рая попросила ее о помощи — нам. По лицу ее я видела — что-то там не стыкуется. Верно, тоже все уже давно в архиве, не осталось никаких следов... Но нет, следы остались. В памяти этой подруги. Дело в том, что она проработала в психушке почти всю свою сознательную жизнь и помнила всех больных, которые вызывали у нее сочувствие. Вспомнила она и Леночку, так что мне обязательно надо было встретиться с ней. Подруга предложила придти в скверик Политехнического института, чтобы поговорить без помех. Я тотчас направилась туда, волоча за ручку, как малого

ребенка, тетю Раю, уговорившую кого-то посидеть вместо себя. Мы чинно сели на скамейку, и уже через несколько минут к нам подседа худенькая, миниатюрная женщина — Любовь Андреевна. Я вкратце объяснила ей ситуацию, рассказав о приключениях Элен, о том, что, возможно, ее жизнь сейчас в опасности, и корни всех этих событий, скорее всего, кроются в ее детстве и в докторах, которые лечили либо ее, либо ее близких родственников...

— Знаете, я могу рассказывать об этой девочке очень много, — призналась Любовь Андреевна, — потому что прекрасно ее помню. И еще потому, что она мне нравилась. Я ее любила. Я любила всех... как бы вам это сказать... неподдающихся... Она была из таких... Историю ее болезни вы сейчас не найдете, срок хранения у них давно истек — думаю, их просто выбросили, хотя в нашем заведении такая специфика, что какие-то следы — бумажные я имею в виду — все равно остаются... Есть какая-то картотека... Но я и без нее вам скажу, что девочка была замкнутая и в то же время порывистая, экспрессивная... Это пугало окружающих. Иногда она говорила о таких вещах, которые никто не понимал... Возьмет, к примеру, книгу, смотрит в нее, будто читает, что там написано, а сама произносит что-то совершенно другое, какие-то непонятные слова... Сказочных персонажей — Ивана-царевича там или Змея Горыныча — называла совсем другими именами... Сама выдумывала слова, которые никто не понимал... Я думаю, росла удивительно творческая личность... Но когда ее пытались «вернуть на землю», она могла удариться в истерику, кричать... Ее лечил один наш опытный доктор. Помню, кучу таблеток ей навывписывает, я все это принесу и шепну ей — не глотай эту гадость, выброси незаметно, иначе желудок себе испортишь, либо еще что... А она так хитро-хитро на меня смотрит и говорит, что и так ничего не глотает, потому что не хочет без конца спать — ведь когда человек спит, то он беззащитен... Она очень этого боялась... Но порой все-таки приходилось выполнять требования врача... И вы знаете, что она однажды сделала?

— Что? — хором спросили мы с тетей Раей.

— Сбежала! Домой! Кажется, жила она не с родителями, а с бабушкой. Так потом эта бабушка пошла к главврачу и попросила вообще выписать ребенка и оставить его в покое. Но главврач убедил ее, что надо продолжить лечение. Правда, Лену передали другому доктору — был у нас молодой такой врач, сейчас, говорят, стал бизнесменом... У него своя методика — не таблетки, а уколы! Я уж лишний раз старалась не делать, жалко было девчонку... А потом бабушка ее все же забрала. Так что пробыла у нас ваша Лена совсем недолго. Вот, кажется, и вся история.

Этот рассказ я записала на диктофон, чтобы продемонстрировать Валентине, так сказать, первоисточник. Спросила и о том, как зовут врачей — их имена, отчества и фамилии тоже легли на пленку. Я поблагодарила Любовь Андреевну и вновь отправилась к себе на работу, где меня ждала Валентина. Она с кем-то разговаривала по мобильному телефону, и до меня донеслись слова:

— Элен, девочка, звоню, чтобы сообщить — мы на днях к вам приедем. С Натальей. Приедем, чтобы рассказать, какие опасности вас подстерегают и как их можно избежать... Думаю, к этому времени мы уже будем знать, чего нам бояться... И не волнуйтесь. Я могу выручить вас из любой ситуации, помните об этом...

Подруга отключилась и посмотрела на меня:

— Жалею, очень жалею, что не имела времени заняться поисками психушки, в которой держали Элен... А ведь можно было попробовать — она так живо ее описала... Надеюсь, Платону удастся добраться до этого учреждения. С помощью руководства областным здравоохранением.

— Так ты веришь в то, что она действительно побывала в плену?

— Веришь — не веришь... Надо точно знать! И мы будем знать! Если не было никакого плена и побега, то для чего она придумала весь этот спектакль? Понимаешь, у меня такое впечатление, словно мы скользим по поверхности, а под нами — подводные течения, быстрые и... недоступные. Но именно там, в их глубине, скрыта разгадка... Ну, включай, включай свой диктофон...

Мы внимательно прослушали рассказ Любви Андреевны. Когда она назвала имена врачей, лечивших Лену, Валентина только кивнула головой, как будто знала наперед: второй лечивший ее доктор, практиковавший уколы, — ныне бизнесмен и кандидат в депутаты, к которому мы отправимся завтра...

— А знаешь, подруга, что мне во всем этом не нравится? — заговорила Валентина. — Все у нас слишком уж просто получается! Мы быстро заподозрили, что ваша Элен — такая мстительница-террористка, а раз мстит врачу, следовательно, это, скорее всего, связано с лечением у него. Ты нашла в ее робе этот обрывок бумаги, на котором значились номера машин кандидата... То есть, если считать его невиновным в ДТП, то к мести она готовилась заранее. Разведала, на чем ездит ее бывший доктор, и оклеветала его. И тут возникают два вопроса. Начну с наиболее безобидного — что же этот доктор сделал ей такого, отчего она, бросив работу, пойдя на большой риск, занялась вдруг мщением? Может, не только в детстве, но и в эти годы, последние, их что-то связывало? Те уколы, обиды больничные — это ведь все в прошлом... И второй вопрос, главный и вовсе не безобидный

— Элен не могла знать, что такого-то числа во столько-то часов на подмосковной дороге будет сбит человек... То есть она могла это знать лишь в одном случае — если сбила его сама... Тогда все складывается как сложный пасьянс — Элен убивает мужчину с таким расчетом, чтобы этого никто не видел — может, караулит его для этого не один день или же нанимает киллера, подъехавшим полицейским тут же называет номер машины-убийцы, который она якобы запомнила — на самом деле она заранее узнала, на машинах с какими номерами ездит кандидат, ее бывший обидчик, — и «сдала» один из этих номеров. Но тогда этот погибший мужчина-пенсионер тоже должен был перед ней в чем-то провиниться... И, видимо, провинился. И она напомнила ему об этом перед смертью... Полицейский видел, что она с ним разговаривала... Даже шипела...

— Но ты делаешь из Элен хладнокровного убийцу, который не останавливается ни перед чем! Она на это не способна!

— Ох, дорогая, знала бы ты столько же, сколько я! Видела бы ты, какими бывают хладнокровные убийцы! Ангелы во плоти! С чистым личиком и невинным взглядом! Так вот, идем дальше. Под вашими редакционными окнами случается еще одно происшествие, неожиданной свидетельницей которого она стала вместе с вашей Нинель. Его она уж точно не организовывала. Но раз такое случилось на глазах нашей бедной девочки, она мгновенно решила этим воспользоваться, заявила, что запомнила номер и этой машины-убийцы, и назвала его. Он принадлежал еще одной машине кандидата. У него машин этих, думаю, немало. На том обрывке бумаги было всего два номера... Надо же, она как будто заранее знала, что происшествий будет два... Решила его доконать... Эх, скорее бы нам с ним поговорить!

— Да съездим, поговорим... У меня там друзья в редакции. Хочешь, позвоню? Мы хоть приблизительно будем знать, что он из себя представляет...

Валентина кивнула. Я позвонила. Мне ответили, что их Георгий Владимирович — человек очень интересный, в городе уважаемый, много занимается благотворительностью. А недавно мальчишку спас — тонул пацан в речке. Праздник на берегу был, а мальчишка с лодки удочку закидывал... И — в воду... Так Георгий Владимирович кинулся в чем есть, хотя вода была холоднющая, и вытащил пацана на глазах у всех гуляющих... На рекламный трюк не похоже... Но... есть в нем некая двойственность. Дело в том, что он имеет высшее медицинское образование и, по идее, должен быть человеком интеллигентным. А он ушел в бизнес, который продвигается довольно успешно, он хорошо разбирается в экономике. А вот в депутаты, увы, не попадет — кто-то его подставил. В городе из-за этого был невероятный шум. Улицы за одну ночь обклеили листовками,

где Георгия Владимировича называли убийцей... Кто, за что — неведомо. И он сам не в курсе. Рвал и метал. Из секретных источников мы узнали, что в гневе он упоминал какую-то горгону Медузу... Возможно, таково прозвище женщины, которая все и подстроила. Ясно одно — это дело рук его соперников по выборам... Такие вот пироги...

Да, пироги были с не очень понятной начинкой. И потому на следующий день мы решили отправиться в город, где кто-то не захотел дать поцарствовать Георгию Владимировичу, народному любимцу, благодетелю и спасителю детей. Для этого нам обещали выделить милицейскую машину.

А пока мы, оценив все сделанное, собирались немного отдохнуть, но отдых не получился — Валентину разыскал муж и рассказал, что ему удалось узнать в Подмосковье.

После длительных хождений по кабинетам руководителей здравоохранения у Платона Петровича появились две, так сказать, точки приложения сил, причем в разных районах, почти противоположных. Он выбрал тот, что ближе к северу. Однако ему не повезло — у ведущего врача Николая Харитоновича в тот день был выходной, и он уехал в Москву, а его коллеги оказались весьма сдержанными и не проронили ни единого лишнего слова. И все же Платону Петровичу удалось узнать главное — Лена была именно здесь! Одна из санитарок даже подробно описала девушку и заметила, что она никому не приносила никаких хлопот. Ему показали и палату Лены, но ни звуком не обмолвились о мертвой женщине, с которой девушке пришлось провести целую ночь. Помня все подробности нашего рассказа, Платон Петрович спустился в котельную и спросил у дежурного кочегара, не пропадали ли у них в последнее время какие-либо вещи. Кочегар ответил, что пропала вся рабочая одежда сменщика, в том числе и сапоги, но диспансер приобрел для них новые комбинезоны, куртки и кирзовые ботинки, которые оказались удобнее сапог, и тут же продемонстрировал все это богатство. Платон Петрович внимательно осмотрел и больничный двор, а, заметив ящик с песком, весьма основательно там порылся и извлек на свет халат и домашние тапочки. Сочтя свой долг выполненным, он покинул клинику и, вернувшись в кабинет, тотчас же позвонил Валентине.

Вот и все. Наши предположения насчет великого обмана с похищением и пленом разрушились, как далекий от реальности миф...

ГЛАВА 7

Любимец избирателей за эти дни стал уже любимцем губернатора и только что вернулся из командировки в Германию, куда был отправлен главой области как пробивной человек и специалист-медик. Так что прежние не-

приятности были ему уже по фигуре. Когда мы вошли в его кабинет, он поинтересовался целью нашего визита. Валентина представилась ему по всей форме, с выкладкой необходимых документов, даже лицензии на свою нелегкую деятельность, и с этой бумагой Георгий Владимирович знакомился особенно внимательно. Она не стала дожидаться дальнейших вопросов, а сразу же сказала о том, что мы расследуем весьма срочное дело, которое затрагивает и действия некоего лица против него, то есть имеются в виду выпады неизвестного или неизвестных в последние дни перед выборами в городскую думу. И нас особо интересует все, что он сам думает по этому поводу.

Хозяин кабинета стал смотреть на нас с интересом — куда и делась его наигранная медлительность! Но он сразу заявил, что будет разговаривать с нами лишь в том случае, если мы его ни в чем не намерены обвинять! Иначе он будет требовать присутствия адвоката.

— Позвольте, да как же мы можем вас обвинять, ведь вы — пострадавшая сторона! — воскликнула Валентина. — Известно ли вам, от кого вы так... пострадали?

Наш собеседник был, очевидно, человеком основательным и подробно рассказал обо всех своих подозрениях. Оказывается, сначала и он, и вся его команда были уверены, что листовки и нелепые обвинения — дело рук соперников по выборам... Затем перенес свои подозрения на конкурентов, среди которых есть, оказывается, такие подонки, для которых клевета — это семечки, цветочки. И он стал ждать ягодок. Но, поразмыслив, пришел к выводу, что конкуренты действовали бы намного логичнее, иными словами — решился конкурент вывести его из строя, выбить из седла, он бы нашел другие, более подходящие пути. И тогда у Георгия Владимировича мелькнула третья догадка — действовал кто-то из своих, недовольный, озлобленный. Всех перешерстил, и не нашел, кто бы мог так ему напакостить. Перенести гнев за стены родной фирмы его заставил телефонный звонок, вслед за которым ядовитый женский голос поведал ему о том, что он заслуживает самой суровой кары, к которой звонившая его и приговаривает. За его давние, очень давние дела. И все. Больше на том конце провода не было сказано ни слова. Георгий Владимирович перебрал всех знакомых женщин, потом вообще всех своих знакомых, по отношению к которым когда-то допустил невнимательность, равнодушие, либо что-то другое, но не нашел ничего такого, что могло бы вызвать глубокую обиду. Образ «гадины» ассоциировался у него с мифической Медузой Горгоной, этой крылатой женщиной-чудовищем со змеями вместо волос, а потому он сразу дал ей это прозвище. Лишь второй, более поздний

ее звонок внес некоторую ясность — оказывается, когда-то, еще в детстве, она была его пациенткой...

— Господи, какую же эта девица несла чушь! Если бы вы только слышали! Как будто она потерпела в жизни фиаско из-за... из-за меня! Речь шла о наркотиках. И о некоторых лекарствах. Но ведь у меня большой медицинский опыт...

— Может быть, в этих обвинениях все же есть доля правды? Вы об этом не задумались? — перебила его Валентина, вряд ли четко представляя себе, о каких именно обвинениях идет речь.

— Задумался. И даже позвонил в клинику, где работал. Попросил дать мне сведения о тех, кто скончался от наркомании... Мне назвали десять фамилий... Из них три человека — мои бывшие пациенты... Но это ни о чем не говорит, согласитесь? С остальными-то все в порядке...

— Возможно, они лечатся или же умерли в других клиниках... А у вас, очевидно, хорошая память, раз по прошествии стольких лет вы сразу выделили из этих десяти троих... своих.

— Да. У меня прекрасная память!

— Но вы не догадываетесь, кто именно из бывших пациентов вам мстит?

— Нет. Она не назвалась. Может, по голосу узнал бы, у меня на голоса тоже хорошая память, только ведь тогда это был ребенок, а теперь — взрослый человек. И голос уже не тот...

— Лену Саврасову помните? — прямо спросила Валентина.

Георгий Владимирович вмиг покрылся красными пятнами, запыхтел, заерзал на своем стуле, нервно теребя авторучку, а потом расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, стал глубоко дышать и выдавил из себя:

— Я ничего не совершал! Слышите? Никакого преступления! Тут было нечто... совершенно другое... И я не намерен об этом говорить... Мне просто странно, что Горгоной оказалась именно она... Вот и верь после этого каким-то там чувствам... Порывам...

— Что ж, думаю, мы скоро все узнаем... От самой Лены...

— А что, она где-то здесь? Недалеко? Впрочем, можете не отвечать, сейчас это не имеет значения... Просто... Понимаете, я всегда был в себе уверен. В своих действиях. Но помню несколько моментов, которые были у меня только с этой девочкой... Иногда возникало чувство, будто я действительно делал что-то не так... До сих пор помню ее глаза... Укоряющие... Но я потрясен, что она и эта... эта Медуза — одно и то же лицо... Ума не приложу, как такое могло получиться. Может быть, я чего-то не знаю, а?

— И, тем не менее, вы все равно не отступали от методики лечения, хоть и подозревали, что в будущем это может принести девочке вред?

— Не отступал. Не знал. Никто тогда, уверяю вас, не задумывался о связи психотропных средств с наркоманией. Много ли у нас было наркоманов-то? Раз, два и обчелся. Кто мог предположить, что так все обернется...

— Вот как, оказывается, все было, — протянула Валентина. — Получается, не успела эта ваша горгона, то есть наша Лена назвать номер машины, сбившей старика на подмосковной дороге, как некие молодцы ее похитили и засадили в психушку! Даже если она вас оклеветала, это ведь не методы борьбы... К тому же вовсе не исключено, что именно вы убили человека на дороге... Чего стоит ваше алиби? Его можно сфабриковать из воздуха...

— Что-о-о?! Ввалились в мой кабинет, оторвали меня от дел и несете тут всякую чушь! На понт меня берете... — вскочил с кресла Георгий Владимирович и замахал руками: — Все, хватит! Так издеваться над собой я не позволю! Слышите?! Я же предупреждал — если вы намерены меня обвинять, то без адвоката я с вами и двух минут не буду разговаривать! Вы поняли? — Он вдруг успокоился, снова сел и посмотрел на Валентину: — А почему вы сказали «даже если она вас оклеветала»? Она меня оклеветала без всяких там «если»! Естественно, мои ребята ее не похищали. Вы вот представьте ситуацию: даже если я такой негодяй, что готов беспардонно расправиться с девушкой, где я ее найду-то?

— Ее данные есть в полиции. Вместе с ее показаниями. И вы запросто могли их узнать... — парировала Валентина.

— Господи, мне и в голову не пришло этим заниматься! Я загружен так, что вы и представить себе не можете! А тогда еще и выборы были на носу...

— Хм... А почему вы все-таки не поинтересовались, кто предоставил полиции номер вашей машины?

— Да как-то... Я ведь был уверен, что этот человек ошибся! Ведь только после телефонного звонка горгоны... то есть, как оказалось, Лены, я понял, что все это сделано намеренно!

— И вот тогда-то вы ее похитили и договорились с коллегами из психбольницы, чтобы там ее немного подержали, да? Но поскольку по натуре вы, видимо, человек не злой, то на особо строгих условиях не настаивали...

Георгий Владимирович опять вскочил с кресла, заметался по комнате, а потом вдруг подбежал ко мне, схватил меня за руки и быстро-быстро заговорил:

— Хоть вы... Хоть вы-то поймите, что ничего, вообще ничего этого не было! Господи, да у меня секунды нет свободной! Какое уж тут выяснение личности, какое похищение! К тому же похищение — это преступление, хоть об этом-то вы подумайте! Ну неужели я сам себе такой страшный враг, что готов совершить противозаконные действия перед самыми выборами, а?

Кресло депутата для меня, между прочим, не было бы лишним... Может, вам и невдомек, но это — огромное подспорье в бизнесе... И... Меня спасло чудо. Просто я оказался в нужное время в нужном месте со своими умениями и медицинским образованием и вновь стал востребован. А так влачил бы тоскливое существование в своей фирме, переживающей взлеты и падения, и однажды последнее оказалось бы слишком сильным... И безвозвратным...

— Извините, Георгий Владимирович! — перебила я его. — Я верю вам. Хотя и считаю отчасти виновным в злоключениях Лены.

— Она перегнула палку... И я — знаете, я ее прощаю... Бог с ней!

И все-таки он спросил, как живет сейчас Лена, и кто она по профессии. Мы ответили.

— Ну вот, видите, и у нее неплохо все сложилось. А в какой лечебнице, вы сказали, ее держали?

— А мы вам этого не говорили, — заметила я.

— И напрасно. Как-никак, там работают мои коллеги. И, возможно, я с кем-то из них учился. Тогда смог бы вам помочь выяснить то, что вас интересует. Ведь вы так накинулись на меня, что стало ясно — вам неизвестны настоящие похитители. Полагаю, кто-то из них трудится в той лечебнице. Очень трудно, знаете ли, насильно привезти девушку в психдиспансер и сдать ее туда без всякого направления соответствующих учреждений. Для этого в диспансере должен быть свой человек. Так что я мог бы оказаться вам полезен...

Такого поворота дела мы не ожидали, и Валентина тут же назвала это учреждение.

— Знаете, а ведь работал там один психиатр... Замечательный был специалист, скажу я вам! Зачеты у нас принимал... А у вас есть телефон той клиники?

Валентина мигом начертала ему заветные цифры, переданные скрупулезным Платоном Петровичем. Наш теперь уже почти уважаемый доктор сел в свое кресло и набрал номер. Ответили ему быстро, и он сказал в трубку:

— Извините, я очень волнуюсь... Трудится ли у вас Николай Харитонович? Спрашивает его бывший студент. Да? Даже? Скажите просто — Гоша... Или так — Гоша-робот...

Боже, да ведь этот старичок, видимо, все еще работает в клинике! Я не успела развить свою мысль — надо было слушать, чтобы не пропустить ни слова! Разговор того стоил.

— Николай Харитонович! Как я рад вас слышать! Я учился у вас, правда, это было давно... Гоша... У меня было прозвище — робот... Гоша-

робот... Потому что тогда я бредил устройством искусственного разума... вспомнили? Разрешите поздравить вас с тем, что вы еще работаете... Вы угадали — звоню не просто так... Совсем недавно у вас в клинике была молодая девушка... Елена Саврасова... Помните? Самовольно покинула больницу? Ай-ай-ай! Я вас понимаю... А как она у вас оказалась? Привез муж? Вообще-то она не замужем... Гражданский муж? Ну, и что, вы приняли ее без всякого направления, по одному желанию мужа? Ах, все документы были оформлены... А как проявлялась ее болезнь? Цифры... Навязчивые идеи, состоящие из логарифмов, связанных с космосом? Господи! Откуда она всего этого набралась! А в чем вы чувствуете себя виноватым? Санитары применили методы устрашения... По просьбе мужа?..

Итак, на сцену выплыл новый герой — «муж», фигура которого покрыта мраком. Знает ли о нем сама Лена? И если нет, то кто он такой, и что ему надо от девушки?

— А коллега не сказал, как выглядит этот «муж»? — хором спросили мы с Валентиной.

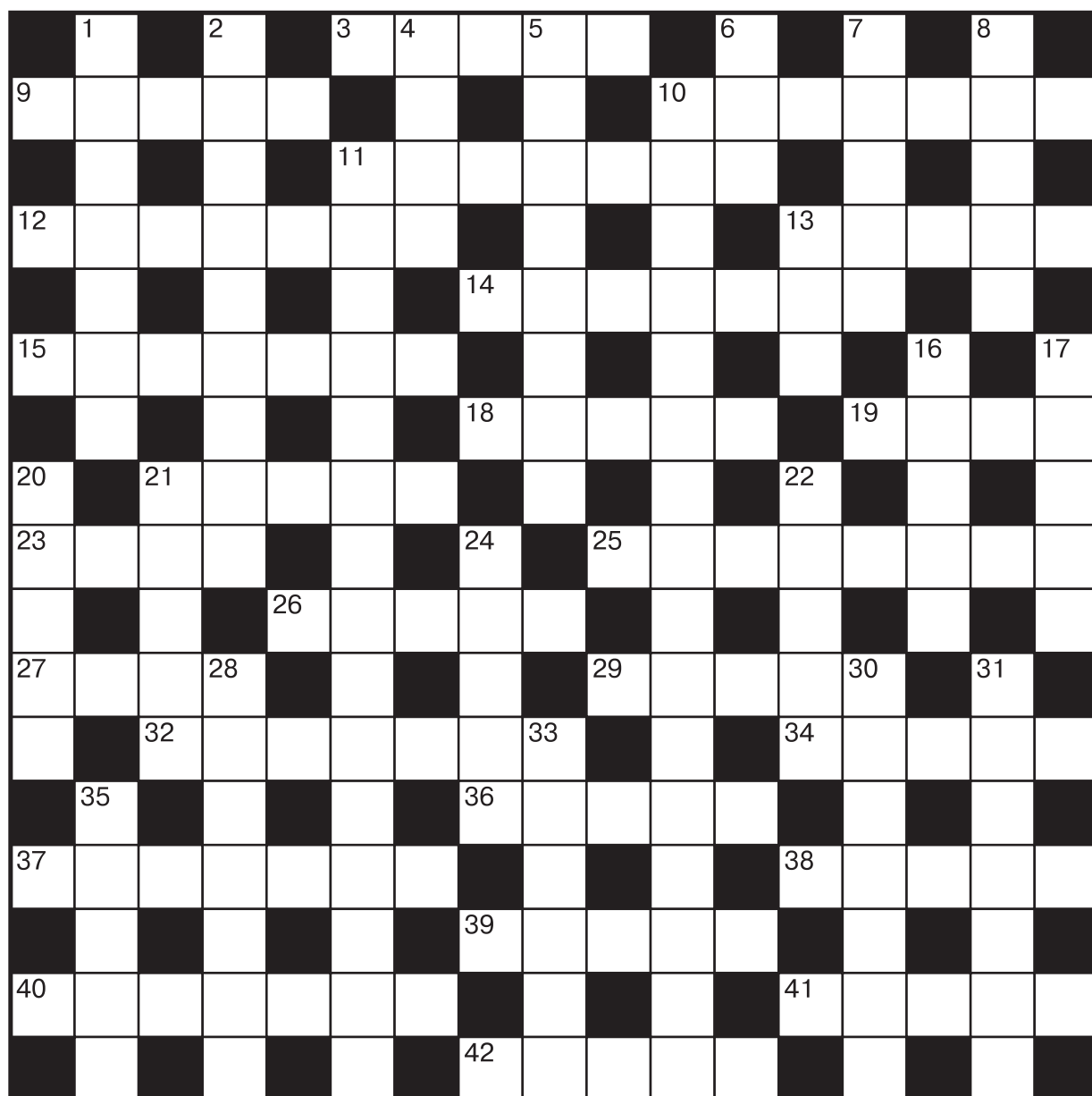
— Нет. А я не спросил, потому что Николай Харитонович еще в те годы неважно видел... Думаю, что к старости зрение у него не улучшилось.

Напоследок мы сделали все, чтобы у Георгия Владимировича не осталось горького осадка от нашей встречи. А главное — мы ему окончательно поверили. Он был открыт нам, хотя в бизнесе слыл хитрым, изворотливым и никому не раскрывающим свои карты.

Мы вежливо попрощались с ним и покинули его кабинет. Теперь — вперед, искать исчезнувшего «мужа»! И причину, по которой он затолкал в клинику нашу бедную Элен. А причина эта, по всей видимости, не что иное, как... преступление! Еще одно, о котором мы пока ничего не знаем... □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Если вам налили чай доверху, то это не от щедрости, а чтобы вы не смогли туда положить еще и ...» **9.** «Инструмент-оркестр». **10.** Английский натуралист с орденом Золотого Ковчега. **11.** «Погостил у носорога, отрубей поел немного». **12.** Чем руководит Шура из «Служебного романа»? **13.** Какая коняшка ходит в тельняшке? **14.** Какой

гриб попал в Италии под запрет? **15.** Чайный напиток, укрепляющий стенки кровеносных сосудов. **18.** Какой змее Всевышний прописал очки? **19.** Считается, что душистая герань снимает головную ... и прогоняет усталость. **21.** С каким праздником связано первое признание в любви Николая Гумилева Анне Ахматовой? **23.** Из какого камня делали в антич-

ные времена ступки, чтобы растереть в них лекарства от укусов насекомых? **25.** Препаратор языка. **26.** Кто зарабатывает на разведывательной деятельности? **27.** «Смазка для лица». **29.** Чеховская лошадиная фамилия. **32.** Наш адмирал, в честь которого назвали море у берегов Антарктиды. **34.** Что можно снять не только с документа, но и с произведения искусства? **36.** Какой автомобильный бренд вышел из компании по переработке пробкового дерева? **37.** Профессиональный «пожиратель огня» среди исполнителей роли Джеймса Бонда. **38.** Диснеевский пес. **39.** Какой предмет зимней одежды стал особенно популярным в нашей стране после выхода на экраны «Карнавальная ночь» Эльдара Рязанова? **40.** Операционная система для мобильных телефонов. **41.** Какие горы поделили Польша со Словакией? **42.** Церковное возвышение для проповедей.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** За какой клуб болеет Елизавета II? **2.** Чинуша с член-

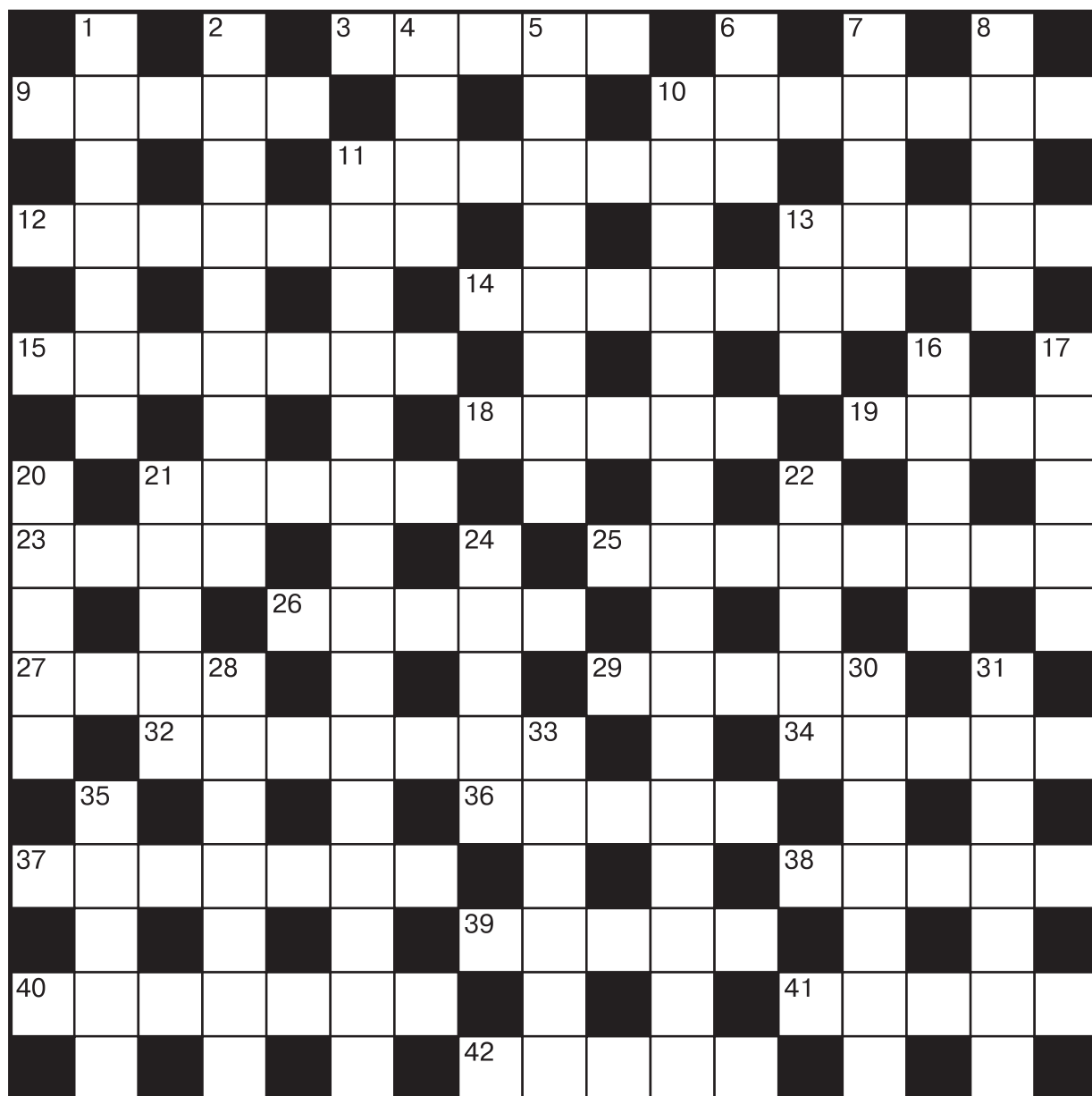
ским билетом. **4.** «Кирпичик молекулы». **5.** Летающая запятая. **6.** Какого мальчишку отбила сказочная девочка Герда у Снежной королевы? **7.** Детская здравница «у самого Черного моря». **8.** «Офисный пигмей». **10.** Кругооборот документов в конторе. **11.** С чем связан праздник из фильма «Утомленные солнцем»? **13.** «На помощь! Спасите!» **16.** Что у чайника самое выдающееся? **17.** Живописная сцена оплакивания Иисуса. **20.** «Капитальный папа Карл». **21.** Апостол, призванный после смерти Спасителя. **22.** Кто считает азарт главным источником острых ощущений? **24.** Глиняный зомби из страшилок о тайных знаниях каббалистов. **28.** Музыкальное светило. **30.** Какой объект на африканской реке Замбези назван в честь королевы Виктории? **31.** Чему мы обязаны крылатой фразой «играть без дураков»? **33.** Из-за него нить накаливания в электролампочке долго не сгорает. **35.** Кто взошел на костер в предутренний час 17 февраля 1600 года на углу площади Цветов и переулка Лучников?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Жираф. **9.** Монро. **10.** Филатов. **11.** Заочник. **12.** Кулинар. **13.** Колба. **14.** Бульдог. **17.** Кокос. **20.** Крик. **23.** Фигаро. **24.** Виноградник. **25.** Трон. **26.** Каин. **27.** Тонер. **29.** Кошка. **31.** Цокот. **32.** Гафт. **33.** Лазерт. **34.** Алдан. **35.** Пшено. **37.** Руть. **38.** Стадион. **39.** Гейтс. **40.** Пчела. **41.** Гренада. **42.** Осока.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Фокус. **2.** Армия. **4.** Икар. **5.** Анчоус. **6.** Тик. **7.** Налог. **8.** Зомби. **10.** Фильм. **11.** «Запорожец». **13.** Комик. **14.** Бояре. **15.** Скотч. **16.** Живот. **18.** Барабан. **19.** Полнота. **21.** Кинозритель. **22.** Идиот. **23.** Физкультура. **28.** Ромштекс. **29.** Корнетик. **30.** Картечь. **32.** Гардинг. **36.** Дождь.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Какую картину Питера Рубенса его вторая жена после смерти художника хотела уничтожить, поскольку изображена на ней обнаженной? **9.** Самый большой лунный кратер, видимый с Земли. **10.** Кто лично вручал серебряные перстни с «мертвой головой»? **11.** Прием у виноделов. **12.** «Множество с са-

моподобием». **13.** Постоялый двор у испанцев. **14.** Венский мастер, придумавший нарезное оружие. **15.** На каком камне с неба славяне прочли «законы Сварога»? **18.** Звезда, упомянутая в романе «Происхождение». **19.** Японские носки. **21.** Ладья в индийских шахматах. **23.** Провал в вечной мерзлоте. **25.** В каком про-

цессе с 1930 года советские колхозы вместо лошадей использовали коров, которых позже заменили на крестьянских баб? **26.** «Староверы» из США и Канады. **27.** Молдавская скрипочка. **29.** Самая дорогая икра в мире. **32.** Форма наследования, когда «старший всегда прав». **34.** Главврач из чеховской «Палаты №6». **36.** Мировой гуманист, сдававший своих детей в приюты. **37.** Бобы, натуральный кондиционер для волос. **38.** Один из трех американских президентов, которые отошли в лучший мир на День независимости. **39.** Кочегар для чехов. **40.** Какой культовый фильм натолкнул кинокомпанию 20th Century Fox на мысль о создании парка развлечений в Дубае? **41.** Живой оксигенатор водоема. **42.** Кожаный выючный сундук прежде в Средней Азии.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кто из английских классиков изобрел трехколесный велосипед? **2.** «Остров Пеликанов» со знаменитой тюрьмой. **4.** Единственная река в российской истории, переименованная царским указом. **5.** Круг сыра у белорусов. **6.** Детский

журнал, где активно публиковали Даниила Хармса. **7.** «Ньютон электричества». **8.** Кто нокаутом убил Билли Коллинза? **10.** Какое изобретение прославило русского физика Бориса Якоби? **11.** Античная поэма о войне мышей и лягушек. **13.** Гора, чья вершина стала последним земным домом писателя Роберта Стивенсона. **16.** В какого знаменитого актера на Каннском фестивале 2013 года неизвестный дважды выстрелил из пистолета и угрожал взорвать гранатой? **17.** Бамбуковый меч для кэндо. **20.** Какая маркиза стала ангелом-хранителем для великого Вольтера? **21.** Блаженный Августин полагал, что «вера вопрошает». А что обнаруживает? **22.** Мобильный «киоск». **24.** Какой богине молится героиня новеллы «Лесной дьявол» Николая Гумилева? **28.** Казахская лепешка. **30.** Эмоциональное состояние, ставшее «золотой песней» Сезарии Эворы. **31.** Креольский танец. **33.** Какому пиву поставили памятник в Копенгагене? **35.** Какая птица представлялась Владимиру Набокову воплощением души русского искусства?

Ответы на эрудит, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Курна. **9.** Улуру. **10.** Томпсон. **11.** Набоков. **12.** Апейрон. **13.** Гиена. **14.** Базилик. **17.** Бичем. **20.** Отав. **23.** Безель. **24.** Тасикинезия. **25.** Узел. **26.** Квок. **27.** Сенет. **29.** Дуомо. **31.** Туйон. **32.** Гесс. **33.** Питти. **34.** Ахкам. **35.** Чакра. **37.** Кокоа. **38.** Антидор. **39.** Полба. **40.** Раста. **41.** Липушка. **42.** Чаоит.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Клопп. **2.** Трайк. **4.** Уран. **5.** Неотам. **6.** Иов. **7.** Иппик. **8.** Кокни. **10.** Тонис. **11.** Нобилитет. **13.** «Гилея». **14.** Берия. **15.** Хочун. **16.** Латес. **18.** Реквием. **19.** Ньюкасл. **21.** Валентность. **22.** Вещун. **23.** Биомеханоид. **28.** Туманова. **29.** Дограбки. **30.** Гиполан. **32.** Гадибук. **36.** Кошка.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на текущие номера 2020 года через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 132 рубля 00 копеек	За 1 номер — 159 рублей 50 копеек
За полугодие — 792 рубля 00 копеек	За полугодие — 957 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

ПОЧТА РОССИИ

ОФОРМЛЯЙТЕ ПОДПИСКУ НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ДОМА

на сайте podpiska.pochta.ru

в мобильном приложении Почты России

через почтальона

Мы заботимся о Вашей безопасности! Ваше здоровье – главный приоритет

Инструкция по оформлению подписки на печатную прессу через сайт PODPISKA.POCHTA.RU

1. Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - a. по индексу,
 - b. по теме и профессиональным интересам,
 - c. по алфавиту,
 - d. по части названия,
 - e. из списка самых популярных
 - f. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
2. Выберите способ доставки.
3. Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
4. Выберите период подписки.
5. Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
6. Оплатите заказ.

Инструкция по оформлению подписки онлайн через МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПОЧТЫ РОССИИ

1. Зайдите в мобильное приложение Почты России.
2. В правом нижнем углу выберите раздел «Еще».
3. Нажмите на строчку «Подписка на журналы и газеты».
4. Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - a. по индексу,
 - b. по теме и профессиональным интересам,
 - c. по алфавиту,
 - d. по части названия,
 - e. из списка самых популярных
 - f. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
2. Выберите способ доставки.
3. Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
4. Выберите период подписки.
5. Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
6. Оплатите заказ.

ПОДПИСКА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется через ООО «УП УРАЛ-ПРЕСС»
+7(3652)51-02-35; +7-978-117-13-07; Эл. почта: e_bunina@ural-press.ru

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Сегодня проблема отцов и детей остается такой же актуальной, какой была еще в тургеневские времена. Наверное, в каждой семье бывают разногласия между детьми и родителями, которые порой пытаются навязать ребенку свое видение образа жизни.

А ведь рецепт очень прост: надо всего лишь проявлять больше внимания и терпения друг к другу и, конечно, в первую очередь, — просто любить...

Расскажите о своей семье, о своих благополучных — и не очень — детях, о проблемах, связанных с ними. И даже если вы, как говорится, живете «в унисон», наверное, вам есть что рассказать нам и читателям.

Вот мы и решили в 2020 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Отцы и дети».**

Тексты с пометкой «На конкурс»
принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 тысяч знаков)
в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru**
в течение 2020 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2021 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

